

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ИНСТИТУТ АФРИКИ

АЗИЯ сегодня **и АФРИКА**

2022 № 4

Ежемесячный научный журнал

Выходит с июля 1957 года (до марта 1961 г. - «Современный Восток»).

Журнал издается под руководством Отделения историко-филологических наук РАН

ISSN 0321-5075 (Print); ISSN 2782-2389 (Online)

Главный редактор
академик РАН А.М. Васильев

Редакционная коллегия:

И.О. Абрамова (Институт Африки РАН, Москва, Россия),
Б.А. Акинтеринва (Нигерия), В.Я. Белокрыцкий (Институт востоковедения РАН,
Москва, Россия), Х.Х.С. Вишванатан (Индия), Л.В. Гевелинг (Москва, Россия),
Ян Гуан (КНР), А.Б. Давидсон (Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия),
А.В. Денисов (Москва, Россия), Я.М. Ибн Джунейд (Саудовская Аравия),
С.С. Кунанбаева (Казахстан), Москва, Россия), В.А. Мельянцева (Институт стран Азии
и Африки МГУ им. М.В.Ломоносова, Москва, Россия), Д.В. Мосяков, (Институт
востоковедения РАН, Москва, Россия), Ф.С. Муфаммади (ЮАР), М. Наср аль-Гибали
(Египет), У. Рено (США), С.В. Прохогина (Институт востоковедения РАН, Москва, Россия),
О.И. Тетерин (Москва, Россия), Л.Л. Фитуни (Институт Африки РАН, Москва, Россия),
Т.Л. Шаумян (Институт востоковедения РАН, Москва, Россия),
В.Г. Шубин (Институт Африки РАН, Москва, Россия)

Редакция:

О.И. Тетерин, первый зам. главного редактора
А.В. Денисов, ответственный секретарь
В.С. Окулов, редактор
Е.А. Львов, зав. редакцией
Г.М. Абишева, оформление и верстка

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES
INSTITUTE FOR AFRICAN STUDIES

ASIA today & AFRICA

2022 № 4

Scientific monthly journal

Published since July 1957 (until March 1961 has been issued under the title “Sovremennyi Vostok” / “Contemporary East”). The journal is published under the supervision of the Historical and Philological Department of the Russian Academy of Sciences (RAS)
ISSN 0321-5075 (Print); ISSN 2782-2389 (Online)

Editor-in-Chief

Academician of RAS A.M. Vasiliev

Editorial Board:

I.O. Abramova (Institute for African Studies, RAS, Moscow, Russia),
B.A. Akinterinwa (Nigerian Institute of International Affairs, Nigeria), V.Ya. Belokrenitsky (Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia), Ya.M. Bin Junaid (Center for Research and Islamic Studies, Saudi Arabia), A.B. Davidson (Institute of World History, RAS, Moscow, Russia),
A.V. Denisov (Moscow, Russia), L.L. Fituni (Institute for African Studies, RAS, Moscow, Russia),
L.V. Geveling (Moscow, Russia), Y. Guang (Chinese Academy of Social Sciences, China),
S.S. Kunanbayeva (Kazakh Ablai Khan University of International Relations and World Languages, Kazakhstan), V.A. Meliantsev (Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia), D.V. Mosyakov (Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia),
F.S. Mufamadi (University of Johannesburg, South Africa), M. Nasr El-Gebaly (Ain Shams University, Egypt), S.V. Prozhogina (Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia),
W. Reno (Northwestern University, USA), T.L. Shaumyan (Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow), V.G. Shubin (Institute for African Studies, RAS, Moscow, Russia),
O.I. Teterin (Moscow, Russia), H.H.S. Viswanathan (BRICS Think Tank Council, India)

Editorial Staff:

O.I. Teterin, First Deputy Editor-in-Chief
A.V. Denisov, Executive secretary; V.S. Okulov, Text editor
E.A. Lvov, Office manager; G.M. Abisheva, Designer

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИКА, ЭКОНОМИКА

Урнов Ю.А. США - Африка. Визит Государственного секретаря Э.Блинкена в Кению, Нигерию, Сенегал (ноябрь 2021). Часть 2	5
Полякова Е.С. Развитие научной коммуникации в Китае	14
Солодкова О.Л., Анташева М.С. Новая историческая политика и критика Джавахарлала Неру и Индиры Ганди в современной индийской прессе	20
Хайруллин Т.Р., Коротаев А.В. Катарско-турецкий и саудовско-эмиратский блок: борьба за влияние в Судане	29
Тимашов К.Н., Хохлова А. (Санкт-Петербург). Израильско-южнокорейские отношения: вчера и сегодня	37
Жилина Л.В. (Омск). Японская молодежь в эпоху COVID-19	44
Solovieva V.Yu., He Mingjun (China). National innovation systems and technology transfer of SCO countries	51

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

К столетию со дня рождения Джулиуса Ньерере

Бакланов А.Г. Джулиус Ньерере: в Танзании его называли «Учитель»	59
---	-----------

КУЛЬТУРА, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО

Прожогина С.В. Литература как диагноз и как прогноз (творчество магрибинцев XX-XXI столетий)	66
---	-----------

РЕЦЕНЗИИ

Горелик Б.М. Воспоминания как источник и историческое исследование	73
Белокреницкий В.Я. Личная жизнь основателя Пакистана	77
<i>От редакции</i>	
Монография академика Алексея Васильева в Египте, Великобритании и Китае	80

© Российская академия наук, 2022
© Редколлегия журнала «Азия и Африка сегодня»
(составитель), 2022

Точка зрения авторов может не совпадать с точкой зрения редакции.

Журнал включен в список ВАК. Входит в Russian Science Citation Index на платформе Web of Science и EBSCO Publishing.

Адрес редакции:

123001, Москва, ул. Спиридоновка, д. 30/1
Тел.: **+7 495-697-95-66, 691-02-70**
E-mail: **asaf-today@mail.ru**
Интернет: **www.asaf-today.ru**

CONTENTS

POLITICS, ECONOMICS

Andrey Yu. Urnov. USA - Africa: Secretary of State Antony J. Blinken's Visit to Kenya, Nigeria, and Senegal (November 2021). Part 2	5
Yeseniya S. Polyakova. Development of science communication in China	14
Olga L. Solodkova, Mariia S. Antasheva. The new historical politics and criticism of Jawaharlal Nehru and Indira Gandhi in contemporary Indian press	20
Timur R. Khayrullin, Andrey V. Korotayev. Qatari-Turkish and Saudi-Emirati alliance: Struggle for influence in Sudan	29
Konstantin N. Timashov, Anastasiia B. Khokhlova (St. Petersburg). Israeli - South Korean relations: Yesterday and today	37
Larisa V. Zhilina (Omsk). Japanese youth in the COVID-19 era	44
Yuliana V. Solovieva, Mingjun He (China). National innovation systems and technology transfer of SCO countries	51

PAGES OF HISTORY

On the centenary of the birth of Julius Nyerere

Andrey G. Baklanov. Julius Nyerere: In Tanzania he was called "Teacher"	59
--	----

CULTURE, LITERATURE, ART

Svetlana V. Prozhogina. Literature as a diagnosis and as a prognosis (creativity of the people of Maghreb in the XX-XXI centuries)	66
---	----

BOOK REVIEW

Boris M. Gorelik. A personal account as a historical source and a work of history	73
Vyacheslav Ya. Belokrenitsky. Private life of Pakistan's founder	77
<i>Editorial</i>	
Books of academician Alexey Vasiliev in Egypt, Great Britain, and in China	80

© Russian Academy of Sciences, 2022
© Editorial board of «Asia & Africa today» (compiler), 2022

The authors' opinions may not coincide with position of the Editorial.

Included in Russian Science Citation Index on WoS platform, and EBSCO Publishing.

Postal Address:

30/1 Spiridonovka Str.
123001, Moscow, Russian Federation
Tel.: +7 495-697-95-66, 691-02-70
E-mail: asaf-today@mail.ru
Website: www.asaf-today.ru

США - Африка. Визит Государственного секретаря Э. Блинкена в Кению, Нигерию, Сенегал (ноябрь 2021) Часть 2*

© Урнов А.Ю.^а, 2022

^а Институт Африки РАН. Москва, Россия
ORCID ID: 0000-0003-0520-0194; aurnov@yandex.ru

Резюме. Во второй части статьи рассказано о пребывании государственного секретаря США в Сенегале (20 ноября 2021 г.) - одной из 7 франкоговорящих стран Африки. Э.Блинкен был принят президентом М.Саллом, провёл обстоятельные переговоры с министром иностранных дел. Обсуждалось двустороннее сотрудничество в пяти сферах «общих интересов - глобальное здравоохранение, климатический кризис, инклюзивный экономический рост, демократия, мир и безопасность». В ходе визита четыре американские компании подписали с правительством Сенегала Меморандум об инвестировании \$1 млрд в инфраструктурные проекты страны.

На основе заявлений и ответов государственного секретаря на вопросы СМИ в ходе его визита в Африку представлена позиция США по конфликтным ситуациям в четырех странах Африки. Установочные требования: Эфиопия - прекращение вооружённой борьбы между Федеральным правительством и Народным фронтом освобождения Тыграя, диалог и политическое урегулирование; Сомали - завершение формирования парламента и выборы президента; Судан и Мали - «демократический транзит» от военных режимов к гражданскому правлению.

Приведены фактические данные об участии африканских государств в инициированном президентом Байденом глобальном очно-дистанционном «Саммите за демократию» 8-10 декабря 2021 г. Из 54 стран континента на саммит были приглашены 17. Бросалось в глаза отсутствие Алжира, Марокко, Туниса и Египта.

Ключевые слова: Соединенные Штаты, Африка, партнёрство, общие интересы, экономический рост, демократия, мир и безопасность, конфликт, политическое урегулирование, диалог

Для цитирования: Урнов А.Ю. США - Африка. Визит Государственного секретаря Э.Блинкена в Кению, Нигерию, Сенегал (ноябрь 2021). Часть 2. *Азия и Африка сегодня*. 2022 № 4. С. 5-13. DOI: 10.31857/S032150750019729-3

USA - Africa: Secretary of State Antony J. Blinken's Visit to Kenya, Nigeria, and Senegal (November 2021) Part 2

© Andrey Yu. Urnov^a, 2022

^a Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia
ORCID ID: 0000-0003-0520-0194; aurnov@yandex.ru

Abstract. In the second part of the article three topics are reviewed. The US secretary of state visit to Senegal (November 20, 2021). Senegal was of particular interest to the United States as a member of French speaking community of African countries and a 2022 chairmen of the African Union.

A. Blinken was received by President M. Sall. A comprehensive discussion with Foreign minister Aissata Sall was devoted to the cooperation in five areas of "common interests - global health, the climate crisis, inclusive economic growth, democracy, peace and security". During the visit the Senegal government and four American companies signed a Memorandum of \$1 billion investments into infrastructural projects of the country.

The remarks made by the secretary during his stay in Africa provide the materials for the assessment of the US position on four acute conflict situations on the continent. Proposed schemes of settlement: Ethiopia - end of hostilities between the Federal government and the Tigray People's Liberation Front, dialogue and negotiated political agreement; Somalia - the conclusion of parliament formation and presidential elections; Sudan and Mali - transit from military regimes to democratic civilian led governments.

The author cites factual aspects of Africa participation in the virtual global "Summit for democracy" initiated by President Biden (December 8-10, 2021). The Summit was conceived as a step toward the establishment of the US-led global alliance against China and Russia under the cover of democracy protection from "authoritarianism". Out of 54 African states only 17 were invited. Surprisingly Algeria, Morocco, Tunisia and Egypt were left out.

* О к о н ч а н и е . Начало см.: Урнов А.Ю. США. Африка. Визит Государственного секретаря Э. Блинкена в Кению, Нигерию, Сенегал (ноябрь 2021 г.). Часть 1. *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 3. С. 5-13. DOI: 10.31857/S032150750019235-0.

Keywords: United States, Africa, partnership, common interests, inclusive economic growth, democracy, peace and security, conflict, political settlement dialogue

For citation: Andrey Yu. Urnov. USA - Africa: Secretary of State Antony J.Blinken's visit to Kenya, Nigeria, and Senegal (November 2021). Part 2. *Asia and Africa today*. 2022 № 4. Pp. 5-13. (In Russ). DOI: 10.31857/S032150750019729-3

СЕНЕГАЛ

Официальное сообщение о приёме Э.Блинкена президентом Сенегала Маки Саллом 20 ноября 2021 г. было кратким. Участники встречи подтвердили «партнёрский характер» двусторонних отношений, «обсудили общие глобальные приоритеты - прекращение пандемии, возобновление инклюзивного экономического роста, укрепление демократического управления и уважение прав человека в регионе». Со своей стороны, госсекретарь «аплодировал» руководителю Сенегала, как участнику решения африканских проблем, «поднял вопрос об укреплении сотрудничества в области безопасности при продолжении совместной работы по противодействию климатическим изменениям» [1].

Главным собеседником Э.Блинкена была министр иностранных дел Айсата Талл Салли. Министр поблагодарила госсекретаря за то, что Сенегал стал первой из семи франкоговорящих стран Африки, которую он решил посетить: «Для нас это очень много значит ... показывает, что Сенегал занимает особое место в отношениях, которые вы хотите иметь с Африкой», - сказала А.Т.Салли. Из её высказываний следовало, что сенегальское руководство готово сделать всё, чтобы оправдать такое доверие. «Мы будем придерживаться тех же принципов, того же видения, тех же мыслей и тех же целей, достижения которых мы вместе желаем всему миру». Главенствующая роль США в мире безоговорочно признавалась. «Мы хотим поблагодарить Соединенные Штаты за возвращение на мировую сцену, в её центр, потому, что это ваше место и вам ни в коем случае не следовало его покидать. Мы счастливы, что вы вернулись», - заявила А.Т.Салли. «Великой инициативой» назвала министр предложение Дж.Байдена провести Саммит за демократию. Президент М.Салл будет в нём участвовать. «Сенегальская модель станет примером для всех стран, и это приводит меня в трепет», - расчувствовалась А.Т.Салли. Была выражена готовность принять в Сенегале Саммит США - Африка [2].

Щедрым на комплименты был и государственный секретарь. «Сенегал - это демократия, мотор экономического развития в Западной Африке, лидер различных африканских институтов, участник международных миротворческих усилий». «Министр иностранных дел и я имели продуктивную дискуссию практически по всем стоящим перед нами критически важным вопросам». «Мы высоко ценим наше партнерство, но хотим поднять его на новый уровень амбиций, взаимности и эффективности», - говорил Э.Блинкен после окончания переговоров [3]. Посмотрим, как складывались дела на основных направлениях сотрудничества.

Экономика. До пандемии экономика Сенегала ежегодно прирастала на 6%. Пандемия COVID-19 вызвала спад, но прогноз был благоприятным - 10,8% роста в 2023 г. «В 2020 г. помощь США сенегальскому народу в поддержку наших общих целей превысила \$155 млн», - отмечалось в справочном материале Госдепа «США и Сенегал - 60 лет партнёрства» [4].

Экспорт Соединенных Штатов в Сенегал в 2020 г. составил \$281 млн, импорт - \$101 млн. В Сенегале работали около 50 американских компаний. Сфера деятельности - инфраструктура, информационные и коммуникационные технологии, энергетика транспорт, финансы, туризм. Число компаний быстро росло и, по оценке министра экономики Сенегала А.Хотта, «могло в скором времени удвоиться». В 2018-2020 гг. энергетическая компания «Лекела» при финансовой и организационной поддержке МФК и ЮСАИД, действовавших через «Африка - Энергетика», построила в Сенегале крупнейшую в Западной Африке ветряную станцию мощностью 160 МВт, генерирующую 15% электроэнергии страны. Для сооружения станции потребовалось создать 450 новых рабочих мест и проложить 20 миль местных дорог [5].

В сентябре 2021 г. началось осуществление второго «компакта» (соглашения) с «Корпорацией вызов тысячелетия», в соответствии с которым в течение 5 в модернизацию высоковольтных ЛЭП страны планировалось инвестировать \$550 млн; вклад правительства Сенегала - \$50 млн. ЮСАИД через программу «Накормим будущее» помогало повысить продуктивность рыболовства, урожайность риса, кукурузы и проса [4].

ЮСАИД выделило американской компании «Винрок» \$14,8 млн на подготовку сенегальской молодёжи и женщин, желающих заняться бизнесом в области сельского хозяйства, здравоохранения, энергетики, водоснабжения, санитарии и гигиены [5].

К визиту Э.Блинкена была приурочена церемония торжественного подписания правительством Сенегала и четырьмя американскими компаниями Меморандума о взаимопонимании об инвестировании \$1 млрд в инфраструктурные проекты страны. «Кьюбик Корпорейшн» предстояло упорядочить автодорожное движение в Дакаре и вокруг него; компании «Бетчел» - построить при поддержке МФК 300-километровое шоссе, соединяющее столицу с административным центром Сент Луи на северном побережье

страны; «АБД Групп» - соорудить мост через р. Казамане в административном центре Загиншар; компании «Моторола» - создать в сотрудничестве с МВД цифровую коммуникационную сеть безопасности граждан. Посол США в Сенегале и Новой Гвинее С.Мушенги назвал эти проекты «американской моделью экономического сотрудничества, когда передача технологий сопровождается созданием рабочих мест как в Сенегале, так и в США» [5].

Здравоохранение. За последние 20 лет на поддержку здравоохранения США выделили Сенегалу \$880 млн [4]. К ноябрю 2021 г. было передано почти 904 тыс. доз антиковидной вакцины. Сумма чрезвычайной помощи, оказанной стране на осуществление мер по противодействию распространению вируса, уходу за заболевшими, организации прививок составила \$10,7 млн [4].

Климат. Экология. Взаимодействие в этой сфере осуществлялось в основном в рамках экологических программ ООН. Оказывалась поддержка политике Дакара, направленной на развитие «зелёной энергетики». К 2025 г. планировалось обеспечить стопроцентную электрификацию страны [4].

Связи между людьми. Образование. Акцент - на обучение английскому языку и подготовку будущих руководителей. Волонтеры «Корпуса мира» с 1963 г. преподавали английский язык в средних школах Сенегала. Их общее число достигло 4 тыс. человек. Ежегодно около 100 сенегальских студентов, преподавателей и специалистов приезжали в США по программам обмена, спонсируемым Государственным департаментом. Число участников этих программ превысило одну тысячу. За пределами Дакара в стране действовали «американские площадки» (*spaces*) обучения английскому языку, подготовки молодежи и консультации предпринимателей по вопросам науки, технологий, инженерного искусства и математики (*СТЕАМ*). В 2019 г. эти площадки посетили 74 тыс. человек [4].

Курс по программе Госдепартамента «Доступ к английскому» прошли 5 тыс. студентов. Региональный центр ЯАЛИ в Дакаре готовит будущих лидеров в области гражданского руководства, публичного менеджмента и предпринимательства. С 2015 г. обучение в центре завершили 4,2 тыс. слушателей из франкоговорящих стран Африки. В 2020 г. ЮСАИД в рамках программ обучения чтению профинансировал издание 743,5 тыс. учебных пособий на наиболее распространенных в Сенегале языках. «Обмен стимулирует экономику США, активно продвигая партнерство с американским бизнесом и образовательными институтами». «Американские площадки способствуют взаимопониманию между местными сообществами и Соединенными Штатами в поддержку политики США», - признавалось в материале Госдепа [4].

Безопасность. Контртерроризм. «Сенегал является стойким партнером США в укреплении региональной стабильности и безопасности в Западной Африке и за её пределами». Системы его правоохранительных, судебных и исправительных органов, равно как и вооруженные силы, «относятся к числу наиболее дееспособных в регионе», отмечалось в материале Госдепа. Американская помощь Сенегала включала поставки имущества, подготовку и обучение кадров, выдачу рекомендаций и советов. Кроме того, правительство США оказывало помощь Сенегалу как участнику Транссахарского контртеррористического партнерства [4].

Демократия. Управление. В течение многих лет Сенегал служит для региона «моделью демократии», отмечалось в материале Госдепа. Никаких претензий к этой «модели» Э.Блинкен не предъявлял. Совместные усилия были направлены на совершенствование работы госорганов Сенегала и повышение роли гражданского общества.

На вопрос корреспондента «Франс Пресс», не подрывает ли репутацию Дакара как демократического государства недавний арест лидера оппозиции, Э.Блинкен заметил, что ни одну демократию нельзя принимать как нечто безупречное. Но, продолжал госсекретарь, наша беседа с президентом показала, что он является «твёрдым лидером демократии, демократических ценностей и демократических институтов». США «очень многого» ожидают от него» на Саммите в защиту демократии и в следующем году, когда Сенегал возглавит Африканский Союз [3].

Короче, тревожиться за сенегальскую демократию не следует.

О НЕКОТОРЫХ КОНФЛИКТНЫХ СИТУАЦИЯХ В АФРИКЕ

Заметное внимание на переговорах было уделено конфликтным ситуациям в ряде стран Африки. Установочные позиции общие - отказ от насилия, прекращение военных действий, диалог, политическое решение, выборы, восстановление гражданского правления. Детали обсуждений не раскрывались. О некоторых нюансах позиции США Э.Блинкен рассказал, отвечая на вопросы представителей СМИ.

ЭФИОПИЯ

США настаивали на прекращении военных действий между войсками Федерального правительства и повстанцами Народного фронта освобождения Тыграя (НФОТ). Все стороны пока «продолжают верить в

военное решение [6], но политическое урегулирование «не просто возможно, а абсолютно необходимо», иначе страна развалится и конфликт охватит весь регион, - заявил Блинкен [7]. В эфиопском конфликте США не оказывают поддержки «ни одной из сторон», но их позиция не является «нейтральной». «Дело не в конкретной личности или в конкретном регионе... Мы работаем в поддержку Эфиопии, её демократии, мирного и благополучного будущего её народа», - утверждал госсекретарь [8].

Соединённые Штаты признавали А.Ахмеда «законно избранным лидером Эфиопии». Как премьер-министру ему надлежит «сыграть жизненно важную роль в том, чтобы собрать страну, вместе, покончить с насилием, заняться глубокими расхождениями, возникшими в Эфиопии в прошедшем году, оказать населению помощь и поддержку, в которых оно нуждается. Но точно такие же задачи стоят и перед другими участниками конфликта», - говорил Э.Блинкен. От ответа на вопрос, не следует ли лишить А.Ахмеда Нобелевской премии мира, он уклонился, сказав, что решение на этот счёт входит в компетенцию Нобелевского комитета [9].

Согласно принципу «африканские решения африканских проблем», главным посредником в поисках урегулирования конфликта Вашингтон считал Африку. Роль США - вспомогательная. Они поддерживают усилия высокого представителя Афросоюза, бывшего президента Нигерии О.Обасанджо, президента Кении У.Кениаты, других африканских акторов. С Обасанджо тесно сотрудничает специальный посланник США на Африканском Роге Дж.Фелтман [9].

Проводилась работа и с эфиопскими сторонами. Мы «тесно общаемся с премьер-министром А.Ахмедом», поддерживаем с ним «регулярные контакты», говорил Блинкен. Совсем недавно у него состоялась встреча с заместителем премьера, министром иностранных дел Эфиопии Д.Мекконеном. Есть контакты с НФОТ и другими участниками конфликта [8]. Характеризуя посреднические усилия США, Э.Блинкен был красноречив. Мы работаем «сверхурочно» [6], «каждый день», «поощряем, поддерживаем, подталкиваем, подкалываем» [9].

В сентябре 2021 г. Дж.Байден издал указ, разрешающий применение санкций в отношении лиц и организаций, причастных к нарушениям прав человека на севере Эфиопии [10]. С принятием адресных санкций Вашингтон тянул, дабы не вмешиваться в конфликт на чьей-либо стороне. Но терпение иссякло. На пресс-конференции в Найроби 19 ноября 2021 г. Э.Блинкен предупредил, что, если нарушения прав человека в Эфиопии будут продолжаться, эта страна лишится торговых преференций, получаемых по закону АГОА [6]. С 1 января 2022 г. Эфиопия была исключена из списка бенефициариев АГОА [11].

К тому времени военная ситуация в Эфиопии претерпела существенные изменения. 25 ноября 2021 г. вооруженные силы Федерального правительства перешли в контрнаступление. Формированиям НФОТ пришлось оставить контролируемые ими территории в соседних штатах и вернуться в Тыграй. В свою очередь, федеральные войска получили приказ оставаться на занятых позициях и полномасштабных операций в Тыграе не предпринимать.

10 января 2022 г. состоялся телефонный разговор Дж.Байдена с А.Ахмедом. Согласно официальному сообщению, «два лидера обсудили пути ускорения диалога о прекращении огня, срочного улучшения доступа к гуманитарной помощи во всей Эфиопии, достижения конкретного прогресса в разрешении конфликта», другие острые вопросы. Многообещающе прозвучала фраза о том, что участники встречи «подчеркнули важность отношений между США и Эфиопией, потенциальные возможности укрепления сотрудничества по ряду вопросов» [12]. «В продолжение конструктивного телефонного разговора» на переговоры в Аддис-Абебу направились помощница госсекретаря по делам Африки Молли Фи и спецпосланник на Африканском Роге Д.Сэттерфилд [13].

Ожидаемого перелома пока не произошло.

СУДАН

Американо-суданские связи достаточно успешно развивались после того, как в апреле 2019 г. в Хартуме был свергнут режим Омара аль-Башира, а пришедшая к власти в стране военно-гражданская коалиция в обмен на исключение Судана из американского списка государств-спонсоров международного терроризма, в октябре 2020 г. присоединилась к «Авраамовым соглашениям» о нормализации отношений с Израилем (подробнее см.: [34]).

Наладившееся было сотрудничество между военными, контролировавшими верховный Суверенный совет во главе с генералом аль-Бурханом и гражданским правительством премьер-министра А.Хамдука, не выдержало испытания временем. Во второй половине октября 2021г. в стране начались массовые демонстрации сторонников как военных, так и гражданских властей. 25 октября аль-Бурхан объявил о введении чрезвычайного положения, отстранении А. Хамдука от должности и роспуске правительства. Премьер был взят под домашний арест, но позже освобождён. Военные применяли силу при разгоне демонстраций. До гражданской войны дело не дошло.

Соединённые Штаты изначально сделали ставку на А.Хамдука. События 25 октября были расценены как «захват власти и военный переворот», нарушивший «исторический процесс продвижения Судана к демократии, свободе и процветанию» [6]. Выдвигалось требование о восстановлении прежней формы правления и возвращения на путь демократического транзита. Публичные заявления подкреплялись личными контактами. 4 ноября Э.Блинкен переговорил по телефону с аль-Бурханом и А.Хамдуком, затем Хартум посетила помощник госсекретаря по делам Африки М.Фи.

Отношение к аль-Бурхану критическое. Между его заявлениями о приверженности демократии существует «большой разрыв». «Источник реальной легитимности - это премьер-министр», - заявил Э.Блинкен на пресс-конференции в Найроби 17 ноября 2021 г. «Тотально неприемлемым» назвал он расстрел в Судане 17 ноября мирной демонстрации. Но дверь была оставлена приоткрытой. Если реальные изменения всё же произойдут, ныне приостановленное предоставление Судану международной помощи и гарантий по займам - а это \$4 млрд и \$20 млн, соответственно, - будет возобновлено, пообещал Э. Блинкен [6].

Подвижка произошла 21 ноября, когда между сторонами было достигнуто соглашение о постепенном переходе к гражданскому правлению. А.Хамдук был восстановлен в должности премьера.

На следующий день госсекретарь позвонил по телефону аль-Бурхану и А.Хамдуку, одобрив достигнутое соглашение [14]. В совместном заявлении США, Великобритании, Саудовской Аравии и ОАЭ соглашение от 21 ноября было оценено как «первый шаг» на пути возвращения Судана к демократии. К участникам соглашения был обращён призыв как можно скорее опубликовать «заслуживающую доверия дорожную карту о проведении выборов в конце 2023 - начале 2024 гг.» [15].

Договориться о последующих действиях стороны, однако, не смогли. 2 января 2022 г. А.Хамдук объявил, что уходит в отставку. Остро встал вопрос о формировании нового правительства - теперь уже без А.Хамдука. Аль-Бурхан считал, что этот вопрос входит в его компетенцию. Выборы он обещал провести в середине 2023 г. Оппозиция, однако, требовала от военных немедленного ухода из политики и передачи власти гражданскому правительству. В Хартуме и других городах проходили массовые демонстрации протеста. Власть отвечала жёстко.

Вскоре после отставки А.Хамдука «Интегрированная переходная миссия ООН помощи Судану» (ЮНИТАМС) объявила о запуске процесса «инклюзивных» консультаций сторон по выходу из кризиса, в котором она будет участвовать в качестве «помощника» [16].

Одобрив начинание ЮНИТАМС, Вашингтон пошёл дальше. Военные совершили «предательство», поэтому ранее согласованная модель власти на переходный период должна быть пересмотрена, заявила М.Пи. на слушаниях в сенатском Комитете по международным делам 1 февраля 2022 г. Отныне военным надлежит выступать уже не в роли «партнёра» гражданской власти, а в роли простого «участника» переходного процесса. Вашингтон намерен использовать «весь набор традиционных и нетрадиционных инструментов», чтобы побудить военных руководителей «изменить поведение». Тем самым будет установлен «новый баланс между военными и гражданскими», «что является предварительным условием успеха демократии в Судане», сказала помощник государственного секретаря [17].

Тем временем, аль-Бурхан оставался фигурой номер один. Напряжённость в стране нарастала.

МАЛИ

Соединённые Штаты негативно восприняли повторный военный переворот в Мали в мае 2021 г. После первого переворота (август 2020 г.) между ЭКОВАС и Бомало была достигнута договорённость о восстановлении в стране демократии путём проведения президентских и парламентских выборов по истечении 18-месячного переходного периода в феврале 2022 г. Новую власть во главе с временным президентом А.Гоита такой календарь не устраивал.

Э.Блинкен поддерживал ЭКОВАС. «Мы предпримем необходимые шаги для возобновления зарубежной помощи Мали во всём её объёме, как только демократически избранное правительство приступит к работе», - заявил он на совместной пресс-конференции в Дакаре [3].

Вашингтон активно подключился к развязанной Францией кампании против приглашения в Мали российской ЧВК «Вагнер». «Внешние акторы делают ситуацию лишь ещё более трудной и более сложной. Я имею в виду такие группы, как «Вагнер» в Мали», - заявил Э.Блинкен [3]. Между тем, правительство Мали отрицало присутствие «Вагнер» в стране; Москва неоднократно подчёркивала, что никаких отношений с этой кампанией РФ не поддерживает. Военное сотрудничество с Мали осуществлялось по государственной линии.

Переходный период в Мали затягивался. В начале января власти объявили, что на подготовку выборов потребуется 5 лет [18]. В ответ 9 января 2022 г. Саммит ЭКОВАС ввёл против Мали пакет дополнительных санкций, включавших закрытие сухопутных и воздушных границ, запрет на финансовые и торговые опе-

рации. А.Гаита назвал санкции «незаконными и бесчеловечными» [19]. Позиция Бомako по срокам переходного периода оставалась неизменной.

С 1 января 2022 г. США отказали Мали в торговых преференциях по закону АГОА [11]. Государственный департамент санкции ЭКОВАС поддержал [20].

СОМАЛИ

Главная внутривластная проблема Сомали - избрание нового президента. Согласно конституции, глава государства избирается на совместном заседании двух палат сомалийского парламента. Ко времени приезда Э.Блинкена в Африку, несмотря на перебои и задержки, электоральная ситуация в Сомали выглядела сносно. Так что у госсекретаря были определенные основания для оптимизма и на встрече в штаб-квартире Межправительственной организации по развитию (ИГАД) 17 ноября 2021 г. он «подчеркнул важность завершения национальных выборов в Сомали к концу года» [21].

В совместном заявлении об американо-кенийском стратегическом диалоге была подтверждена приверженность сторон «противостоянию и деградации “Аш-Шабаб” в Сомали». Госсекретарь благодарил Кению за участие её контингента в миротворческой миссии Афросоюза [22].

Ответ Э.Блинкена на вопрос корреспондента «Нью Йорк Таймс», вернутся ли войска США в Сомали, был уклончивым: «Это вопрос прежде всего к Министерству обороны и в более широком плане - к администрации. Сейчас проводится оценка ситуации. Она не завершена, так что я не буду забегать вперед» [7].

Ситуация изменилась в конце 2021 г., когда между действующим президентом Мохамедом Абдулахи Мохамедом (Фармаджо) и премьер-министром Хусейном Робле возник конфликт. 26 декабря президент лишил Х.Робле полномочий по организации и наблюдению за выборами как «не справившегося». В ответ премьер обвинил Мохамеда в попытке сорвать выборы, чтобы остаться у власти.

Решению президента премьер не подчинился, выступив с инициативой созвать Национальный консультативный совет (НКС) для рассмотрения вопроса о завершении электорального процесса. К тому времени Верхняя палата (сенат) была, в основном, сформирована, тогда как выборы в Народную палату только начинались. Государственный департамент одобрил предложение премьер-министра [23].

9 января 2022 г. НКС под председательством Х.Робле принял решение завершить выборы в Народную палату 25 февраля 2022 г. [24]. Э.Блинкен в заявлении для прессы сообщил о вступлении в силу нормативного акта, санкционирующего применение санкций в отношении тех, кто препятствует продвижению Сомали к демократии. Далее было сказано, что «транспарентные и заслуживающие доверия парламентские выборы» надлежит завершить к 25 февраля 2022 г. [25]. Такой вот тонкий намёк.

Реакция президента была позитивной. Свет в конце тоннеля?

ЗАПАДНАЯ САХАРА

На прямой, трижды заданный вопрос, возможен ли пересмотр решения Вашингтона о признании суверенитета Марокко над Западной Сахарой, государственный секретарь почти дословно трижды повторил фразу о том, что Соединённые Штаты «сфокусированы» на оказании поддержки усилиям ООН и её нового специального посланника С.де Мистура, занятых поиском «длительного и достойного решения» проблемы [6].

Следовало ли из сказанного Блинкеном, что признание суверенитета Марокко таковым решением не является и США допускают возможность пересмотра своей позиции? Вряд ли. На наш взгляд, пересмотр возможен лишь в случае, если в Марокко случится нечто экстраординарное, абсолютно неприемлемое для Вашингтона.

Подводя краткие итоги своего визита перед отъездом из Дакара, госсекретарь заявил, что после бесед в Кении, Нигерии и Сенегале он испытывает «огромный энтузиазм»: «У нас были замечательные, плодотворные встречи»; «Наша приверженность партнерствам в Африке занимает центральное место в нашей внешней политике»; «Я с нетерпением жду, когда смогу возвратиться в Африку, чтобы продолжить проделанную нами работу, хотя думаю, что наши команды будут заниматься этим каждый день» [3].

САММИТ ЗА ДЕМОКРАТИЮ

Для начала, однако, предстояло поработать ещё на одной высокой встрече - «Саммите за демократию». Проходил он в очно-дистанционном формате 8-10 декабря 2021 г. На повестку дня было вынесено три во-

проса: защита от авторитаризма; борьба с коррупцией; уважение прав человека [26]. Тема неисчерпаемая. Ограничимся вопросами участия Африки в саммите.

На саммит были приглашены 110 государств. Из 54 африканских государств приглашения получили 17.

Пояснений, какими критериями руководствовался Вашингтон при отборе участников Саммита, дано не было. «Красная линия» отсечения - авторитаризм. При рассмотрении вопроса, «кого приглашать?», рассматривались альтернативные варианты созыва Саммита - под «широким» или «узким» «тентом». Остановились на усреднённом варианте. Демократический потенциал отдельных государств оценивался как с позиции сегодняшнего дня, так и на перспективу. Связывать себе руки Вашингтон не хотел. Действовал по принципу «чем больше, тем лучше», но излишеств избегал.

Авторитетная в правозащитных кругах неправительственная организация «Фридом Хаус» («Дом свободы»), расквартированная в Вашингтоне и более чем на 50% финансируемая правительством США, подразделяет страны мира на 3 категории - «свободные», «частично свободные» и «несвободные».

Как смотрелся в этом плане список приглашённых из Африки? Статусом «свободных» «Фридом Хаус» наделил 8 государств - Ботсвану, Гану, Кабо-Верде, Маврикий, Намибию, Сан Томе и Принсипи, Сенегал и ЮАР. Статусом «частично свободных» - Замбию, Кению, Либерию, Малави, Нигер, Нигерию, Сейшелы - итого семь. К «несвободным» государствам были отнесены Ангола и ДРК [27]. В Вашингтоне считали, что обе эти страны встали на путь перехода от авторитаризма к демократии, подавая тем самым пример остальным. К тому же ДРК была председателем Афросоюза.

Бросалось в глаза отсутствие среди приглашённых Египта, Марокко, Туниса и Алжира. В «чёрный список» попали военные режимы (Гвинея, Мали, Судан). Не были приглашены государства, политическая ситуация и образ правления в которых не позволяли Вашингтону рассчитывать на них как на лояльных и примерных участников создаваемого глобального альянса (Камерун, Ливия, Мозамбик, Танзания, Уганда, ЦАР, Эфиопия, Южный Судан и др.).

На пленарных сессиях Саммита выступили руководители 15 государств Африки. Президенты ЮАР и Сейшел от выступлений воздержались. Публичных пояснений дано не было. Активнее других повели себя президенты Ботсваны, Ганы, Замбии и Малави, принявшие участие в заседаниях рабочих групп Саммита. В состоявшихся в этих группах дискуссиях участвовали также спикер парламента Замбии, мэр столицы Сьерра-Леона Фритауна и бывшая президент Либерии Элен Джозеф Серлиф. Африканская оппозиция была представлена правозащитниками из Египта, Нигерии, Уганды и Южного Судана [28].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Визит Э.Блинкена можно, на наш взгляд, считать успешным. Были сформулированы концептуальные установки и определены основные направления африканской политики Администрации Дж.Байдена. Окрепли позиции США в трёх ключевых странах континента.

Курс Вашингтона на наращивание американского присутствия в Африке, в целом, позитивно воспринимался африканскими лидерами. Напомним реплику министра иностранных дел Нигерии Дж.Оньямы о «привлекательной невесте», которой различные поклонники предлагают «замечательные вещи» [29]. Оставалось дожидаться саммита США - Африка, чтобы закрепить планы сотрудничества на общеконтинентальной основе.

Приняв приглашение на «Саммит за демократию» и поучаствовав в его работе, африканские лидеры сыграли ту роль, которая отводилась им Вашингтоном в контексте его глобальной инициативы.

Чёрный континент был солидно представлен, «правильные слова» говорились о демократии, правах человека и борьбе с коррупцией, отмечался вклад США и лично Дж.Байдена в решение мировых проблем. Африка была вовлечена в возглавляемое Соединёнными Штатами «антиавторитарное» движение. 2022 г. был объявлен «Годом действий» и Африке, вместе с другими участниками встречи, предстояло отчитаться о достигнутом «прогрессе» на «Втором саммите за демократию».

Показательно, вместе с тем, что в заявлениях и акциях африканских участников саммита американские организаторы не нашли ничего такого, что заслуживало бы адресного одобрения, упоминания или цитирования. Президент Байден в заключительном выступлении сообщил о решении президентов Панама, Коста-Рики и Доминиканской Республики создать в регионе «Союз по укреплению демократических институтов», назвав эту инициативу «вдохновляющим обязательством» и выразив надежду, что число «таких партнёрств» будет расти [30]. Подавать подобный, «вдохновляющий» Дж.Байдена, пример Африка не стала.

Хотелось бы завершить на оптимистической ноте - на открытии Саммита Дж.Байден назвал «нашими великими лидерами» Махатму Ганди и Нельсона Манделу [31].

Увы, африканская политика Дж.Байдена, как и прежде, являлась неотъемлемой частью курса США на мировое господство. Исполнение предлагаемого Госдепартаментом проекта бюджета США на 2023 фин.г. «позволит нам продолжить руководство миром в решении глобальных вызовов и защищать международную систему, для создания которой Соединенные Штаты так много сделали», говорилось в обращении Э.Блинкена к Конгрессу в марте 2022 г. Мы будем «эффективно конкурировать с Китаем и Россией». Инициатива президента «Восстановить лучший мир» является «непреодолимой альтернативой» китайской инициативе «Один пояс - один путь» [32].

Велось дело и к военному обострению, причём не только по линии НАТО. «Россия, Китай создают новые вызовы безопасности для военных США в Африке и на Среднем Востоке», комментировала газета «Старз энд Страйпз» выступления командующих АФРИКОМ С.Таунсенда и Центрального командования К.Маккензи на слушаниях в сенатском Комитете по вооруженным силам 15 марта 2022 г. Россия сегодня является «главной ядерной угрозой в регионе», - утверждали генералы [33].

В целом, после начала спецоперации РФ в Украине политика США в отношении России перешла в фазу исторической конфронтации.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Secretary Blinken's Meeting with Senegalese President Sall. Readout. November 20, 2021. <https://www.state.gov/secretary-blinkens-meeting-with-senegalese-president-sall/> (accessed 27.11.2021)
2. Secretary Antony J. Blinken and Senegalese Foreign Minister Aïssata Tall Sall before their Meeting. Remarks. Dakar, Senegal. November 20, 2021. <https://www.state.gov/secretary-antony-j-blinken-and-senegalese-foreign-minister-aissata-tall-sall-before-their-meeting/> (accessed 28.11.2021)
3. Secretary Antony J. Blinken and Senegalese Foreign Minister Aïssata Tall Sall at a Joint Press Availability. Remarks.. Dakar, Senegal. November 20, 2021 <https://www.state.gov/secretary-antony-j-blinken-and-senegalese-foreign-minister-aissata-tall-sall-at-a-joint-press-availability/> (accessed 29.11.2021)
4. The United States and Senegal: 60 Years of Partnership. Fact Sheet. November 19, 2021. <https://www.state.gov/the-united-states-and-senegal-60-years-of-partnership/> (accessed 30.11.2021)
5. Secretary Antony J. Blinken with U.S. Ambassador to Senegal and Guinea-Bissau Tulinabo S. Mushingi and Senegalese Economy Minister Amadou Hott at an MOU Signing with U.S. Companies. Dakar, Senegal. November 20, 2021. <https://www.state.gov/secretary-antony-j-blinken-with-u-s-ambassador-to-senegal-and-guinea-bissau-tulinabo-s-mushingi-and-senegalese-economy-minister-amadou-hott-at-an-mou-signing-with-u-s-companies/> (accessed 30.11.2021)
6. Secretary Antony J. Blinken with Anne Soy of BBC Africa. Interview. Nairobi, Kenya. November 19, 2021. <https://state.gov/secretary-antony-j-blinken-with-anne-soy-of-bbc-africa/> (accessed 02.12.2021)
7. Secretary Antony J.Blinken and Kenyan Cabinet Secretary of Foreign Affairs Raychelle Omamo at a Joint Press Availability. Nairobi, Kenya. November 17, 2021. <https://www.state.gov/secretary-antony-j-blinken-and-kenyan-cabinet-secretary-of-foreign-affairs-raychelle-omamo-at-a-joint-press-availability/> (accessed 26.11.2021)
8. Secretary Antony J. Blinken with Linus Kaikai of Citizen TV. Interview. Nairobi. Nairobi, Kenya. November 18, 2021. <https://www.state.gov/secretary-antony-j-blinken-with-linus-kaikai-of-citizen-tv/> (accessed 28.11.2021)
9. Secretary Antony J. Blinken with Stephanie Busari of CNN International. Interview. Abuja, Nigeria. November 19, 2021. <https://www.state.gov/secretary-antony-j-blinken-with-stephanie-busari-of-cnn-international/> (accessed 24.11.2021)
10. US Authorizes Sanctions in Ethiopia's Tigray Conflict. Human Rights Watch. Laetitia Bader. September 17, 2021. <https://www.hrw.org/news/2021/09/17/us-authorizes-sanctions-ethiopia-tigray-conflict> (accessed 22.09.2021)
11. US Removes Ethiopia, Mali and Guinea from Trade Pact. The Guardian. 02 January 2022. <https://guardian.ng/news/us-removes-ethiopia-mali-and-guinea-from-trade-pact/> (accessed 5.01.2022)
12. Readout of President Biden's Call with Prime Minister Abiy Ahmed of Ethiopia. January 10, 2022. Statements and Releases <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/01/10/readout-of-president-bidens-call-with-prime-minister-abiy-ahmed-of-ethiopia/> (accessed 15.01.2022)
13. Assistant Secretary of State for African Affairs Phee and Special Envoy for the Horn of Africa Satterfield. Media Note. January 14, 2022. <https://www.state.gov/assistant-secretary-of-state-for-african-affairs-phee-and-special-envoy-for-the-horn-of-africa-satterfield/> (accessed 20.01.2022)
14. Secretary Blinken's Call with Sudanese Prime Minister Hamdok and Sovereign Council Chair General Burhan. Readout. November 22, 2021. <https://www.state.gov/secretary-blinkens-call-with-sudanese-prime-minister-hamdok-and-sovereign-council-chair-general-burhan/> (accessed 01.12.2021)
15. Joint Statement by the Kingdom of Saudi Arabia, the United Arab Emirates, the United States of America and the United Kingdom, on the November 21 Political Agreement in Sudan. Media Note. December 16, 2021. <https://www.state.gov/joint-statement-by-the-kingdom-of-saudi-arabia-the-united-arab-emirates-the-united-states-of-america-and-the-united-kingdom-on-the-november-21-political-agreement-in-sudan/> (accessed 21.12.2021)
16. Sudanese Stakeholders Continue to Offer Perspective on Overcoming Current Political Crisis During Fourth Week of UN-facilitated Consultations for a Political Process for Sudan [EN/AR]. 3 February, 2022.
17. Statement of Assistant Secretary Molly Phee. Bureau of African Affairs. February 1, 2022. <https://www.state.gov/statement-of-assistant-secretary-molly-phee-bureau-of-african-affairs-united-states-department-of-statesenate-foreign-relations-committee/> (accessed 10.02.2022)

18. Mali Proposes Five-Year Election Delay to West African Bloc. Reuters. January 2, 2022. <https://www.reuters.com/world/africa/mali-proposes-five-year-election-delay-west-african-bloc-2022-01-01/> (accessed 7.01.2022)
19. ИТАР-ТАСС. 11.01.2022. Политика: Мали-Президент-Заявление. ИТАР-TASS. 11.01.2022. Policy: Mali-President-Statement (accessed 12.01.2022)
20. ECOWAS Action on Mali. Press Statement. Ned Price. January 10, 2022. <https://www.state.gov/ecowas-action-on-mali/> (accessed 15.01.2022)
21. Secretary Blinken's Meeting with IGAD Executive Secretary Workneh Gebeyehu. Readout. November 17, 2021. <https://www.state.gov/secretary-blinkens-meeting-with-igad-executive-secretary-workneh-gebeyehu/> (accessed 25.11.2021)
22. Joint Statement on the Second Kenya-U.S. Bilateral Strategic Dialogue. Media Note. November 17, 2021. <https://state.gov/joint-statement-on-the-second-kenya-u-s-bilateral-strategic-dialogue/> (accessed 26.11.2021)
23. United States Calls for Credible, Rapid Conclusion of Somali Elections. Press Statement. Ned Price. December 26, 2021. <https://www.state.gov/united-states-calls-for-credible-rapid-conclusion-of-somali-elections/> (accessed 02.01.2022)
24. ИТАР-ТАСС. 9.01.2022. Политика: Сомали-Выборы-Дата. ИТАР-TASS. 9.01.2022. Policy: Somalia-Elections-Date (accessed 10.01.2022)
25. Promoting Sustainable Peace and Responsive Governance in Somalia. Press Statement. February 8, 2022. <https://www.state.gov/promoting-sustainable-peace-and-responsive-governance-in-somalia/> (accessed 15.02.2022)
26. US Department of State. The Summit for Democracy. February 2021. <https://www.state.gov/summit-for-democracy/> (accessed 20.12.2021)
27. Who's In and Who's Out From Biden's Democracy Summit. Steven Feldstein. November 22, 2021. Table 1. <https://carnegieendowment.org/2021/11/22/who-s-in-and-who-s-out-from-biden-s-democracy-summit-pub-85822> (accessed 30.11.2021)
28. US Department of State. The Summit for Democracy. Schedule. <https://www.state.gov/schedule-the-summit-for-democracy/> (accessed 20.12.2021)
29. Secretary Antony J. Blinken and Nigerian Foreign Minister Geoffrey Onyeama at a Joint Press Availability. Remarks. Abuja. Nigeria. November 18, 2021. <https://www.state.gov/secretary-antony-j-blinken-and-nigerian-foreign-minister-geoffrey-onyeama-at-a-joint-press-availability/> (accessed 01.12.2021)
30. Remarks by President Biden at the Summit for Democracy Closing Session. December 10, 2021. <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/12/10/remarks-by-president-biden-at-the-summit-for-democracy-closing-session/> (accessed 14.12.2021)
31. Remarks by President Biden at The Summit For Democracy Opening Session. December 09, 2021. <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/12/09/remarks-by-president-biden-at-the-summit-for-democracy-opening-session/> (accessed 14.12.2021)
32. Congressional Budget Justification. Department of State. Foreign Operations and Related Programs. Fiscal Year 2023. P. I. <https://www.usaid.gov/sites/default/files/documents/FY2023-Congressional-Budget-Justification.pdf> (accessed 23.03.2022)
33. Russia, China creating new security challenges for US military in Africa and Middle East, generals warn. *Stars and stripes*. March 15, 2022. <https://www.stripes.com/theaters/us/2022-03-15/middle-east-africa-russia-china-senate-africom-centcom-5356225.html> (accessed 21.03.2022)
34. Лиюкумович Я.Б., Ахматшина Э.К. «Авраамовы соглашения» между Израилем, ОАЭ и Бахрейном: изменения геополитической реальности Ближнего Востока. Азия и Африка сегодня. 2022. № 2. С. 64-68. DOI: 10.31857/S032150750016335-0
Liokumovich Ya. B., Akhmatshina E.K. The Abraham Accords between Israel, UAE and Bahrain in the context of changing of the geopolitical reality in the Middle East. Asia and Africa today. 2022. № 2. Pp. 64-68. (In Russ). DOI: 10.31857/S032150750016335-0

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Урнов А.Ю. доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Центр изучения российско-африканских отношений и внешней политики стран Африки. Институт Африки РАН. Москва, Россия.

Andrey Yu. Urnov, Dr.Sc. (History), Principal Researcher, Center for the Study of Russian-African Relations and Foreign Policy of African Countries. Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 28.01.2022

Доработана после рецензирования
(Revised) 26.02.2022

Принята к публикации
(Accepted) 29.03.2022

Развитие научной коммуникации в Китае

© Полякова Е.С.^a, 2022

^a Всероссийская академия внешней торговли, Москва, Россия
ORCID ID: 0000-0002-2784-2844; yesya.polyakova@icloud.com

Резюме. В новом веке Китай ставит перед собой амбициозные цели, реализация которых в большой степени зависит от развития научно-технической базы страны, в связи с чем в последние годы Пекин заметно увеличил инвестиции в собственную науку, на фоне этого выросло и финансирование сферы научной коммуникации.

Научная коммуникация является важной составляющей научно-технического развития общества, представляющая собой в широком смысле процессы и механизмы распространения передовых идей и достижений прогресса как внутри академических кругов, так и за пределами научного сообщества по средствам различных форм, учреждений и каналов коммуникации. В настоящее время преимущественно в западном мире активно развиваются теория и практика научной коммуникации. В отличие от традиционного понимания этого термина - в Поднебесной используют термины *кери* и *kexue chuanbo* (популяризация и распространение науки), которые лучше соответствуют китайским реалиям. Под ними понимается передача знаний, а не способ мышления, речь идет скорее о распространении науки среди молодежи, людей в сельских и бедных регионах, чем об обмене идеями и способами мышления - своеобразной научной коммуникации с китайской спецификой.

В статье отмечается, что несмотря на ряд очевидных трудностей на этапе реализации, связанных отчасти с особенностями китайской культуры и общих бюрократических проблем, популяризация науки носит системный и многоуровневый характер, задействует большое число каналов и институтов передачи знаний и научной информации, и имеет прочную правовую основу, что способствует решению поставленных перед ней задач и выходу на новый уровень. Вместе с тем, несмотря на стремительное развитие китайской научной мысли, не стоит переоценивать ее влияние на мировую науку.

Ключевые слова: Китай, научная коммуникация, научно-техническое развитие Китая

Для цитирования: Полякова Е.С. Развитие научной коммуникации в Китае. *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 4. С. 14-19.
DOI: 10.31857/S032150750019736-1

Development of science communication in China

© Yeseniya S. Polyakova^a, 2022

^a Russian Foreign Trade Academy, Moscow, Russia
ORCID ID: 0000-0002-2784-2844; yesya.polyakova@icloud.com

Abstract. In the new century, China sets itself ambitious goals, the implementation of which depends to a large extent on the development of the country's scientific and technical base, in connection with which in recent years, Beijing has significantly increased investments in its own science, against the background of this, the financing of science communication has also increased.

Science communication is an important component of the scientific and technological development of society, which is, in a broad sense, processes and mechanisms for the dissemination of advanced ideas and achievements of progress both within the academic community and outside it through various forms, institutions and communication channels. Currently, mainly in the Western world, the theory and practice of science communication is actively developing. In contrast to the traditional understanding of this term, in China the terms *кери* and *kexue chuanbo* (popularisation and dissemination of science) are used, which better correspond to Chinese realities. They mean the transfer of knowledge, not a way of thinking, it is more about the dissemination of science among young people, people in rural and poor regions, than about the exchange of ideas and ways of thinking - a kind of science communication with Chinese characteristics.

The article notes that despite a number of obvious difficulties at the implementation stage, partly related to the peculiarities of the Chinese culture and general bureaucratic problems, the popularisation of science is systemic and multi-level, involves a large number of channels and institutions for the transfer of knowledge and scientific information, and has a solid legal basis, which contributes to the solution of the tasks assigned to it and reaching a new level. At the same time, despite the rapid development of Chinese scientific thought, one should not overestimate its influence on world science.

Keywords: China, science communication, science development in China

For citation: Yeseniya S. Polyakova. Development of science communication in China. *Asia and Africa today*. 2022. № 4. Pp. 14-19.
(In Russ.) DOI: 10.31857/S032150750019736-1

ВВЕДЕНИЕ

Амбициозные цели, которые Китай ставит перед собой в новом веке, невозможно представить без комплексного развития науки. Более того, анализируя задачи 14-го пятилетнего плана развития КНР (2021-2025 гг.) (далее - План) можно сказать, что развитие и опора на науку и технологии являются необходи-

мым условием для их реализации. В Плате подчеркивается: «Необходимо твердо придерживаться того, чтобы инновации занимали центральное место в модернизации Китая и рассматривать научно-технологическую самостоятельность в качестве стратегической поддержки национального развития»¹.

Как важной составляющей научно-технического прогресса, правительство КНР на протяжении всей истории уделяло большое внимание развитию научной коммуникации у себя в стране. Традиционно эта сфера всегда находилась под контролем государства. В последние годы она стала развиваться еще активнее, во многом это связано с увеличением финансирования науки, в целом. В 2021 г. расходы Китая на науку составили 2,79 трлн юаней (\$441,3 млрд), рост, по сравнению с предыдущим годом, - более 14%, что составило 2,49% от ВВП². При этом бюджет только Китайской академии Наук (КАН) на 2022 г. составил 162 млрд юаней (\$22,5 млрд)³.

Зачастую вместо термина *научная коммуникация*, употребляемого преимущественно в западных странах, в КНР используют два похожих понятия - *keru* (科普 - букв. популяризация науки) и *kexue chuanbo* (科学传播 - букв. диссеминация науки). Примечательно, что *chuanbo* дословно означает «передать и сеять». - Е.П.). С недавних пор начали также использовать понятие «научная коммуникация» - отчасти благодаря развитию научной журналистики в Китае, отчасти - благодаря стремлению привести китайскую терминологию в соответствие с международной. Тем не менее, есть важное различие между *научной коммуникацией* и тем, что понимается под популяризацией науки/распространением науки в Китае.

Задача научной коммуникации - донести до общественности информацию, подтвержденную научными данными, в правильной и понятной форме и, что более важно, критически и независимо оценивать научный прогресс и его последствия для общества. Таким образом, конечная цель - научить общественность критическому мышлению. В отличие от этого, под *keru* понимается передача знаний, а не способ мышления, речь идет, скорее, о распространении науки среди молодежи, людей в сельских, бедных регионах, чем об обмене идеями и способами мышления [1].

Таким образом, можно сказать, что мы имеем дело с научным общением с китайской спецификой. В предлагаемой статье под научной коммуникацией понимается термин «популяризация науки» как наиболее часто употребляемый в Китае на официальном уровне.

КРАТКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ О НАУЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ В КНР

В новейшей истории правительство Китая начало заниматься популяризацией науки (*keru*) еще на заре основания КНР в 1949 г., тогда были созданы Бюро популяризации науки при Министерстве культуры и Всекитайская ассоциация по распространению науки и техники. В 1958 г. была основана Китайская ассоциация по науке и технике (далее - Ассоциация) путем слияния Всекитайской ассоциации по естественным наукам и Всекитайской ассоциации по науке и технике. С тех пор популяризация науки стала основной задачей этой организации.

В годы «культурной революции» (1966-1976) деятельность Ассоциации была прекращена. И только в 1977 г. Центральный комитет Коммунистической партии Китая (ЦК КПК) издал циркуляр «О созыве всекитайской научной конференции», работе по популяризации научных знаний вновь стали уделять внимание.

С начала 1980-х и в 1990-х гг. начинает быстро развиваться товарная экономика, меняются ценностные ориентации людей, получают развитие феодальные суеверия и псевдонаука, популяризация науки идет на спад. В 1993 г. для содействия научно-техническому прогрессу Всекитайское собрание народных представителей (ВСНП) приняло «Закон КНР о научно-техническом прогрессе». В 1994 г. ЦК КПК и Государственный совет КНР (Госсовет) обнародовали «Несколько заключений об усилении работы по научно-технической популяризации»; в документе отмечалось: «Принятие эффективных мер по активному усилению популяризации науки стало неотложной задачей» [2].

В 2002 г. был обнародован «Закон КНР о распространении научно-технических знаний» (далее - Закон), устанавливающий правовой механизм управления популяризацией науки в Китае⁴. В 2006 г. Госсовет

¹ 中华人民共和国国民经济和社会发展第十四个五年规划和2035年远景目标纲要. (The 14th Five-Year Plan for the National Economic and Social Development of the PRC and the Outline of the Long-term Goals for 2035) (In Chin.). http://www.gov.cn/xinwen/2021-03/13/content_5592681.htm (accessed 16.10.2021)

² China resumes R&D push with record US\$441b outlay in 2021. 09.02.2022. South China Morning Post. <https://www.scmp.com/news/china/science/article/3166424/china-resumes-rd-push-record-us441b-outlay-2021> (accessed 26.03.2022)

³ Chinese Academy of Sciences 2022 Departmental Budget. (In Chin.). <https://www.cas.cn/xsgkml/zgkxyyb/czjfyysjs/202203/P020220324487370870665.pdf> (accessed 26.03.2022)

⁴ 中华人民共和国科学技术普及法. 2002. Law of the People's Republic of China on Popularisation of Science and Technology. (In Chin.). http://www.gov.cn/gongbao/content/2002/content_61629.htm (accessed 25.10.2021)

сформулировал и приступил к реализации «Национальной программы планирования повышения качества науки (2006-2010-2020 гг.)». В 2021 г. на смену ей стартовала новая «Национальная программа планирования повышения качества науки (2021-2025-2035 гг.)»⁵.

В 2017 г. пять ведомств, включая Отдел пропаганды ЦК КПК, совместно выпустили Циркуляр о дальнейшей интенсификации пропаганды популяризации науки⁶. В соответствии с документом, К популяризации науки должна носить всесторонний и системный характер.

Наконец, особо следует отметить, что популяризация науки закреплена в Плане и конституции КНР, в ст. 20 говорится: «Государство развивает естественные и общественные науки, популяризирует научно-технические знания...»⁷.

Таким образом, можно сказать, что научная коммуникация в Китае имеет прочную правовую основу.

МЕХАНИЗМЫ УПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ПОПУЛЯРИЗАЦИИ НАУКИ

Общенациональная деятельность по популяризации науки осуществляется, в целом, в соответствии с местными положениями и Законом, в гл. 2 которого закреплены правила функционирования механизма деятельности по популяризации науки. Общие требования сводятся к трем положениям:

- 1) административные ведомства Госсовета по науке и технике отвечают за разработку национального плана работы по популяризации науки, реализацию рекомендаций по проведению политики, осуществление надзора и инспекций; а также содействие развитию работы по популяризации науки;
- 2) правительства на всех уровнях возглавляют работу по популяризации науки и должны включить деятельность по популяризации науки в национальный план экономического и социального развития;
- 3) Ассоциация - основная общественная сила в работе по популяризации науки, в сферу ее компетенций входит организация массовых, общественных мероприятий, содействие правительству в разработке планов работы по популяризации науки и др.

Вместе с тем, многие аспекты управления и функционирования деятельности по популяризации науки требуют корректировки и совершенствования. Система координации работы по популяризации науки, закреплённая в Законе, носит программный характер, однако по-прежнему отсутствуют подробные правила реализации и разделения компетенций на операционном уровне, что приводит к высоким общим операционным расходам и низкой эффективности управления организаций, занимающихся популяризацией науки. Кроме того, в Законе сказано, что главными исполнительными органами являются научно-технические отделы администраций правительств всех ступеней, а Ассоциации, представляющей собой организацию сообществ, отводится главная роль в работе по популяризации науки. Однако как показали исследования, должностные обязанности вышеупомянутых структур пересекаются, не ясна социальная роль правительств в сфере популяризации науки, в то время как Ассоциации не хватает права голоса и влияния.

Все это приводит к ряду трудностей: во-первых, общественному непониманию того, кто «является главной организацией по популяризации науки»; во-вторых, к растрате средств, выделяемых на популяризацию науки, увеличению затрат на управление; в-третьих, есть сложности в координации деятельности между правительством и Ассоциацией - ответственность за популяризацию науки лежит на правительственных структурах, однако большая часть задач выполняется Ассоциацией [2].

ФИНАНСИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ПОПУЛЯРИЗАЦИИ НАУКИ

Основными источниками финансирования деятельности по популяризации науки в Китае являются государственные финансовые вложения и социальные инвестиции, из которых государственные инвестиции занимают центральное место. Согласно статистическим данным, в 2019 г. расходы на популяризацию науки в масштабах страны постоянно увеличиваются, растёт финансирование объектов инфраструктуры.

По официальным данным, в 2019 г. на популяризацию науки в Китае в общей сложности было выделено 18,5 млрд юаней (\$2,7 млрд) - рост, по сравнению с 2018 г., составил 15,1%, из них правительство выделило 14,8 млрд юаней (\$2.15 млрд), что составляет 79,6% от общей суммы привлечённых средств (на 1,4% больше, чем в 2018 г.). Кроме того, в 2019 г. в Китае число занятых в сфере популяризации науки выросло и составило 1,8 млн человек (на 4,8% больше, чем в 2018 г.).

⁵ 全民科学素质行动规划纲要2021-2035. 2020. National science for scientific literacy 2021-2035. <http://gybz.cast.org.cn/bzdt/info/2020/7228.html> (accessed 31.10.2021)

⁶ Directive about further strengthening work on the science popularization propaganda. 20.07.2017 (In Chin.). http://stdaily.com/kjzc/kepu/2017-07/20/content_561737.shtml (accessed 01.11.2021)

⁷ Constitution of the People's Republic of China. 11.03.2018. (In Chin.). http://www.gov.cn/guoqing/2018-03/22/content_5276318.htm (accessed 30.10.2021)

Продолжало расти и количество площадок для проведения мероприятий по популяризации науки и количество их посетивших. В 2019 г. в общей сложности насчитывалось 1477 музеев науки и техники (на 16 больше, чем в 2018 г.), число посетивших музеев достигло 243 млн человек (на 11% больше, чем в 2018 г.)⁸.

ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ НАУКИ В СМИ

Важное место в популяризации науки занимают СМИ и периодика. Одной из ранних и наиболее эффективных инициатив *kepu* в современном Китае является публикация с 1950-х гг. серии книг *shiwange weishenme* («Сто тысяч почему»). Примером для проекта стали похожие книги, издаваемые в Советском Союзе, в которых задавались вопросы, интересовавшие молодежь. Многие ученые говорили, что увлеклись наукой благодаря этой серии, обновленная версия которой есть в продаже. По словам заместителя директора Китайского НИИ популяризации науки, в настоящее время Ассоциация реализовала несколько проектов, в т.ч. десятки книжных серий. В Китае есть СМИ, специализирующиеся на научной журналистике, такие, как *Science and Technology Daily* (издается министерством науки и технологий), *China Science Daily* (издается Китайской академией наук - КАН) [1].

В эпоху развития цифрового пространства Китай делает ставку на популяризацию науки через ресурсы Всемирной сети. Так, например, в Циркуляре отмечается: «Необходимо усилить популяризацию науки на новостных сайтах, наполнить содержанием, улучшить форму и сделать Интернет новой [боевой] позицией, новым каналом популяризации науки»⁹. В этой связи важное место отводится «Экспо науки Китая» (*kepu.net.cn*) - облачной платформе, управляемой Центром компьютерной информационной сети Китайской академией наук.

С момента своего создания в 1999 г., опираясь на научно-исследовательские ресурсы КАН для популяризации науки, группа виртуальных музеев постепенно превратилась в комплексную платформу для научной коммуникации, объединяющую популяризацию науки, научное образование и услуги в области науки и культуры, создавая различные научно-популярные приложения и сервисы.

Используя новейшие информационные технологии и тенденции в области медиакommunikации, на базе сайта «Экспо науки Китая» была создана матричная система популяризации науки, охватывающая около 20 каналов селф-медиа (включая *Sina Weibo*, публичные аккаунты в *WeChat*, *Toutiao*, *Yidian News* и др.) и свыше 100 объединённых медиа каналов (включая «Жэньминь жибао», агентство Синьхуа, Центральное телевидение Китая, газету «Глобал таймс» и др.).

В Китае под термином «селф-медиа» (другое название - «мы-медиа», кит. *zimeiti*) раньше понимались независимые аккаунты социальных сетей на таких платформах, как *WeChat*, *Weibo* и др., обычно управляемые отдельными пользователями. Со временем понятие расширилось, и почти все основные новостные агентства, а также *People's Daily*, *Global Times* и т.п. создают «селф-медиа контент» на своих публичных аккаунтах *WeChat*. Вместе с тем, сотни тысяч аккаунтов селф-медиа принадлежат отдельным пользователям, создающим свои собственные новости, что заставляет их конкурировать с более авторитетными информационными агентствами. Согласно статистическому отчету *Tencent* (владелец *WeChat*) за 2017 г., существует 3,5 млн селф-медиа аккаунтов в *WeChat*.

Эта система представляет собой интегрированную информационную среду, предоставляющую ученым и научным организациям возможности выбора тем для творчества и каналов распространения информации, а также обеспечивает высококачественным научным контентом СМИ, организации по популяризации науки, начальные и средние учебные заведения с целью пробуждения в обществе любви к науке. Если облачная платформа «Экспо науки Китая» насчитывает свыше 7 млн подписчиков и более 3000 оригинальных публикаций ежегодно, то объединенная информационная сеть охватывает уже свыше миллиарда пользователей, что заметно повысило надежность распространения научно-технической информации¹⁰.

Помимо вышеперечисленного, появляются независимые научные платформы, такие, как *Guokr.com*¹¹, цель которой - построить «мост» между наукой и публикой. Сейчас - это известный научный и культурный бренд в КНР, который иногда называют китайским аналогом американского частного некоммерческого фонда *TED*, известного своими конференциями. Основными задачами *Guokr.com* являются распростране-

⁸ In 2019, a total of 1,149 billion people participated in various popular science activities nationwide. 25.12.2020 (In Chin.). http://www.gov.cn/xinwen/2020-12/25/content_5573147.htm (accessed 07.11.2021)

⁹ Directive about further strengthening work on the science popularization propaganda. 20.07.2017. (In Chin.). http://stdaily.com/kjzc/kepu/2017-07/20/content_561737.shtml (accessed 05.11.2021)

¹⁰ Science Museums of China - I've loved science ever since. 2021. (In Chin.). <http://www.kepu.net.cn/about/jianjie/> (accessed 01.10.2021)

¹¹ *Guokr* (кит. *guo ke*) переводится как «ореховая скорлупа» и является отсылкой к фразе шекспировского Гамлета: «...я бы мог замкнуться в ореховой скорлупе и считать себя царем бесконечного пространства...» (прим. авт.).

ние передового научного прогресса и ответы на письма читателей. Треть контента - оригинальные материалы, треть - переведенные статьи, и еще треть - материалы с других китайских сайтов. Некоторая информация предназначена для широкой публики, другая - для научных сообществ, в особенности для молодых ученых. Кроме того, многие медиахолдинги, такие, как Информационное агентство Синьхуа, *China Daily* и *China News Weekly*, также имеют в штате журналистов, освещающих новости науки [1]. Ведущие медиакомпании мира (*BBC*, *Deutsche Welle* и др.) на своих сайтах публикуют новости о науке и технике на китайском языке.

ВСЕ ЛИ ТАК ГЛАДКО?

Несмотря на заметные успехи в развитии научной коммуникации, есть ряд вызовов, с которыми сталкиваются власти Поднебесной.

Прежде всего, отметим некоторые особенности китайской культуры. Как известно, наука и суеверия несовместимы, и на официальном уровне китайское правительство придерживается этого правила. Так, например, в ст. 300 Уголовного кодекса КНР отмечается: «Препятствование исполнению государственных и административных законов путем создания и использования организаций сектантского и еретического характера, а также путем использования суеверий и предрассудков - наказывается лишением свободы на срок от 3 до 7 лет...»¹². Вместе с тем, среди населения довольно распространена вера в сверхъестественное - популярны составление гороскопов, общение с духами предков, гадания в монастырях, личные оракулы, к которым ходят семьями. Китайцы обращаются к ним с житейскими вопросами: куда поехать учиться, когда лучше жениться и т.п. Все это противоречит популяризации науки.

Еще один аспект, заслуживающий внимания, - количество научных публикаций, частично отражающий вовлеченность стран в процесс научного развития. Согласно статистике, представленной библиографической и реферативной базы данных *Scopus*, в 2020 г. КНР вышла на 1-е место в мире по данному показателю. За отчетный период китайскими учеными было опубликовано 788,3 тыс. научных статей, для сравнения - американскими учеными 766,8 тыс., российскими - 129,3 тыс. (см. табл.).

Таблица. Рейтинг стран по научным публикациям за 2020 г.
Table. Ranking of countries by scientific publications for 2020

Страна	Население (млн)	Общее кол-во научных публикаций (тыс.)	Цитирование (кол-во раз)	Кол-во научных публикаций на душу населения	Индекс Хирша
КНР	1402	788,3	971502	0,0006	1010
США	329	766,8	933944	0,0023	2577
Великобритания	67	249,4	366513	0,0037	1618
Индия	1380	217,8	165237	0,0002	691
Германия	83	216,5	266602	0,0026	1429
Италия	60	155,1	239812	0,0026	1135
Япония	126	147,3	132663	0,0012	1118
Франция	67	139,7	180941	0,0021	1286
Канада	38	131,7	174238	0,0035	1299
Россия	144	129,3	75897	0,0009	652

Составлено по: Всемирный банк. worldbank.org и scimagojr.com (данные округлены).

Как видно из табл., по среднедушевому показателю картина заметно отличается - Китай не только уступает западным странам (0,0006 статей на душу населения), но также Японии и России (0,0012 и 0,0009 статей на душу населения соответственно). Кроме того, по индексу Хирша - количественной характеристики продуктивности страны - Китай занимает 11-е, США - 1-е, а Россия - 22-е место в мире.

Примечательно, что в Китае происходит пересмотр системы оценок научных публикаций - после нескольких лет стимулирования китайских исследователей к публикациям в престижных международных журналах Министерство образования Китая и Министерство науки и технологий Китая в феврале 2020 г. совместно выпустили документ, направленный на снижение «чрезмерной зависимости» от индекса науч-

¹² The Criminal Code of the PRC. 1997. (In Chin.). http://www.npc.gov.cn/wxzl/wxzl/2000-12/17/content_4680.htm (accessed 03.10.2021)

ного цитирования (SCI)¹³. По всей вероятности, это приведет к падению числа публикаций в зарубежных изданиях. При этом в КНР проводится собственная оценка качества и субсидирование научных журналов. Так, например, в 2020 г. по результатам проверки 22 журнала по гуманитарным наукам получили оценку «превосходно», в связи с чем в дополнение к основному фонду в размере 400 тыс. юаней (\$62,8 тыс.) каждый получил финансирование в 200 тыс. юаней (\$31,4 тыс.)¹⁴.

В России происходят схожие процессы. В последние годы в нашей стране публикации в журналах, индексируемых в *Scopus* и *Web of Science*, считались более «ценными», чем монографии, что явно не соответствует объективной оценке. В марте 2022 г. в российских научных кругах было принято решение разработать свою собственную систему оценки научных трудов.

Помимо вышеперечисленного, популяризация науки в Китае имеет низкий уровень международного взаимодействия. Теории общественного понимания науки и научной коммуникации стремительно развиваются в международном академическом сообществе, однако в КНР не так много исследователей занимающихся этой областью [4].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Китай традиционно «мыслит» большими временными циклами при составлении своих национальных планов развития, закладывая уже сегодня фундамент для занятия лидирующих позиций в будущих столетиях не только на Земле, но и в космосе. Понимая, сколь важную роль передовые наука и технологии играют в процветании любой страны, Пекин активно работает в развитии данных областей, рассматривая научную коммуникацию как неотъемлемую часть процесса.

В отличие от традиционного понимания этого термина, в Поднебесной используют термины *керу* и *кехуе чжуанбо* (популяризация и распространение науки), которые лучше соответствуют китайским реалиям. Можно сказать, что мы имеем дело с научной коммуникацией с китайской спецификой. Несмотря на ряд очевидных трудностей на этапе продвижения, вызванных, скорее, общими бюрократическими проблемами, популяризация науки носит системный и многоуровневый характер и имеет прочную правовую основу, что способствует решению поставленных перед ней задач.

REFERENCES

1. Jane Qiu. 2020. Science communication in China: a critical component of the global science powerhouse. *National Science Review*, Vol. 7, Issue 4, April. Pp. 824-829.
2. 张晓磊, 刘思扬. 当前我国科普工作机制分析及建议. 2018. (Zhang Xiaolei, Liu Siyang. 2018. Analysis and suggestions on the Current Working Mechanism of SP in China. CRISP). (In Chin.). <https://www.crsip.org.cn/m/view.php?aid=2207> (accessed 16.10.2021)
3. Tollefson Jeff. China declared world's largest producer of scientific articles. *Nature*. 18.01.2018. <https://www.nature.com/articles/d41586-018-00927-4> (accessed 16.10.2021)
4. Ran Fujun. 2019. A Brief Review of the Four-decade Evolution of Science Popularization in China. *Cultures of Science*. № 2(3). Pp. 183-192.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Полякова Есения Сергеевна, преподаватель китайского языка, Кафедра восточных языков, Всероссийская академия внешней торговли, Москва, Россия.

Yeseniya S. Polyakova, Lecturer of Chinese, Department of Oriental languages, Russian Foreign Trade Academy, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 23.11.2021

Доработана после рецензирования
(Revised) 12.02.2022

Принята к публикации
(Accepted) 27.03.2022

¹³ Directive about Several Opinions on “Standardising the use of relevant indicators of SCI papers in colleges and universities to establish a correct evaluation orientation”. (In Chin.). http://www.moe.gov.cn/srcsite/A16/moe_784/202002/t20200223_423334.html (accessed 25.03.2022)

¹⁴ Announcement on the assessment of journals funded by the National Social Science Fund in 2020. (In Chin.). <http://www.nopss.gov.cn/n1/2020/1210/c219469-31962297.html> (accessed 26.03.2022)

Новая историческая политика и критика Джавахарлала Неру и Индиры Ганди в современной индийской прессе

© Солодкова О.Л.^a, Анташева М.С.^{a,b}, 2022

^a Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

^a ORCID ID: 0000-0002-6734-4989; olsolodkova@hse.ru,

^b ORCID ID: 0000-0002-5255-8773; msantasheva@edu.hse.ru

Резюме. Для успешной модернизации страны и мобилизации индийского общества для реализации амбиционных планов экономического развития, Бхаратия джаната парти (БДП) ставит перед собой задачу достижения национального единства. БДП и ее лидер Нарендра Моди вынуждены вести постоянную полемику со своим основным политическим противником - Индийским национальным конгрессом (ИНК). Пришедшая к власти в 2014 г. БДП использует ряд методов управления, направленных на изменение исторической памяти народов Индии, которые можно характеризовать как «историческую политику». Власти пытаются подкреплять свои действия по мобилизации индийского общества новым историческим обоснованием, используя «Хиндутву» как «новую идеологию». Формируется новая официальная версия прошлого, история и историческая мифология активно используются для решения политических проблем настоящего.

Историческая память социума подвергается трансформации, становясь ареной борьбы с политическим противником. В индийской прессе каждая памятная дата, каждое историческое событие становятся основанием для широкого обсуждения и полемики со своими историческими предшественниками и политическими конкурентами. Проводится политика, направленная на закрепление в общественном сознании альтернативных героев и лидеров нации. В СМИ проходят кампании, критикующие традиционных лидеров, особенно руководителей ИНК. Конструирование новой исторической памяти широко применяется для решения внутривнутриполитических и внешнеполитических задач, стоящих перед страной.

Ключевые слова: Индия, историческая политика, историческая память, критика Индиры Ганди, ошибки Джавахарлала Неру, Бхаратия джаната парти, Индийский национальный конгресс

Благодарность. Статья подготовлена при грантовой поддержке факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ в 2021 году.

Для цитирования: Солодкова О.Л., Анташева М.С. Новая историческая политика и критика Джавахарлала Неру и Индиры Ганди в современной индийской прессе. *Азия и Африка сегодня*. 2022. 4. № 4. С. 20-28. DOI: 10.31857/S032150750017717-0

The new historical politics and criticism of Jawaharlal Nehru and Indira Gandhi in contemporary Indian press

© Olga L. Solodkova^a, Mariia S. Antasheva^{a,b}, 2022

^a HSE University, Moscow, Russia

^a ORCID ID: 0000-0002-6734-4989; olsolodkova@hse.ru,

^b ORCID ID: 0000-0002-5255-8773; msantasheva@edu.hse.ru

Abstract. To successfully modernize the country and mobilize Indian society and to eventually implement ambitious plans for economic development, Bharatiya Janata Party (BJP) sets itself the task of achieving national unity. The BJP in the face of its leader Narendra Modi is forced to conduct constant polemics with their main political opponent - the Indian National Congress. Having come to power in 2014, the BJP representatives use a number of management methods aimed at changing the historical memory of the peoples of India, which can be characterized as "historical politics". The authorities are trying to back up their actions to mobilize Indian society with a new historical rationale, using Hindutwa as a "new ideology".

A new official version of the past is being formed, history and historical mythology are actively used to solve political problems of the present. The historical memory of society undergoes transformation and becomes an arena for the struggle against a political enemy. In the Indian press, every memorable date, every historical event becomes the basis for broad discussion and polemics with its historical predecessors and political competitors. After coming to power, Bharatiya Janata Party constantly refers to recent historical events, considering them from a certain ideological angle. This controversy, which has spilled over into the pages of the Indian press, allows us to talk about the BJP pursuing a new historical policy aimed at creating comfortable interpretations of controversial historical events for itself.

Keywords: India, historical politics, historical memory, criticism of Indira Gandhi, Nehru's mistakes, Bharatiya Janata Party, Indian National Congress

Acknowledgement. The article was supported by the grant from the Faculty of World Economy and International Affairs, HSE University.

For citation. Olga L. Solodkova, Mariya S. Antasheva. The new historical politics and criticism of Jawaharlal Nehru and Indira Gandhi in contemporary Indian press. *Asia and Africa today*. 2022. № 4. Pp. 20-28. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750017717-0

ВВЕДЕНИЕ

Республика Индия - относительно молодое государство, где продолжается процесс формирования политической и государственной систем управления. Между представителями крупнейших индийских партий идет острая полемика о будущем пути развития и долгосрочной экономической стратегии. Не менее остро обсуждаются проблемы прошлого, связанные с разделом страны, наследием колониализма и особенностями социального и культурного развития. Нерешенность ряда территориальных, религиозных и социальных проблем вынуждает Бхаратия джаната парти (БДП) искать причины их долгосрочности. С приходом к власти в 2014 г. БДП стремится утвердить новые интерпретации исторических событий как доминирующие, используя методы управления, которые можно характеризовать как *историческую политику* - интерпретации истории, избранные по политическим мотивам, и попытки убедить общественность в правильности такой интерпретации.

Новые подходы к историческим событиям и фактам касаются, прежде всего, тех болевых точек в индийской истории, которые сохраняются со времен колониального раздела Британской Индии и связаны с правлением Индийского национального конгресса (ИНК). Как отмечает доцент Европейского университета (СПб) Ю.А.Сафронова в обзорной статье об исследованиях коллективной памяти: «Деколонизация, развившаяся в освобождении народов, этносов, групп и отдельного человека, вызвала к жизни потребность в утверждении собственной идентичности через обращение к прошлому» [1, с. 12]. Она также обращает внимание, что «выйдя за пределы академического мира, память превратилась в повод и орудие для конфликтов как в рамках локальных сообществ, так и за их пределами - внутри обществ, государств, на арене международной политики и т.д.» [1, с. 14]. Сегодняшнее политическое противостояние ИНК и БДП является ярким примером использования исторической памяти в качестве арены политической и идеологической борьбы в современной Индии.

БДП постоянно обращается к недавним историческим событиям, рассматривая их под определенным идеологическим углом. Эта полемика, вылившаяся на страницы индийской прессы, позволяет нам говорить о проведении БДП новой исторической политики, направленной на создание для себя комфортных интерпретаций спорных исторических событий. БДП стала реально претендовать на власть в стране значительно позже ИНК и не может поставить себе в заслугу героическую борьбу с колониализмом и создание независимого индийского государства.

Индийский национальный конгресс, во главе которого почти 35 лет (1947-1977, 1980-1989, 1991-1996, 2004-2014 гг.) стояли представители семьи Неру-Ганди, был той партией, которая определяла основной тренд развития страны во второй половине XX в. Однако раздел Британской Индии, «судьбоносное освобождение от колониальной зависимости и раздел страны по конфессиональному принципу, все чаще приравняемый в индийской историографии к величайшей трагедии Новейшего времени для субконтинента» [2, с. 65], оставили в жизни индийского социума противоречивый след.

На завершающем этапе борьбы за национальную независимость обострились противоречия между сторонниками индо-мусульманского единства и сторонниками получения статуса доминиона на условиях раздела страны по конфессиональному принципу. Как пишет индолог, профессор ИСАА МГУ А.Л.Сафронова, «при решении одного вопроса о судьбах мусульманской общины посредством создания Индии и Пакистана были спроектированы три новых: о статусе мусульманского меньшинства в Индии, о сохранившемся индусском меньшинстве в Пакистане, а также о взаимоотношениях двух образовавшихся государств, которые складывались конфликтно и были чреваты периодическими военными столкновениями» [2, с. 65], и травма, нанесенная индийскому социуму, не заросла до сих пор.

В 1947 г. ИНК пришлось согласиться на создание двух доминионов, Индийского Союза и Пакистана¹, в обмен английские колониальные власти сняли свои обязательства по отношению к более чем 600 княжествам, пользовавшимся в Британской Индии определенной самостоятельностью, которые, в результате, были включены в состав Республики Индия. И хотя этот день, 15 августа 1947 г., стал началом создания независимой Индии, это также был день разлома на два государства: Республику Индию и Пакистан по ре-

¹ Доминион Пакистан (1947-1956 гг.) стал суверенной Исламской Республикой Пакистан 12 марта 1956 г., а Восточная Бенгалия, входившая в состав доминиона, была переименована в провинцию Восточный Пакистан. После кровопролитной войны за независимость альянс партизанского движения *Мукти бахини* бангладешских и индийских вооруженных сил одержал победу над войсками Пакистана, и провинция Восточный Пакистан 26 марта 1971 г. стала независимой Народной Республикой Бангладеш (прим. авт.).

лигиозному признаку. Вопрос защиты мусульманской общины и создание двух доминионов до сих пор воспринимается индусскими религиозными националистами как величайшая национальная трагедия.

Создание светского государства Индия ослабило индусский религиозный национализм, а после убийства М.К.Ганди индусским фанатиком Натхурамом Годзе 30 января 1948 г. он надолго отошел в тень, но с приходом к власти БДП в стране начался процесс его возрождения.

Представители БДП вышли на политическую арену Индии намного позднее Индийского национально-го конгресса и не могут похвастаться историческими фигурами, которые бы четко ассоциировались с героической борьбой за независимость. Большим преимуществом ИНК является то, что большинство героев и лидеров национально-освободительного движения были его членами и стояли у истоков создания независимой Индии, исторически соотносятся и отождествляются с лагерем сегодняшних политических оппонентов БДП.

Коллективная память индийского социума во многом держится на героической борьбе против колониализма и на опыте становления индийской государственности под руководством семьи Неру-Ганди. Пытаясь дезавуировать этот исторический козырь ИНК, представители БДП стараются найти слабые места в политике первых лидеров независимой Индии. Любое исторически значимое событие, затрагивающее вопросы формирования индийской государственности, становится поводом для широкого обсуждения в прессе. Памятные даты, связанные с разделом колониальной Индии на два доминиона, с созданием Бангладеш в 1971 г., с шестидесятой годовщиной китайско-индийского конфликта 1962 г., эти события прошлого становятся основой для широкой полемики в СМИ.

КРИТИКА ПОЛИТИКИ ДЖАВАХАРЛАЛА НЕРУ В ПЕРИОД КИТАЙСКО-ИНДИЙСКОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ 1960-1962 гг.

Так, в индийской прессе широко обсуждались действия Джавахарлала Неру в период пограничных конфликтов между Индией и Китаем (1960 - 1962 гг.), которые оставили болезненный след в памяти социума, и его «Политика продвижения вперед» (*Forward Policy*), последствия которой также можно оценить неоднозначно [4].

Прошло почти 60 лет, а военное поражение Индии в коротком вооруженном противостоянии с Китаем (октябрь-ноябрь 1962 гг.) до сих пор вызывает в обществе много вопросов. Спор разгорелся из-за двух пограничных участков: в северо-восточной части Кашмира (Аксайчин, сравнительно небольшой - 518 км²) и второго участка (более значительного - около 700 км длиной) в штате Аруначал-Прадеш (Южный Тибет). В ходе конфликта индийские потери составили почти 6,5 тыс. человек, фактически полностью была разгромлена 4-я пехотная дивизия, большая часть территории Аксайчин перешла под контроль Китая, сложилась линия т.н. фактического контроля.

Военная катастрофа в ноябре 1962 г. вызывает крайне болезненную реакцию в индийском сообществе, и не удивительно, что традиционные соперники ИНК регулярно к ней возвращаются. Основная причина поражения Индии в этом конфликте видится критикам в недальновидной политике Неру.

Не последнюю роль в дискуссиях играет то, что материалы об этих событиях, содержащиеся в отчете двух крупных индийских военачальников Хендерсона Брукса и Преминдра Сингха Бхагата «*Henderson Brooks-Bhagat report*», остаются засекреченными уже более полувека. Дискуссия во многом базируется на книге австралийского журналиста Невилла Максвелла, написанной на документах первого тома отчета [5], и на достаточно противоречивых мемуарах бригадного генерала Далви [6], участника событий 1962 г. Обе книги были запрещены в Индии сразу после публикации.

Несмотря на отсутствие подтвержденной документальной базы, в индийской прессе продолжается активная полемика на тему причин китайско-индийского вооруженного конфликта, ошибок политического и военного руководства того времени, действий и назначений, сделанных Дж.Неру.

В частности, используется аргумент, что из-за непонимания Неру реальной ситуации в регионе, индийцы сами спровоцировали конфликт с китайцами, когда штаб армии в Дели в ноябре 1961 г. приказал восточному и западному командованию создать большое количество новых форпостов и начать их патрулирование на спорных территориях, что спровоцировало китайцев на ответные меры и привело к горячей фазе войны.

Жесткой критике подвергается назначение Бриджа Мохана Кауля, не имевшего боевого опыта, командовать 4-й пехотной дивизией, которая была полностью разгромлена в 1962 г., и на которого перекладывается ответственность за просчеты индийского военного командования [3].

Неру также традиционно обвиняют в идеалистической вере в принципы мирного сосуществования - «панча шила» и в непонимании сложившейся в горах Южного Тибета реальной ситуации.

В нашу задачу не входит оценка аргументации сторон, можно только констатировать, что обсуждения в прессе проходят не столько с целью выяснить истину, сколько направлены на ослабление имид-

жа Неру, пытаясь переложить на него ответственность за то, что проблема границ в регионе так и не была решена, а Индия и КНР с завидной регулярностью оказываются на грани нового вооруженного конфликта.

КРИТИКА ВНУТРЕННЕЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ИНДИРЫ ГАНДИ

Оставаясь на посту премьер-министра с 1966 по 1977 гг. и с 1980 по 1984 гг., Индира Ганди оказалась в эпицентре жесткой борьбы с политическими оппонентами внутри страны. Ей пришлось столкнуться с сикхскими сепаратистами и масштабными геополитическими изменениями, такими, как индо-пакистанская война 1971 года и образование Республики Бангладеш (об этом - ниже). Почти 15 лет у власти, наполненные большим количеством неоднозначных событий, сделали Индиру Ганди объектом критики со стороны ее политических и идеологических противников.

В проправительственных СМИ идет активная дискуссия о политике Индиры Ганди и ее решениях, принятых в ходе исторических событий 1971 г. Несмотря на признание ее заслуг в образовании Бангладеш, продолжают споры вокруг решений премьер-министра в ходе т.н. третьей индо-пакистанской войны (3 - 16.12.1971 г.)², а также Симлских соглашений (об этом - ниже). События 1970-1971 гг. долгое время рассматривались как триумф политики Индиры Ганди, однако с приходом в 2014 г. БДП к власти в индийской прессе стали все чаще звучать голоса с критическими, а порой и откровенно негативными оценками. Неудивительно, что критике подверглись те решения и действия, которые можно определить как спорные или не приведшие к решению проблемы как таковой.

В 1970 г. в Восточном Пакистане резко обострилась внутривнутриполитическая обстановка, связанная с подъемом националистических настроений среди бенгальского населения. Резкое раздражение у населения вызывали попытки пакистанских властей придать языку урду статус государственного, хотя в Восточной Бенгалии на нем говорило всего около 1% населения. Обстановка в регионе усугубилась также последствиями циклона Бхола, который обрушился на низменность и приливные отмели Бенгальского залива. В результате штормового нагона воды погибло от 300 до 500 тыс. человек.

На выборах в конце 1970 г. победу одержала партия «Авами лиг» во главе с Маджибур Рахманом, выступавшая за широкую автономию Восточной Бенгалии. Отказ М.Яхья Хана, президента Пакистана (1969-1970), признать результаты выборов привели к началу кампании гражданского неповиновения, на территорию региона были введены пакистанские войска, начались репрессии против бенгальского населения, что привело к началу гражданской войны.

Операция «Прожектор», направленная на подавление выступлений за автономию восточной части страны под руководством победившей на выборах 1970 г. партии «Авами лиг», началась 25 марта 1971 г. Пакистанские войска действовали крайне жестоко, что привело к многочисленным жертвам среди гражданского населения. Согласно различным подсчетам, в ходе гражданской войны было убито от 300 тыс. до 3 млн бангладешцев [7, р. 34]. Население Восточного Пакистана сумело сформировать боеспособное партизанское движение сопротивления (*мукти-бахини*), которому активную военную поддержку оказала Индия, на территории которой оказались 8 млн беженцев из Восточной Бенгалии.

Не столько вмешательство Индии во внутренние дела Пакистана и оказание военной поддержки партизанскому движению сопротивления в провинции Восточный Пакистан, сколько переговоры по ее итогам стали важнейшим пунктом критики внешней политики Индиры Ганди.

Вооруженный конфликт обернулся сокрушительным поражением Пакистана на суше и на море. Уже 7 декабря 1971 г. Индира Ганди признала Бангладеш как независимое государство, а 16 декабря Амир Ниязи³ в Дакке, столице провинции Восточный Пакистан, подписал документ о капитуляции Исламской Республики Пакистан. Менее чем за две недели Индия сумела одержать блестящую военную победу над Западным Пакистаном. Эту победу никто не оспаривает, однако итоги переговоров между Индией и Пакистаном после завершения военных действий вызывают шквал критики со стороны политических противников Индиры Ганди.

Военно-политическая ситуация на субконтиненте оставалась напряженной и широко обсуждалась в дипломатических кругах азиатских стран. Так, в «Синей книге по дипломатии» МИД Японии за 1972 год отмечалось, что «по окончании конфликта перед Индией встали масштабные геополитические проблемы - вывод войск, обмен военнопленными, нормализация индо-пакистанских отношений и признание Бангла-

² Началась из-за вмешательства Индии в гражданскую войну на территории провинции Восточный Пакистан. Закончилась поражением Пакистана и образованием независимого государства Бангладеш (*прим. авт.*).

³ Губернатор провинции Восточный Пакистан, командир пакистанской армии в период борьбы за независимость Бангладеш, подписал 16 декабря 1971 г. акт о капитуляции армии Пакистана (*прим. авт.*).

деш Пакистаном»⁴. Все эти задачи были решены в ходе переговоров на индо-пакистанском саммите в г. Симле (Химачал-Прадеш, Сев. Индия) в июле 1972 г., где Индира Ганди и Зульфикар Али Бхутто, президент Пакистана, подписали ряд соглашений.

Однако помимо разрешения послевоенных проблем, особо важным пунктом переговоров была демаркация «линии контроля» между Индией и Пакистаном (возникшая в результате прекращения огня от 17 декабря 1971 г.), проходящей через Кашмир. Например, именно этот пункт переговоров, по мнению политолога Удай Балакришнана, был самым важным, и его решение могло бы послужить дипломатическим завершением череды конфликтов из-за взаимных территориальных претензий Индии и Пакистана [8].

В Симлскую декларацию был включен пункт, по которому «оба правительства соглашаются, что в будущем главы государств встретятся снова <...> для дальнейшего обсуждения условий и договоренностей по установлению взаимного мира и нормализации отношений, включая вопрос <...> окончательного урегулирования ситуации в Джамму и Кашмире и возобновления дипломатических отношений» [9]. Таким образом, Пакистану фактически удалось отложить на будущее разрешение территориальных претензий.

Современные оппоненты Индиры Ганди активно критикуют ее за то, что, находясь в более выгодной переговорной позиции в Симле, она не сумела ее реализовать.

После победы в индо-пакистанской войне 1971 г. у Индиры Ганди было несколько вариантов действий по отношению к Пакистану, в т.ч. присоединить к Индии северную часть Кашмира, включающую территории Гилгит, Скарду и Балтистан, занятые Пакистаном еще с 1948 г. Кроме того, в руках премьер-министра, помимо безоговорочной победы в вооруженном конфликте, был и другой козырь: 16 декабря 1971 г. И.Ганди получила секретную телеграмму от Л.Брежневца, в которой СССР обещал помощь и поддержку Индии вне зависимости от действий Индиры Ганди в отношении Пакистана [10].

По сути дела, СССР соглашался поддержать Индию в случае продолжения вооруженных действий против Пакистана. Сегодняшние критики Индиры Ганди считают, что премьер-министр упустила исторический шанс для Индии кардинально решить проблему Кашмира. Они уверены, что при продолжении военных действий, занятии пакистанской части Кашмира и северных территорий, Индия смогла бы завершить длившийся десятилетиями процесс разрешения кашмирского вопроса в свою пользу, в полной мере воспользовавшись статусом страны-победительницы, а не откладывать передел политической карты мира на будущее.

Именно это «непринятие исторического решения, навсегда изменившего бы Азию» [10], активно обсуждается в проправительственной прессе. Критики Индиры Ганди настаивают на том, что решительные действия премьер-министра в этот момент были бы поддержаны ее ближайшим окружением: в частности, о необходимости продолжения войны говорили Джагдживан Рам (бывший на тот момент министром обороны), Ашок Партхасарати (советник И.Ганди), Сваран Сингх (министр иностранных дел) и др. [10]

Как отмечал в своем интервью Субраманьям Джайшанкар⁵, нерешительность Индиры Ганди на переговорах с Бхутто не только не привела к решению Кашмирского вопроса, а наоборот, позволила Пакистану добиться больших успехов на этих переговорах⁶, в частности, полного вывода индийских войск с территории Пакистана в течение 30 дней с даты подписания соглашения. Бхутто не согласился на проведение межгосударственной границы в Кашмире.

В результате, переговоры в Симле не решили ключевой проблемы взаимоотношений между Индией и Пакистаном, а по мнению С.Джайшанкара, способствовали еще большему нарастанию напряженности на спорных территориях и продолжению возникновения регулярных вооруженных конфликтов между Индией и Пакистаном (боевые действия на пограничных заставах ледника Сиачен 1983-1997 гг., Каргильский конфликт 1999 г., террористические атаки в Мумбаи 2015 г., нападение группы террористов на авиабазу в Патханкоте в 2016 г., обострение пограничного конфликта в 2019 г., и др.).

Сегодняшние политические оппоненты Индиры Ганди не принимают во внимание, что по итогам переговоров в Симле за Индией закрепился статус государства, продвигающего мирные пути разрешения международных конфликтов и добрососедские отношения между Индией и Пакистаном.

Еще более жесткой критике подвергаются действия И.Ганди по введению в Индии в 1975 г. чрезвычайного положения на 21 месяц, до сих пор вызывающие споры о необходимости принятых мер. Несмотря на успехи, достигнутые Индией в области экономического развития, критики называют этот период либо

⁴ Public Information Bureau, Ministry of Foreign Affairs of Japan. Diplomatic Bluebook for 1972: Review of foreign relations. 1972. Section 9: Situation in the Indian Subcontinent. <https://www.mofa.go.jp/policy/other/bluebook/1972/1972-1-9.htm> (accessed 04.05.2021)

⁵ Министр иностранных дел Индии с 2019 г. (прим. авт.).

⁶ The interview for Press Trust of India (PTI): Simla agreement resulted in 'revanchist' Pakistan, problems in Jammu and Kashmir: S Jaishankar. *The Times of India*. 14.11.2019. <https://timesofindia.indiatimes.com/india/simla-agreement-resulted-in-revanchist-pakistan-problems-in-jammu-and-kashmir-s-jaishankar/articleshow/72061273.cms> (accessed 06.05.2021)

«апогеем авторитаризма», либо «конституционный кризисом», завершившимся поражением ИНК на парламентских выборах в марте 1977 г.

Чрезвычайное положение было официально введено президентом Фахруддин Али Ахмедом по просьбе премьер-министра в соответствии со ст. 352 Конституции Индии «о внутренних беспорядках». Официально, такие меры были приняты для восстановления экономики страны после индо-пакистанской войны, когда в Индию хлынул 10-миллионный поток беженцев из новообразовавшегося Бангладеш [7, р. 34], усложнив экономическую ситуацию и вызвав рост цен на ряд продуктов питания.

В штате Гуджарат вспыхнули студенческие волнения. Еще одним поводом к введению ЧП стала подача иска в суд штата Уттар-Прадеш социалистом Радж Нараяном, обвинившим Индиру Ганди в фальсификации результатов выборов 1971 г. Хотя суд первой инстанции признал Индиру виновной, она сумела опровергнуть обвинения через Верховный суд и вернулась к исполнению полномочий премьер-министра. Массовые выступления перенесли на другие штаты, дойдя до Дели, где к студенческим волнениям примкнули оппозиционные ИНК партии, а получивший всеиндийскую популярность политик-социалист Джаяпракаш Нараян, впоследствии вставший у истоков основания оппозиционной Джаната парти, объявил *сатьяграху* (кампанию гражданского неповиновения) политике Индиры Ганди, призывая единомышленников не ходить на работу и не платить налоги.

Оппоненты премьер-министра обращают внимание на усиление в этот период авторитарного стиля правления И.Ганди, ведущего к расширению властных полномочий. Особенно жестко критикуются такие меры, как цензурирование СМИ, аресты по политическим мотивам и реализация политики контроля численности населения (*family planning*).

В ответ на введение ЧП критиками премьер-министра со стороны оппозиции был подготовлен масштабный отчет комиссии Джаянтилала Шаха⁷. Согласно отчету, в стране была введена цензура по отношению к оппозиционным печатным изданиям, которые, по словам И.Ганди, «утратили всякую объективность и независимость, полностью присоединились к оппозиционному фронту и сделали все, чтобы распространять пораженчество» [11]. Любой материал, готовившийся к публикации, блокировался, если не был согласован предварительно, поэтому «истории о проявлении жестокости полиции и правительства <...> редко попадали в газеты и появлялись только после отмены чрезвычайного положения» [12, р. 40].

С точки зрения современных СМИ, жесткая политическая цензура в этот период подрывала важнейшие конституционные свободы - свободу слова и печати. Индиру Ганди обвиняют также в проведении политических арестов, когда были задержаны 110 806 человек [13, р. 134], значительная часть которых были людьми в преклонном возрасте, которым требовалось регулярное принятие лекарств, с чем, согласно отчету комиссии Дж.Шаха, плохо справлялись в местах заключения [13, с. 135].

В рамках введения чрезвычайного положения в стране Индиру критикуют за запрет на проведение митингов и публичной агитации, а также на деятельность ряда политических организаций, таких, как индусская националистическая «Раштрия сваямсевак сангх» (РСС) и исламская «Джамаат-и-ислами».

В интервью 1978 г. Индира Ганди, оправдывая свои действия, заявляла, что политическим арестам были подвержены члены оппозиции, «уничтожавшие демократию» из-за «неспособности выиграть выборы». И.Ганди обвиняют в передергивании фактов, когда она, комментируя арест своего политического оппонента, ответила британскому журналисту Дж.Димблби, что «в одном из своих интервью Морарджи Десаи⁸ утверждает, что собирается “выносить [политическую] битву на улицы”» [11]. Однако, развивая в интервью мысль о намерении оппозиции вести вооруженную борьбу с ИНК, она привела цитату другого члена оппозиции из кабинета министров, собиравшегося «выигрывать [выборы] если не голосованием, то пулями» [11].

Широкой публичной критике подверглась также кампания по планированию семьи, которая включала в себя разнообразные меры по контролю рождаемости.

При проведении демографической политики был нарушен ее главный принцип - постепенность. Этот принцип соблюдался правительством до введения ЧП, в период первых двух пятилеток (1951-1956 гг., 1956-1961 гг.). Оппоненты И.Ганди считают, что основные нарушения в кампании планирования семьи пришлось также на период чрезвычайной ситуации. Негативную роль в этой кампании сыграла деятельность Санджая Ганди, младшего сына премьер-министра. Его действия по реализации программы по «планированию семьи» характеризовались крайней агрессивностью и нацеленностью на «перевыполнение плана».

⁷ Комиссию возглавил главный судья Верховного суда Индии в отставке Дж.Шах. Была создана в 1977 г. после отставки И.Ганди с поста премьер-министра при поддержке коалиционного правительства Джаната парти. Комиссия представила детальный отчет в трех частях, сообщавший о превышениях центральной властью своих полномочий в период ЧП (*прим. авт.*).

⁸ Морарджи Ранчходжи Десаи (1896-1995 гг.), один из лидеров национально-освободительного движения, премьер-министр Индии в 1977-1979 гг. (*прим. авт.*).

Согласно отчету комиссии Дж.Шаха, на период 1975-1976 гг. правительство Индии планировало провести 2,485 млн операций по стерилизации, с 1976 по 1977 гг. их количество в государственных планах было увеличено до 4,255 млн. Между тем, в первый из указанных периодов было совершено 2,624 млн операций, во второй - 8,132 млн, что превышало установленный план почти в 2 раза, выводя общее количество операций по стерилизации на отметку в 10,757 млн [13, р. 207].

Примечательно, что в 1976 г. в Конституцию были внесены поправки, по которым демографическая политика переходила под контроль центральной власти. В результате усилилось давление федеральной власти на местную, а та, в свою очередь, усилила давление на население. Хотя Индира Ганди неоднократно заявляла, что стерилизация была абсолютно добровольной, тем не менее, государство создавало «внешние факторы», способствовавшие ускорению выполнения установленных демографических планов (так, например, только при наличии сертификата о прохождении стерилизации люди могли получать зарплату или бесплатные медицинские услуги) [12, р. 42].

Еще одним аспектом внутренней политики Индиры Ганди, получившим широкий резонанс в СМИ, является борьба с движением за создание независимого сикхского государства Халистан и, в частности, операция «Голубая звезда», вылившаяся в отправку армейских частей в Золотой храм Амритсара в июне 1984 г.

Операция была проведена в ответ на попытки сикхских сепаратистов создания независимого государства и призыв к конституционному признанию сикхизма отдельной религией⁹. В ходе переговоров И.Ганди была готова уступить сикхам в некоторых требованиях религиозного характера (присуждение Амритсару статуса «священного города», признание *панджаби* дополнительным официальным языком в граничащих с Пенджабом штатах и др.), но осталась непоколебимой в отношении территориальных востребований и решила на радикальные меры, объявив о начале военной операции «Голубая звезда» 1 июня 1984 г.

Обстрел Золотого храма начался 5 июня и продлился три дня. Целью операции «Голубая звезда» было разрушение сикхских боевиков и их лидера - Джарнаила Сингха Биндранвала¹⁰, укрывавшихся в комплексе Золотого Храма. По воспоминаниям генерал-майора К.С.Брара, руководившего штурмом Золотого храма, операция «была самой сложной внутренней операцией индийской армии. Она была также самой травматичной и самой болезненной» [14].

По официальным оценкам, представленным в «Белой книге о волнениях в Пенджабе», операция «Голубая звезда» унесла жизни 646 человек, в т.ч. 92 военных¹¹. Обстрел и штурм привел также к значительным повреждениям главной сикхской святыни Акал Тахт.

По мнению критиков, действия премьер-министра привели к разжиганию межрелигиозной розни, вызвав яростное возмущение у сикхов, воспринявших события июня 1984 г. как «величайшее унижение» из-за атаки Нью-Дели на одну из главных сикхских святынь [15]. Это и привело к трагическим последствиям - за операцию Индира Ганди расплатилась жизнью. Убийство премьер-министра 31 октября 1984 г. повлекло за собой проконгрессистские и антисикхские волнения в столице и других городах Индии, что стоило жизни нескольким тысячам индийцев. Волна протестов против погромов прокатилась и за рубежом по городам, где проживали крупные общины сикхов: в Нью-Йорке, Вашингтоне, Лондоне, Ванкувере, Гонконге [15]. Центральному правительству потребовалось более 10 лет, чтобы справиться с сикхским движением.

После прихода БДП к власти в 2014 г. в проправительственных СМИ, ссылаясь на события 1984 г., стал обсуждаться вопрос о необходимости «принять закон против насилия в общинах, который будет привлекать государственных чиновников к ответственности за соучастие и неисполнение служебных обязанностей»¹², что явилось бы ответом на подобные действия.

Арвинд Кеджривал, возглавляющий Совет министров Дели (Аам Адми Парти), сумел добиться создания полицией Дели специальной следственной группы, занимавшейся расследованием анти-сикхских беспорядков 1984 года. Полиция Дели подала 587 официальных жалоб за «трехдневное насилие, в результате которого погибли 2733 человека»¹³. Сформированные оппозиционными партиями собственные следст-

⁹ Последователи движения не смогли добиться признания и к настоящему времени (*прим. авт.*).

¹⁰ Сикхский религиозный лидер. В июле 1982 г. вместе с вооруженными союзниками обосновался в комплексе Золотого храма в Амритсаре, ставшего центром террора против индуистского населения Пенджаба. Был убит в ходе операции «Голубая звезда» (*прим. авт.*).

¹¹ White Paper on the Punjab Agitation. New Delhi: Government of India Press. 1984. P. 168. <https://archive.org/details/bk-008698/page/168/mode/2up> (accessed 27.08.2021)

¹² India: No Justice for 1984 Anti-Sikh Bloodshed. *Human Rights Watch*. 29.10.2014. <https://www.hrw.org/news/2014/10/29/india-no-justice-1984-anti-sikh-bloodshed> (accessed 12.05.2021)

¹³ Ibidem.

венные группы обвинили ИНК в масштабных беспорядках, прокатившихся по стране после смерти И.Ганди, утверждая, что «насилие не было спонтанным, а было организовано членами ИНК»¹⁴.

Список претензий к Индире Ганди мы могли бы продолжить¹⁵. Общая направленность публикуемых статей подводит читателя к мысли, что огромная часть проблем, с которой сталкивается сегодняшняя Индия, остаются нерешенными, прежде всего, из-за ошибочных действий Джавахарлала Неру, Индиры Ганди, или семьи Неру-Ганди.

Анализируя итоги провальных для ИНК парламентских выборов 2019 г., когда Индийский национальный конгресс получил лишь 52 места из 542, в индийских СМИ все чаще раздаются голоса, что именно Джавахарлал Неру положил начало семейному руководству партией, которое окончательно оформилось в период правления Индиры Ганди. Семейственность привела к тому, что «ИНК стал, скорее, партией династии, нежели серьезным политическим образованием, и ему пришлось заплатить за это» [16]. По общему мнению как членов ИНК, так и их политических оппонентов, именно семейственная преемственность высших должностей в ИНК стала одной из причин снижения его политической конкурентоспособности, что приводит к оттоку молодых перспективных кадров, остающихся на незаслуженно низких позициях в БДП (как это сделал, в частности, Джотирадितья Синдия¹⁶).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

После поражений Индийского национального конгресса на парламентских выборах 2014 и 2019 гг. исторические события прошлого все чаще вторгаются в современные дискуссии, а их новые интерпретации становятся все более актуальными.

Желание разобраться с историческим прошлым и его ошибками можно было бы только приветствовать, если бы оно не носило столь тенденциозный характер. Критики из сегодняшних индийских проправительственных СМИ обращаются исключительно к ошибкам и просчетам первых руководителей страны, что можно отнести к попыткам ослабить их авторитет, и нивелировать, таким образом, влияние исторического опыта ИНК в государственном строительстве независимой Индии.

Дискуссии в СМИ сопровождаются серьезными изменениями в исторической науке, меняются подходы к древней и средневековой истории, переписываются учебники, появляются новые «альтернативные герои», как исторические, так и мифические, во славу которых в Индии строятся огромные мемориальные комплексы.

Этот процесс, поддерживаемый не только СМИ, но и различными политическими организациями, направлен на свержение старых идеалов и поиск новых, развивается в русле тех задач, которые ставит перед собой Бхаратия дждана парти, заинтересованная в ослаблении политического влияния Индийского национального конгресса.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Сафронова Ю.А. Memory studies: эволюция, проблематика и институциональное развитие. *Методологические вопросы изучения политики памяти*. М.: Нестор-История. 2018. С. 12-27.
Safronova Y.A. 2018. Memory studies: evolution, problems, and institutional development. *Methodological issues of Memory Studies*. Moscow. Pp. 12-27. (In Russ.)
2. Сафронова А.Л. "Разбитое зеркало" Южной Азии: раздел Британской Индии 1947 г. в коллективной памяти современного индийского общества. *Азия и Африка сегодня*. 2019. № 6. С. 64-69. DOI: 10.31857/S032150750005168-6
Safronova A.L. 2019. The Broken Mirror of South Asia: The 1947 Partition of British India in the Collective Memory of Contemporary Indian Society. *Aziya i Afrika segodnya*. № 6. Pp. 64-69 (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750005168-6
3. Солодкова О.Л. Историческая политика и изменение исторической памяти в современной Индии. *Россия в глобальной политике*. 2020. Т. 18. № 6 (106). С. 48-61.
Solodkova O.L. 2020. The historical policy and the changing of historical memory in contemporary India. *Russia in Global Affairs*. № 6. Pp. 48-61. (In Russ.)
4. Venu G.N. How Nehru's 'Forward Policy' Worked And Its Lessons Look From The Vantage Point Of 2020. *Swarajya*. 09.06.2020. <https://swarajyamag.com/ideas/how-nehrus-forward-policy-and-its-lessons-look-from-the-vantage-point-of-2020> (accessed 08.10.2020)
5. Maxwell N. 2014. China's Borders: Settlements and Conflicts: Selected Papers. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing. 289 p.
6. Dalvi J.P. 1968. Himalayan blunder; the curtain-raiser to the Sino-Indian war of 1962 (1st ed.). Bombay, India: Thacker. 506 p.

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Вопросы религиозного мифотворчества и критики европейского либерализма в исторической политике Индии требуют отдельного рассмотрения (прим. авт.).

¹⁶ Индийский политик, член БДП, до 2020 г. являлся членом ИНК. С 2020 г. занимает должность министра гражданской авиации (прим. авт.).

7. Bartrop P.R., Totten S. 2007. Dictionary of Genocide. ABC-CLIO. 576 p. https://www.google.ru/books/edition/Dictionary_of_Genocide_2_volumes/rgGA91skoP4C?hl=ru&gbpv=0 (accessed 03.05.2021)
8. Balakrishnan U. A lost opportunity in 1971: where Indira Gandhi erred. *The Hindu*. 20.11.2019. <https://www.thehindu.com/opinion/op-ed/a-lost-opportunity-to-build-a-lasting-peace/article30019352.ece> (accessed 04.05.2021)
9. Bhutto Z., Gandhi I. Agreement between the Government of India and the Government of the Islamic Republic of Pakistan on bilateral relations (Simla agreement). 02.07.1972. <https://www.mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/5541/Simla+Agreement> (accessed 04.05.2021)
10. Menon V. New book claims Indira Gandhi wanted to recapture Pak-occupied Kashmir after 1971 war. *The Print*. 24.03.2018. <https://theprint.in/defence/book-reveals-indira-gandhi-pak-occupied-kashmir-1971-war/44399/> (accessed 06.05.2021)
11. Dumbleby J. An interview with Indian Prime Minister Indira Gandhi by Thames Television [video interview]. 16.11.1978. <https://www.youtube.com/watch?v=q8aETK5pQR4> (accessed 06.05.2021)
12. Gupte P. 2017. India: "The Emergency" and the Politics of Mass Sterilization. *Demographics, Social Policy, and Asia*. Part I. Vol. 22. Pp. 40-44. <https://www.asianstudies.org/publications/ea/archives/india-the-emergency-and-the-politics-of-mass-sterilization/> (accessed 08.05.2021)
13. Shah Commission, Shah J.C. 1978. Shah Commission of Inquiry: third and final report. Delhi: Controller of Publications. 287 p. <http://library.bjp.org/jspui/handle/123456789/743> (accessed 08.05.2021)
14. Amberish K.D. Operation Bluestar was most traumatic, most painful / Lieutenant General Kuldip Singh Brar (retired). *The Rediff Interview*. 08.06.2004. <https://in.rediff.com/news/2004/jun/08inter2.htm> (accessed 10.05.2021)
15. Puneet S.L. The New York Times on Operation Blue Star. *The Sikh Times*. 02.06.2004. http://www.sikh-times.com/news_060204a.html (accessed 10.05.2021)
16. Joshi A. India's Congress Party Needs to Ditch the Nehru-Gandhi Family. *Foreign Policy*. 09.12.2020. <https://foreignpolicy.com/2020/12/09/indian-national-congress-party-ditch-nehru-gandhi-family/> (accessed 13.05.2021)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Солодкова Ольга Леонидовна, кандидат исторических наук, доцент, факультет мировой экономики и мировой политики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия.

Olga L. Solodkova, PhD (History), Associate Professor, School of International Regional Studies, Faculty of World Economy and International Affairs, HSE University, Moscow, Russia.

Антасьева Мария Сергеевна, студентка бакалавриата, факультет мировой экономики и мировой политики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия.

Mariia S. Antasheva, student, School of Asian Studies, Faculty of World Economy and International Affairs, HSE University, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 29.12.2021

Доработана после рецензирования
(Revised) 20.02.2022

Принята к публикации
(Accepted) 12.03.2022

Катарско-турецкий и саудовско-эмиратский блок: борьба за влияние в Судане

© Хайруллин Т.Р.^{a,b,c}, Коротаев А.В.^{a,d}, 2022

^a Институт Африки РАН, Москва, Россия;

^b Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия;

^c РУДН, Москва, Россия;

^d НИУ ВШЭ, Москва, Россия

^a ORCID: 0000-0001-5418-2792; jumglaw16@yandex.ru

^d ORCID: 0000-0003-3014-2037; akorotayev@gmail.com

Резюме. Статья посвящена анализу противостояния катарско-турецкого и саудовско-эмиратского блоков за влияние в Республике Судан. Выяснено, что, помимо традиционной борьбы за продвижение интересов между Саудовской Аравией и Ираном, в Судане на геополитической арене появился новый игрок в лице Катара и Турции.

Особую активность по укреплению своих позиций катарско-турецкий блок проявил в период событий «арабской весны», вызвав реакцию со стороны Саудовской Аравии и его союзника - Объединенных Арабских Эмиратов. Для ослабления турецко-катарско-суданских отношений саудовско-эмиратский блок оказал финансовую и материальную помощь Хартуму, находившемуся в тяжелой социально-экономической ситуации после отделения Южного Судана. Однако усилия Саудовской Аравии и ОАЭ оказались неэффективными и вынудили их прибегнуть к более решительным действиям. В результате саботажа со стороны военных и экономических элит, поддержанных саудовско-эмиратским блоком весной 2019 г. 30-летний суданский режим О. аль-Башира был свергнут.

К власти пришла военная элита, которая сумела ослабить социально-экономическое напряжение в стране. Немаловажную роль в этом сыграла финансовая и военная помощь Эр-Рияда и Абу-Даби. Падение режима О. аль-Башира нанесло серьезный удар по позициям Катара и Турции в Судане, параллельно укрепив саудовско-эмиратские позиции. Несмотря на это, Катар и Турция не потеряли надежду на восстановление своего влияния в Судане и продолжают попытки наладить дипломатические, финансовые, военные и культурные отношения.

Ключевые слова: исламизм, Ближний Восток, «Братья-мусульмане», Арабский мир, «арабская весна», катарско-турецкий альянс, саудовско-эмиратский блок

Благодарность. Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда. Проект № 19-18-00155.

Для цитирования: Хайруллин Т.Р., Коротаев А.В. Катарско-турецкий и саудовско-эмиратский блок: борьба за влияние в Судане. *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 4. С. 29-36. DOI: 10.31857/S032150750019730-5

Qatari-Turkish and Saudi-Emirati alliance: Struggle for influence in Sudan

© Timur R. Khayrullin^{a,b,c}, Andrey V. Korotayev^{a,d}, 2022

^a Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

^b Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

^c RUDN, Moscow, Russia

^d HSE University, Moscow, Russia

^a ORCID: 0000-0001-5418-2792; jumglaw16@yandex.ru

^d ORCID: 0000-0003-3014-2037; akorotayev@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the analysis of the confrontation between the Qatari-Turkish and Saudi Emirati blocs for influence in the Republic of Sudan. It was found out that in addition to the traditional struggle for the promotion of interests between Saudi Arabia and Iran in Sudan, a new player appeared in the geopolitical arena in the person of Qatar and Turkey.

The Qatari-Turkish bloc was particularly active in strengthening its positions during the events of the "Arab Spring", provoking a reaction from Saudi Arabia and its ally, the United Arab Emirates. To weaken Turkish-Qatari-Sudanese relations, the Saudi-Emirati bloc provided financial and material assistance to Khartoum, which was in a difficult socio-economic situation as a result of the secession of South Sudan. However, the efforts of Saudi Arabia and the UAE did not lead to the desired result and forced them to resort to more decisive actions. As a result of sabotage by the military and economic elites supported by the Saudi-Emirati bloc in the spring of 2019, the thirty-year-old Sudanese regime of O. al-Bashir was overthrown.

The military elite came to power, which managed to ease the socio-economic tension in the country. Financial and military assistance from Riyadh and Abu Dhabi played an important role in this. The fall of the regime of O. al-Bashir dealt a serious blow to the positions of Qatar and Turkey in Sudan, simultaneously strengthening the Saudi-Emirati positions. Despite this, Qatar and Turkey have not lost hope of restoring their influence in Sudan and continue to try to establish diplomatic, financial, military and cultural relations.

Keywords: Islamism, Middle East, Muslim Brotherhood, Arab World, Arab Spring, Qatari-Turkish alliance, Saudi-Emirati alliance

For citation: Timur R. Khayrullin, Andrey V. Korotayev. Qatari-Turkish and Saudi-Emirati alliance: Struggle for influence in Sudan. *Asia and Africa today*. 2022. № 4. Pp. 29-36. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750019730-5

ВВЕДЕНИЕ

Нестабильность в Арабском мире, представленная, в первую очередь, ливийским, сирийским и йеменским кризисами является прямым продолжением революционных событий «арабской весны». Важное значение в условиях социально-политической дестабилизации имеет борьба региональных игроков за лидерство. Одним из ключевых игроков, заявивших о себе в период событий «арабской весны» и по-прежнему оказывающих существенное влияние на формирование политической повестки в Арабском мире, является альянс Катар и Турции.

Стремление к региональному лидерству этих стран не случайно. Турция, проводя активную внешнеполитическую стратегию, пытается опираться, в т.ч., на политику неоосманизма, предполагающую, прежде всего, возвращение былого величия, которым обладала Турция в период существования Османской империи. В свою очередь, Катар, используя целый ряд инструментов (финансовый, дипломатический, религиозный, информационный), стремится стать самостоятельным игроком, который не зависит от политики других монархий Персидского Залива во главе с Саудовской Аравией. На поиск самостоятельной внешнеполитической стратегии Катар подтолкнули недружественные действия и угроза государственного переворота со стороны саудовского королевства в 1990-е гг. [1].

Более того, обоюдное желание Анкары и Дохи совместными усилиями укрепить лидерские позиции в регионе также неслучайно. Для Турции в одиночку реализовать такого рода стратегию было бы довольно сложно в силу, как минимум, этнического фактора. В свою очередь, катарская монархия слишком мала, чтобы противостоять таким региональным гигантам, как Саудовская Аравия или Египет.

В данной ситуации сближение Турции (обладающей военным потенциалом, сравнимым с военной мощью Саудовской Аравии и Ирана) с Катаром (обладающим колоссальным финансовым ресурсом и арабской идентичностью) способствовало формированию очень эффективного альянса, бросившего вызов растущей гегемонии Саудовской Аравии в Арабском мире [2; 3].

Отметим, что в последнее время градус противостояния между катарско-турецким и саудовско-эмиратским блоками несколько снизился. Произошло определенное сближение между Эр-Риядом и Дохой, включающее обмен визитами и подписание двусторонних договоров. Улучшились отношения между Саудовской Аравией и Турцией, что выразилось, например, в росте саудовских инвестиций в турецкую экономику.

Саудовская Аравия, по всей видимости, сочла нецелесообразным вести активную войну на два фронта (с катарско-турецким и ирано-шиитским альянсами) и решила сосредоточиться на последнем фронте. С другой стороны, в последнее время наблюдается рост саудовско-эмиратских (ОАЭ) противоречий. Тем не менее, противостояние между катарско-турецким и саудовско-эмиратским блоками продолжается (хотя и не в столь острой форме, как ранее), что можно видеть на примере последних событий в Судане.

Рассмотрим подробнее продолжающуюся борьбу катарско-турецкого и саудовско-эмиратского блоков за региональное лидерство в важнейшем государстве региона - Республике Судан.

КАТАР И ТУРЦИЯ В СУДАНЕ

В октябре 1993 г. Омар аль-Башир провозгласил себя президентом Судана, установив авторитарную систему управления, в которой доминировали исламисты. Во время многолетнего правления О.аль-Башира (1993-2019) Судан поддерживал тесные отношения с региональными покровителями «Братьев-мусульман» - Турцией и Катаром. Приход к власти «Братьев-мусульман» и аффилированных к ним движений в период событий «арабской весны» в Египте, Тунисе, Марокко и Ливии укрепил позиции суданских «братьев» и, соответственно, Катара и Турции.

Роль Дохи во внутренней политике Судана активно проявилась во время мирных переговоров по Дарфуру. Катарские дипломаты организовали переговоры между правительством Судана и повстанческими движениями в Дарфуре в 2008 г., результатом которых стал Дохинский документ о мире в Дарфуре (DDPD) [4]. Когда Международный уголовный суд в марте 2009 г. предъявил аль-Баширу обвинение в совершении преступлений против человечности в конфликте против жителей неарабских племен в западной провинции Дарфур, правительство Турции выступило против этого решения, утверждая, что западные страны вмешиваются во внутренние дела Судана.

Отношения между Хартумом и Дохой развивались весьма динамично. Катар стал самым крупным арабским донором Судана, выделив ему в 2013 г. гранты и кредиты на сумму в \$500 млн и предоставив еще \$1 млрд в апреле 2014 г. В августе 2014 г., вскоре после визита президента аль-Башира в Доху, Катар выдал Судану кредит в размере \$1,22 млрд (500 млн для оплаты импорта товаров из Катара и более 700 млн Центральному банку Судана для стабилизации валютного курса). Более того, в ноябре того же года Хартум и Доха подписали договор о военно-техническом сотрудничестве, включавший обмен военными технологиями, проведение совместных учений и т.д. [5, с. 44].

Первая эффективная попытка Турции укрепить отношения с Суданом была предпринята путем создания совместной министерской комиссии, которая разработала в ходе своих заседаний в Хартуме в ноябре 2013 г. ряд экономических соглашений между обеими странами. Эти соглашения предусматривали партнерские отношения в области сельского хозяйства, животноводства, технологий, образования, науки, транспорта, горнодобывающей промышленности, электроэнергетики, информационных систем, государственного управления и образования. Также был подписан меморандум о взаимопонимании в отношении сотрудничества в области добычи нефти и газа.

Затем в 2014 г. было заключено соглашение о поощрении инвестиций в обеих странах, в рамках которого, стороны договорились о создании свободных зон в Судане, чтобы иметь прочную основу для экономических связей между Суданом и Турцией и увеличения товарооборота между ними. Это соглашение явилось одним из крупных проектов по привлечению иностранного капитала в страну. В частности, Соглашение о двустороннем сельскохозяйственном сотрудничестве и партнерстве между Турцией и Суданом 2014 г. предусматривало создание совместной компании с капиталом в \$10 млн (с долей в 80% у Турции и 20% - у Судана) для реализации сельскохозяйственных проектов на площади 793 тыс. га [6].

В отличие от Катара и Турции, которые в течение последних двух десятилетий предпринимали попытки усилить свое влияние в регионе Африканского Рога, другой региональный игрок в лице Саудовской Аравии пытается укрепить свои позиции с 1960-х гг. с переменным успехом. Отметим, что, помимо Катара и Турции, непосредственную угрозу продвижению саудовских интересов на протяжении предыдущих нескольких десятилетий представлял Иран, который рассматривал Африканский Рог в качестве плацдарма для материально-технической поддержки хуситского движения в соседнем с Саудовской Аравией Йемене [7, р. 126].

Борьба за региональное лидерство приобрела особую важность после событий «арабской весны», когда на геополитической арене активизировался новый игрок - катарско-турецкий альянс. Усиливающееся присутствие Турции и Катара в Судане вынудило Эр-Рияд к действиям, направленным на нивелирование новой угрозы.

В качестве реакции на судано-турецко-катарское сближение Саудовская Аравия совместно с ОАЭ в 2014 г. предприняли ряд шагов направленных на укрепление отношений с Суданом, пообещав финансовую поддержку [8]. Принятие финансовой помощи от саудовцев и эмиратцев для Судана оказалось вынужденным, поскольку страна испытывала нехватку наличных денег после потери большей части своих запасов нефти в результате отделения Южного Судана.

Внешний долг Хартума также достиг внушительных размеров. По данным МВФ, в 2013 г. он достигал почти \$45 млрд, или 88% ВВП и 800% от годового объема экспорта [9, с. 31]. В ответ в течение нескольких месяцев после начавшегося в 2015 г. возглавляемого Саудовской Аравией наступления на Йемен Судан направил от 6 тыс. до 10 тыс. своих военнослужащих для поддержки коалиции (которые составили костяк пехотных подразделений коалиции) в обмен на выплату жалования солдатам, прямые депозиты в казну суданского государства и субсидии на основные товары потребления [10].

По некоторым данным, направленные Хартумом подразделения - «Силы оперативной поддержки» (СОП, *RSF - Rapid Support Forces*) - не были частью регулярной армии Судана и рекрутировались из некоторых племен Северного Дарфура. Они подчиняются не Министерству обороны, а Национальной службе разведки и безопасности (НСРБ - *National Intelligence and Security Service*), которая использовала их в качестве ударных войск в Дарфуре, где их обвиняют в преступлениях против гражданского населения [11].

По некоторым данным, в 2016 г. Саудовская Аравия предоставила Судану военную помощь на сумму около \$5 млрд, а также увеличила инвестиции в сельскохозяйственный сектор [12, р. 14]. Саудовско-эмиратская помощь экономике Судана в 2018 г. достигла около \$7 млрд [13].

Соперничество между двумя альянсами обусловлено геостратегическими экономическими и военными интересами.

В военном отношении Судан является важнейшим плацдармом для переброски военных формирований и техники в Ливию. Большое значение имеет береговая линия Красного моря Судана, которая включа-

ет крупные порты и объекты по экспорту нефти. В результате налаживания контактов с суданским правительством во владение компаний из Саудовской Аравии и ОАЭ перешла большая часть арендованных земель в Судане, которые они использовали для производства продовольственных культур, люцерны и биотоплива, и которые в сумме составили больше, чем все внутренние инвестиции в агробизнес [14].

Несмотря на укрепление саудовско-эмиратских позиций в Судане, сотрудничество Хартума с Турцией и Катаром продолжилось. Одним из примеров является совместная тренировка вооруженных сил Турции и Судана в порту Порт-Судан в июне 2015 г [15]. Более того, силы национальной полиции Турции ежегодно проводили различные учебные курсы для сотрудников полиции Судана в рамках сотрудничества в области безопасности между двумя странами. В целом, более 3800 суданских офицеров прошли подготовку в Турецкой национальной полиции.

В декабре 2017 г. президент Турции Р.Т.Эрдоган совершил второй визит в Судан (первый состоялся в 2006 г., когда он был премьер-министром). Визит был подкреплен экономическими мотивами, поскольку его сопровождала делегация, состоящая из 150 бизнесменов. По итогам переговоров обе стороны подписали 12 соглашений о сотрудничестве на общую сумму \$650 млн [10]. Во время ответного визита в Турцию президент Судана О.аль-Башир подтвердил намерения о дальнейшем взаимодействии, и более того, предложил увеличить товарооборот между двумя странами до \$1 млрд в течение одного года а в долгосрочной перспективе - до \$10 млрд [16].

Согласно отчету, опубликованному Министерством инвестиций Судана, объем турецких инвестиций в стране с 2000 по 2017 гг. составил \$2 млрд. В нем также указывается, что в Судане насчитывается 288 турецких инвестиционных проектов [17].

В том же 2017 году Р.Т.Эрдоган совместно с О.аль-Баширом, а также с начальником штаба ВС Катара генерал-лейтенантом Г.бин Шахином Аль-Ганимом и его турецкими и суданскими коллегами - генералом Хулуси Акаром и генерал-лейтенантом Э.ад-Дином Мустафой Адави приняли участие в открытии в Хартуме фабрики по производству военной формы для суданской армии. Фабрика военной и гражданской одежды *Soor* совместно финансируется Катаром, Суданом и Турцией [18]. Год спустя Судан подписал соглашение с Катаром и Турцией на сумму \$4 млрд о развитии порта Суакин и постройке небольшого турецкого военно-морского объекта. Это отражало стремление катарско-турецкого альянса укрепить свои позиции в Красном море, а также противостоять военно-морскому присутствию Саудовской Аравии и ОАЭ на Африканском Роге [19].

В дальнейшем нежелание О.аль-Башира разорвать отношения с Катаром и Турцией, вероятно, объясняет нейтральную позицию Судана в дипломатическом кризисе вокруг Катара в 2017 г. Это вызвало недовольство Саудовской Аравии, которая в отместку прекратила выплачивать жалование суданским солдатам, принимавшим участие в боевых действиях в Йемене в рамках возглавлявшейся Саудовской Аравией операции «Буря решимости» и «Возрождение надежды». Усилия соседнего Египта по сохранению дружеских отношений Судана с саудовцами и эмиратцами оказались тщетными. Более того, получение Суданом катарского кредита в размере \$2 млрд окончательно убедило правительства Саудовской Аравии и ОАЭ в необходимости замены режима О.аль-Башира [20].

ПРОТЕСТЫ В СУДАНЕ И ВОЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ

В начале декабря 2018 г. ОАЭ прекратили поставки топлива в Судан. Столкнувшись с острой нехваткой иностранной валюты, глубоким дефицитом и огромным долгом, аль-Башир сократил субсидии на хлеб, спровоцировав первые демонстрации, развернувшиеся в дальнейшем в полномасштабный государственный переворот.

24 декабря 2018 г. генерал М.Хамдан Дагло (известный как «Хемедти»), глава «Сил оперативной поддержки», выступил в поддержку требований демонстрантов [7, р. 126]. Демонстрации не ослабевали, и в середине февраля 2019 г. глава НСРБ Салах Гош при посредничестве ОАЭ предложил аль-Баширу покинуть пост, но он отказался. Эмиратцы начали обращаться к оппозиционным группам; то же самое сделал С.Гош, который посетил видных лидеров оппозиции в тюрьме.

7 апреля 2019 г., на следующий день после того, как демонстранты начали сидячую забастовку перед штабом ВС, генерал Даль-Дин эль-Шейх, заместитель главы службы безопасности, возглавил делегацию военных и сотрудников разведки в Каире, где он обратился за поддержкой к Египту, Саудовской Аравии и ОАЭ для осуществления государственного переворота в Судане. Затем эти три страны, как сообщается, связались с генералом А.Фаттахом аль-Бурханом, который координировал операции суданских военных в

возглавляемой Саудовской Аравией коалиции в Йемене, и «Хемедти», который также был привлечен в качестве главы СОП.

Аль-Баширу при посредничестве Египта было предложено эвакуироваться в Саудовскую Аравию, на что последовал отказ. В ответ 11 апреля руководители военного аппарата и аппарата безопасности свергли аль-Башира, создав Переходный военный совет (ПВС) для управления страной [21]. Поддержка Эмиратов и Саудовской Аравии Переходного военного совета, пришедшего на смену аль-Баширу, придавала смелости военным в критические недели, последовавшие за его падением, позволив ПВС подавить выступления демонстрантов 3 июня 2019 г., купировать революционные требования гражданского правления и обеспечить появление соглашения о разделении власти, в котором военные стали играть доминирующую роль [20].

Это событие в сочетании с военным переворотом дало возможность ОАЭ, Саудовской Аравии и Египту включить Судан в орбиту своего влияния, ослабив позиции катарско-турецкого альянса. Они поддержали ПВС и, в частности, «Хемедти», который уже приобрел значительные финансовые ресурсы в последний год правления аль-Башира благодаря развертыванию СОП в Йемене и экспорту суданского золота в Дубай [22; 23].

Отметим, что Саудовская Аравия и ОАЭ - основные потребители суданского золота [9, с. 33]. В течение 10 дней ОАЭ и Саудовская Аравия пообещали новому режиму прямую помощь в размере \$6 млрд [24, р. 1520]. В то время как демонстранты продолжали сидячую забастовку, требуя радикальных политических перемен, Египет лоббировал интересы Судана в Африканском Союзе, чтобы не допустить приостановления его членства в организации.

После свержения аль-Башира военные в лице Переходного военного совета и гражданские лидеры в лице «Силы свободы и перемен» (гражданской коалиции) подписали соглашение о разделении власти, которое положило начало переходу к демократическому правительству под руководством премьер-министра Абдаллы Хамдока (гражданского представителя) и председателя правящего Переходного военного совета генерал-лейтенанта А.Фаттах аль-Бурхана. Этот переход означал изменение внешней политики Судана. После свержения аль-Башира Турция, пытаясь вернуть часть утраченного влияния, встретила с исламистскими лоялистами и предложила убежище некоторым членам бывшего правительства.

Вслед за подписанием конституционной декларации, в которой была изложена дорожная карта конституционной конференции и выборов, ОАЭ и Саудовская Аравия оказали поддержку новому правительству, предоставляя ежемесячно \$200 млн наличными и товарные субсидии на вторую половину 2019 г. [25]. В соответствии с новым соглашением, правительство Судана, хотя и отчаянно нуждалось в наличных деньгах, отклонило предложение направить делегацию в Катар в обмен на финансирование в размере \$1 млрд [20].

Несмотря на это, Катар и Турция не потеряли надежду на восстановление своего влияния в Судане. Так, в 2020 г. в связи со сложной эпидемиологической ситуацией Доха совместно с Анкарой профинансировали поставки медицинского оборудования и медикаментов для борьбы с пандемией *COVID-19* [26]. Более того, Катар и Турция рекрутируют суданцев в добровольческие отряды для последующей переброски в Ливию, для борьбы на стороне Правительства национального согласия. Число суданских наемников, рекрутированных Анкарой и Дохой достигает 5 тыс. человек. Вербовка происходила за денежное вознаграждение и возможность получения вида на жительство в Катаре [27].

В апреле 2021 г. Судан восстановил дипломатические отношения с Катаром несмотря на давление Эмиратов и Саудовской Аравии. В конце мая 2021 г. министр иностранных дел Катара М.бен Абдурахман Аль Тани прибыл в Хартум для переговоров с суданскими официальными лицами о путях укрепления двусторонних отношений. В ходе визита министр встретился с главой Совета по суверенитету Судана генерал-лейтенантом А.Фаттахом аль-Бурханом, премьер-министром А.Хамдоком и другими высокопоставленными должностными лицами.

Катар выразил готовность поддержать Судан в дипломатических вопросах, в т.ч. касающихся «Великой плотины Возрождения Эфиопии» (*GERD*) и напряженности на границе с Эфиопией [28]. Месяцем ранее аль-Бурхан посетил Доху для переговоров с эмиром Катара шейхом Т.бен Хамадом Аль Тани. По данным Министерства инвестиций Судана, инвестиции Катара в Судан оцениваются в \$3,8 млрд [29].

В августе 2021 г. председатель Совета по суверенитету Судана генерал-лейтенант А.Фаттах аль-Бурхан (являющийся также главой Вооруженных сил) посетил с двухдневным официальным визитом Турцию по приглашению президента Турции Р.Т.Эрдогана. Лидеры подписали 6 соглашений: по военным вопросам,

международным отношениям, энергетическим ресурсам, в сфере экономики, сельского хозяйства и средств массовой информации [30; 31].

ОЧЕРЕДНОЙ ВОЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ

В конце сентября 2021 г. бывшие чиновники и военнослужащие, долгое время работавшие при режиме О.аль-Башира и оказавшиеся после его падения вне системы, предприняли попытку военного переворота.

Дело в том, что соглашение между лидерами гражданской коалиции и военными предусматривало после свержения О.аль-Башира начало переходного процесса, рассчитанного на 3 года и 3 месяца. Совет по суверенитету должен был возглавляться военным деятелем в течение 21 месяца, а затем гражданским лидером - в течение 18 месяцев. Передача планировалась на ноябрь 2021 г.

Однако разногласия между военными и гражданскими лидерами привели к противостоянию внутри суданского общества, расколовшегося на два лагеря. Премьер-министр Судана А.Хамдок попытался провести переговоры между гражданскими и военными группами после сентябрьской попытки государственного переворота, но безрезультатно. В итоге, следующая попытка, предпринятая в октябре-ноябре 2021 г., привела к тому, что военные во главе с А.Ф.аль-Бурханом («Хемедти») захватили власть. На следующий день после переворота военные заявили, что их действия были оправданы, чтобы избежать гражданской войны в Судане [32].

Однако американские источники утверждают, что факторами, побудившими военных остановить переход к демократии, стали боязнь попасть под военный трибунал из-за национальных и/или международных военных преступлений над суданским народом и риск потери контроля над торговлей золотом [33]. Более того, после передачи председательства в Совете по суверенитету гражданскому лицу аль-Бурхан и «Хемедти» рисковали потерять контроль над национальным бюджетом.

Премьер-министр А.Хамдок отказался заявлять о поддержке переворота и 25 октября призвал к народному сопротивлению. 26 октября он был переведен под домашний арест, а большинство членов кабинета правительства были арестованы. Столкнувшись с внутренним и международным сопротивлением, аль-Бурхан 28 октября заявил о своей готовности восстановить кабинет Хамдока. В итоге, 21 ноября 2021 г. Хамдок и аль-Бурхан подписали соглашение из 14 пунктов, которое восстановило Хамдока в должности премьер-министра и предусматривало освобождение политических заключенных. Впоследствии непризнание гражданской коалицией соглашений с военными и рост народного недовольства вынудили Хамдока подать в отставку в январе 2022 г [34].

Отметим, что конфликт между гражданскими и военными лидерами разгорелся из-за тяжелой экономической ситуации, в которой Судан пребывал, в т.ч. и из-за американских санкций, которые не были окончательно сняты.

Свержение режима О.аль-Башира в 2019 г. сопровождалось надеждами, что военная элита, поддерживаемая Саудовской Аравией и ОАЭ, сумеет наладить экономические отношения с США. Однако разделение власти с гражданскими лидерами, часть из которых состояла из представителей прежнего режима, затрудняло достижение целей военной элиты. В стране росли протестные настроения, выраженные недовольством усиления саудовского и эмиратского влияния в стране и боязнью наступления военной диктатуры по примеру Египта. В этой связи представляется важным, что ОАЭ поддержали военный переворот в октябре 2021 г., выступив против власти гражданских представителей в стране [35].

Надеясь на снятие американских санкций с Хартума, ОАЭ активно поощряли Судан к признанию Израиля, особенно после того, как эмиратцы сами подписали мирный договор с израильтянами. ОАЭ организовали секретную встречу между премьер-министром Израиля Б.Нетаньяху и генералом аль-Бурханом в начале 2020 г., на которой отсутствовал премьер-министр А.Хамдок. Усилиями Египта и ОАЭ, Судан подписал мирный договор с Государством Израиль 23 октября 2020 г. В итоге, 14 декабря 2020 года правительство США объявило об исключении Судана из списка государств-спонсоров терроризма, что вело к снятию целого ряда торговых отношений и прощению многочисленных долгов [36].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное нами исследование демонстрирует продолжение противостояния между катарско-турецким и саудовско-эмиратским блоком за влияние в Республике Судан. Позиции Катара и Турции укреплялись благодаря их военной и финансовой поддержки суданского правительства, находившегося в тяжелой

социально-экономической ситуации и в кризисе отношений с Южным Суданом. Более того, 30-летнее нахождение у власти режима О.аль-Башира, симпатизировавшего местному отделению «Братьев-мусульман» значительно усилили влияние катарско-турецкого блока как их основного покровителя. Однако в результате суданского переворота 2018-2019 гг. (к запуску которой саудовско-эмиратский блок приложил свои усилия) позиции турецко-катарского альянса в этой стране оказались очень ослабленными.

Свержение режима О.аль-Башира позволило саудовско-эмиратскому блоку включить Судан в орбиту своего влияния. Но дальнейшее развитие событий показало, что Турция и Катар окончательно уходят из Судана не собираются и готовы продолжить борьбу за восстановление своего влияния в этой стране.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Yaghi M.A. 2018. Comparative Analysis of the role of Saudi Arabia, Qatar and United Arab Emirates in the Syrian Crisis / Paper presented at 2018 Gulf Research Meeting. 31 July - 3 August 2018, University of Cambridge. Pp. 1-40.
2. Васильев А.М., Хайруллин Т.Р., Коротаев А.В. Новый альянс в борьбе за лидерство в арабском регионе. *Азия и Африка сегодня*. 2019. № 10. с. 2-9. DOI: 10.31857/S032150750006519-2
Vasiliev A.M., Khayrullin T.R., Korotayev A.V. 2019. New Alliance in the struggle for leadership in the Arab region. *Asia and Africa today*. № 10. (In Russ.) DOI 10.31857/S032150750006519-2
3. Хайруллин Т.Р. Борьба за лидерство в арабском регионе. Есть ли шанс для исламистов? М., ИАФР РАН, 2019. 214 с. ISBN 978-5-91298-243-9.
4. Khayrullin T.R. 2019. The Struggle for Leadership in the Arab region. Do Islamists have a chance? Moscow) (In Russ.) ISBN 978-5-91298-243-9.
5. Katzman K. 2019. Qatar: Governance, security, and US policy. Washington.
6. Костелянец С.В. Региональная политика Судана в контексте арабского кризиса. *Азия и Африка сегодня*. 2015. № 7. С. 42-46.
Kostelyanetz S.V. 2015. Sudan's regional policy in the context of the Arab crisis. *Asia and Africa today*. № 7. (In Russ.)
7. Horizons Of Sudanese -Turkish Relations. 2017. <https://sudanow-magazine.net/page.php?subId=8&Id=318> (accessed 10.01.2022)
8. Donelli F., Dentice G. 2020. Fluctuating Saudi and Emirati Alignment Behaviours in the Horn of Africa. *The International Spectator*. Vol. 55, №. 1. DOI: 10.1080/03932729.2019.1706389
9. Custers D. 2020. Sudan's Transitional Process in the Face of Regional Rivalries <https://blogs.lse.ac.uk/mec/2020/11/20/sudans-transitional-process-in-the-face-of-regional-rivalries/> (accessed 12.01.2022)
10. Костелянец С.В. Судан после раздела страны: поиск путей преодоления кризиса. *Азия и Африка сегодня*. 2014. № 10. С. 31-35.
Kostelyanetz S.V. 2014. Sudan after the partition of the country: finding ways to overcome the crisis. *Asia and Africa today*. № 10. (In Russ.)
11. Kabandula A., Shaw T.M. 2018. Rising powers and the horn of Africa: conflicting regionalisms. *Third World Quarterly*. Vol. 39. №. 12. DOI: 10.1080/01436597.2018.1527684
12. Prunier G. 2018. Gulf Countries and Turkey Pitch Against Each Other... in Africa <https://orientxxi.info/magazine/gulf-countries-and-turkey-pitch-against-each-other-in-africa,2772> (accessed 10.01.2022)
13. Bishku M.B. 2019. The Muslim Middle East and Northeast Africa: The Interaction of Geopolitics, Economic Interests, and Regional Rivalry. *Journal of Global South Studies*. Vol. 36. №. 1. DOI: 10.1353/gss.2019.0002
14. Abbas W. 2018. UAE pumps in Dh28b for Sudan's development, fiscal stability <https://www.khaleejtimes.com/uae-pumps-in-dh28b-for-sudans-development-fiscal-stability> (accessed 12.01.2022)
15. Custers D. 2020. Sudan's Transitional Process in the Face of Regional Rivalries <https://blogs.lse.ac.uk/mec/2020/11/20/sudans-transitional-process-in-the-face-of-regional-rivalries/> (accessed 10.01.2022)
16. Shay S. 2018. Turkey - Sudan strategic relations and the implications for the region https://www.idc.ac.il/he/research/ips/documents/publication/5/shaul_shay_turkeysudan11_01_18a.pdf (accessed 12.01.2022)
17. Kucukgocmen A., Abdelaziz Kh. Turkey to restore Sudanese Red Sea port and build naval dock 26.12.2017. <https://www.reuters.com/article/us-turkey-sudan-port-idUSKBN1EK0ZC> (accessed 10.01.2022)
18. Turkey seeks to boost trade volume with Sudan to \$10B. 2017. <https://www.aa.com.tr/en/africa/turkey-seeks-to-boost-trade-volume-with-sudan-to-10b/1014076> (accessed 12.01.2022)
19. Sudan president, Qatar's Defence Minister open Sur clothing factory. 09.01.2017. <https://www.gulf-times.com/story/527408/Sudan-president-Qatar-s-Defence-Minister-open-Sur-> (accessed 10.01.2022)
20. Knopf P. 2018. South Sudan's civil war and conflict dynamics in the Red Sea. - Special Report 431. Washington.
21. Gallopin J.-P. 2019. The Great Game of the UAE and Saudi Arabia in Sudan <https://pomeps.org/the-great-game-of-the-uae-and-saudi-arabia-in-sudan> (accessed 12.01.2022)
22. Magdy S. As Sudan uprising grew, Arab states worked to shape its fate. 08.05.2019. <https://apnews.com/article/ap-top-news-qatar-international-news-omar-al-bashir-saudi-arabia-e30e894617cf4dfb9a811af2df22de93> (accessed 10.01.2022)
23. Kent R. Exposing the RSF's Secret Financial Network. 09.12.2019. <https://www.globalwitness.org/en/campaigns/conflict-minerals/exposing-rsfs-secret-financial-network/> (accessed 12.01.2022)
24. Walsh D., Amid U.S. Silence, Gulf Nations Back the Military in Sudan's Revolution. 26.04.2019. <https://www.nytimes.com/2019/04/26/world/africa/sudan-revolution-protest-saudi-arabia-gulf.html> (accessed 10.01.2022)
25. Miller R., Cardaun S. 2020. Multinational security coalitions and the limits of middle power activism in the Middle East: the Saudi case. *International Affairs*. Vol. 96. №. 6. DOI: 10.1093/ia/iaa158

26. De Waal, A. 2019. Sudan: A Political Marketplace Framework Analysis. <https://sites.tufts.edu/reinventingpeace/files/2019/07/Sudan-A-political-market-place-analysis-final-20190731.pdf> (accessed 12.01.2022)
27. Aksut F. 2020. Turkey, Qatar aid Sudan's fight against COVID-19 <https://www.aa.com.tr/en/africa/turkey-qatar-aid-sudans-fight-against-covid-19/1966055> (accessed 10.01.2022)
28. Redondo R. Qatar and Turkey may be recruiting over 5,000 Somalis to fight in the Libyan war. 03.08.2020. <https://atalayar.com/en/content/qatar-and-turkey-may-be-recruiting-over-5000-somalis-fight-libyan-war> (accessed 12.01.2022)
29. Kouskouvelis I., Zarras K. 2019. Cairo and Riyadh, Vying for Leadership. *Middle East Quarterly*. Vol. 26. № 2.
30. Abdulrahim A. 2021. Qatari FM visits Sudan to discuss bilateral ties <https://www.aa.com.tr/en/politics/qatari-fm-visits-sudan-to-discuss-bilateral-ties/2252181> (accessed 10.01.2022)
31. Sudan and Turkey sign joint communiqué. 13.08.2021. <https://www.dabangasudan.org/en/all-news/article/sudan-and-turkey-sign-joint-communiqué> (accessed 12.01.2022)
32. Abdelaziz Kh. Sudan's Burhan says army ousted government to avoid civil war. 26.10.2021. <https://www.reuters.com/world/africa/telecommunications-interrupted-sudan-after-coup-2021-10-26/> (accessed 12.02.2022)
33. Walsh D., Dahir A.L., Marks S. Sudan's Military Seizes Power, Casting Democratic Transition Into Chaos. 25.10.2021. <https://www.nytimes.com/2021/10/25/world/africa/sudan-military-coup.html> (accessed 14.02.2022)
34. Elassar A., Meilhan P. Sudan's Prime Minister resigns amid violent anti-coup protests that have left at least 57 people dead. 02.01.2022. <https://edition.cnn.com/2022/01/02/world/sudan-protest-killed-anti-coup-security-forces/index.html> (accessed 12.02.2022)
35. Dorsey J.M. Sudan And The UAE: Pulling Sudanese Strings - Analysis. 03.11.2021. <https://www.eurasiareview.com/03112021-sudan-and-the-uae-pulling-sudanese-strings-analysis/> (accessed 14.02.2022)
36. Coward N.F., Hamilton M., Tovar A. US Government Removes Sudan from State Sponsor of Terrorism list. 18.12.2020. <https://sanctionsnews.bakermckenzie.com/us-government-removes-sudan-from-state-sponsor-of-terrorism-list/> (accessed 12.02.2022)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Хайруллин Тимур Радикович кандидат политических наук, старший научный сотрудник, Центр цивилизационных и региональных исследований, ИАФР РАН; старший преподаватель Департамента политологии, Финансовый университет при Правительстве РФ; доцент кафедры африканистики и арабистики РУДН, Москва, Россия.

Коротаев Андрей Витальевич доктор исторических наук, заведующий лабораторией мониторинга рисков социально-политической дестабилизации НИУ ВШЭ; главный научный сотрудник, Центр цивилизационных и региональных исследований, ИАФР РАН, Москва, Россия.

Timur R. Khayrullin, PhD (Political Science), Senior Researcher, Center for Civilizational and Regional Studies, Institute for African Studies; Senior lecturer, Department of Political Science, Financial University under the Government of the Russian Federation; Associated Professor, Department of African and Arabic Studies, RUDN University, Moscow, Russia.

Andrey V. Korotayev, Dr.Sc. (History), Professor, Head, Laboratory for Monitoring the Risks of Socio-Political Destabilization, HSE University; Principal Researcher, Center for Civilizational and Regional Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 30.12.2021

Доработана после рецензирования
(Revised) 20.01.2022

Принята к публикации
(Accepted) 10.03.2022

Израильско-южнокорейские отношения: вчера и сегодня

© Тимашов К.Н.^а, Хохлова А.Б.^{а,б}, 2022

^а НИУ «Высшая школа экономики» СПб, Санкт-Петербург, Россия

^а ORCID ID: 0000-0001-5749-5321; timashovkn@yandex.ru

^б ORCID ID: 0000-0002-8930-980X; nastikhok@gmail.com

Резюме. В статье проанализированы отношения между Государством Израиль и Республикой Корея, их история и предпосылки к установлению сотрудничества между этими государствами.

Рассмотрены основные этапы и ключевые события в развитии израильско-южнокорейских дипломатических отношений. Особое внимание уделяется взаимоотношениям этих государств в два последних десятилетия в таких сферах, как торгово-экономическая, военная и технологическая. Дается оценка эффективности партнерства данных стран на примере совместных проектов и официальных мероприятий, проводимых по инициативе государств для развития сотрудничества. Особое внимание уделяется факторам, препятствующим углублению сотрудничества, а также перспективным направлениям сотрудничества этих стран.

В результате исследования авторы статьи приходят к выводу о том, что поскольку на протяжении всей истории партнерства между Израилем и Южной Кореей сильное влияние на него оказывала динамика арабо-израильского конфликта, решение палестинской проблемы и улучшение отношений Израиля со странами Персидского залива положительно отразятся на взаимовыгодном израильско-южнокорейском сотрудничестве.

Ключевые слова: Израиль, Республика Корея, дипломатия, международные отношения, сотрудничество

Для цитирования: Тимашов К.Н., Хохлова А.Б. (Санкт-Петербург). Израильско-южнокорейские отношения: вчера и сегодня. *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 4. С. 37-43. DOI: 10.31857/S032150750019737-2

Israeli - South Korean relations: Yesterday and today

© Konstantin N. Timashov^а, Anastasiia B. Khokhlova^{а,б}, 2022

^а HSE University St. Petersburg, St. Petersburg, Russia

^а ORCID ID: 0000-0001-5749-5321; timashovkn@yandex.ru

^б ORCID ID: 0000-0002-8930-980X; nastikhok@gmail.com

Abstract. The article analyzes the relations between the State of Israel and the Republic of Korea, their history, and prerequisites for the establishment of cooperation between these states.

The main stages and key events in the development of Israeli-South Korean diplomatic relations are described. The authors pay special attention to the relations between states in the last two decades in such spheres as trade, military and technological. An assessment of the effectiveness of the partnership of these countries is given on the example of joint projects and official events held at the initiative of states for the development of cooperation.

Particular attention is paid to the factors hindering the deepening of cooperation, as well as promising areas of cooperation between these countries.

The authors come to the conclusion that since throughout the history of the partnership between Israel and South Korea it was strongly influenced by the dynamics of the Arab-Israeli conflict, the solution of the Palestinian problem and the improvement of Israel's relations with the Gulf countries will positively affect their mutually beneficial cooperation.

Keywords: Israel, South Korea diplomacy, international relations, cooperation

For citation: Konstantin N. Timashov, Anastasiia B. Khokhlova (St. Petersburg). Israeli-South Korean relations: Yesterday and today. *Asia and Africa today*. 2022. № 4. Pp. 37-43. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750019737-2

ВВЕДЕНИЕ

В последние годы заметен рост интереса исследователей к изучению сотрудничества между Государством Израиль и странами Восточной Азии. В этом отношении особый интерес представляют израильско-южнокорейские отношения: обе страны, хотя и географически, и культурно весьма далекие, с момента образования имели довольно много общего. Республика Корея (РК) и Израиль находятся в очагах продолжительных региональных конфликтов, у них весьма ограниченный запас природных ресурсов, поддерживают тесные экономические и стратегические связи с США и имеют высокотехнологичные отрасли.

Под влиянием процесса всемирной экономической, политической, культурной интеграции и унификации - процессу глобализации - за последние 30 лет произошли радикальные изменения во взаимодействии этих государств: глобализация способствовала установлению между ними экономических связей.

ДИНАМИКА ИЗРАИЛЬСКО-КОРЕЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ В 1950-1990-е гг.

Первые попытки формирования дипломатических отношений между государствами стали предприниматься в начале Корейской войны (1950-1953 гг.). Эта война послужила катализатором к значительным изменениям во внешней политике Израиля. В результате, совсем недавно возникшее еврейское государство отказалось от политики неотождествления, при которой оно не относилось ни к Западу, ни к Востоку для сохранения хороших отношений с обеими сторонами [1], и заменило ее новым подходом, который сблизил его с Соединенными Штатами Америки и Организацией Объединенных Наций. Как следствие, внешняя и внутренняя политика Израиля во время Корейской войны отражала возрастающее влияние США [2].

В качестве поддержки Южной Кореи премьер-министр Израиля Давид Бен-Гурион сделал предложение отправить солдат на помощь силам ООН в Корею. Однако партия МАПАМ (Объединенная рабочая партия), которая находилась в составе правящей коалиции, придерживалась противоположной политики и выражала симпатию Северной Корею. Тогда вместо военной поддержки израильское правительство оказало южнокорейскому народу гуманитарную помощь, отправив продукты питания и медикаменты на сумму около \$100 тыс. [3]. Этот шаг не был простым для молодого Государства Израиль, которое еще не окрепло после войны за независимость, но он все же был сделан, поскольку Южная Корея представлялась перспективным партнером.

В ООН Южная Корея имела поддержку израильской делегации, которая играла весомую роль в отношении вопросов Корейской войны. Резолюция Совета Безопасности ООН 90, чьей заглавной темой являлся протест против агрессии, которой подверглась Республика Корея, была инициирована израильской делегацией [3, р. 81] и принята Первым комитетом Генеральной Ассамблеи ООН 31 января 1951 г.

На новый уровень израильско-южнокорейские отношения вышли во время встречи министра иностранных дел Израиля Голды Меир и министра иностранных дел РК Чхо Док Сина на Генеральной Ассамблее ООН в 1961 г. Важно отметить, что именно Меир предложила установить полноценные связи, и корейский министр согласился. Этот шаг был одобрен президентом Южной Кореи Пак Чон Хи. Официальное объявление об установлении дипломатических отношений было сделано одновременно в столицах обоих государств 10 апреля 1962 г.

Открытие посольства Израиля в Сеуле в августе 1964 г. облегчило взаимодействие в областях сельского хозяйства, водоснабжения, образования и особенно в сфере безопасности. Южнокорейские сельскохозяйственные и военные делегации посетили Израиль, и корейская армия закупила пистолет-пулемет «Узи» [2, р. 108]. Однако, отсутствие общих политических и экономических интересов в долгосрочной перспективе привело к тому, что экономические и дипломатические отношения между ними долгие годы были слабыми. К особенно негативным факторам нужно отнести нефтяное эмбарго в середине 1970-х гг. и бойкот арабских компаний любой компании, которая вела торговлю с Израилем. И прежде действуя с оглядкой на реакцию арабского мира, Сеул в таких условиях не мог не проявлять высокую чувствительность к торговым и дипломатическим отношениям с Израилем и был вынужден ограничивать торговые связи с Тель-Авивом [4].

Все это привело к тому, что в феврале 1978 г. Тель-Авив под предлогом необходимости экономить закрыл посольство в Сеуле. В свою очередь, правительство Южной Кореи скорректировало свою политику по отношению к Израилю по причине нефтяного кризиса, отдав предпочтение арабским государствам в ущерб еврейскому. Несомненно, закрытие посольства в Сеуле нанесло Израилю серьезный политический и экономический ущерб. Яаков Коэн пишет: «В период нефтяного кризиса Южная Корея стала 11-й по величине экономической державой мира. Двусторонние экономические отношения продолжались лишь ограниченно, что не отражало потенциала двух стран. Корейские компании отказались продавать товары, в т.ч. автомобили, Израилю, даже если это не нарушало правила арабского бойкота» [2, pp. 108-109].

Дипломатическое и экономическое «эмбарго» Южной Кореи в отношении Израиля частично прекратилось в начале 1990-х гг. - на фоне предпринятых Израилем значительных шагов на пути мирного урегулирования арабо-израильского конфликта, результатом которых стали соглашения в Осло в 1993 г. и заключение мирного договора между Израилем и Иорданией в 1994 г. Южнокорейские компании начали экспорт в Израиль и открыли там местные отделения, но даже тогда президент или премьер-министр Южной Кореи никогда не посещали Израиль, видимо, опасаясь очередного бойкота со стороны арабских партне-

ров. Для сравнения: лидеры ряда других стран Восточной Азии к тому времени уже несколько раз посетили Израиль [5].

Но уже 7 ноября 1991 г. правительство РК одобрило повторное открытие израильского посольства на своей территории. За этим последовал значительный рост объема торговли между государствами. Например, по сравнению с периодом 1985-1989 гг., когда объем торговли составлял всего \$32 млн, в 1990-1994 гг. он стал составлять \$674 млн. Это означает, что за примерно десять лет объем торговли увеличился в более чем 21 раз. С наметившимся ростом объема торговли связан один из самых важных официальных визитов Израиля в Корею - визит премьер-министра Ицхака Рабина в 1994 г., который привел к улучшению экономических отношений.

Это происходило на фоне попыток улучшения ситуации с палестино-израильским конфликтом, отразившейся в налаживании диалога с палестинскими лидерами и в достижении соглашения в Осло в августе 1993 г., при котором Израиль и ООП объявили о взаимном признании, а также в подписании мирного договора между Израилем и Иорданией в октябре 1994 г. [6]. Другим существенным фактором, который открыл перспективу интенсификации израильско-южнокорейских отношений, следует назвать распад СССР и советского, который привел к перестройке системы международных отношений.

21 ноября 1994 г. между двумя странами было подписано соглашение о научно-техническом сотрудничестве. 21 марта 1995 г. они взаимно отменили въездные визы. Премьер-министр Биньямин Нетаньяху посетил Корею в 1997 г., а премьер-министр Кореи Ким Джон Пхиль совершил ответный визит в Израиль в 1999 г. В 1997 г. было подписано соглашение об импортных пошлинах, за которым последовали соглашения в области технологий и сельского хозяйства, а также соглашение о поощрении инвестиций [2, р. 112]. В 90-е гг. большое количество израильских компаний вело работу в Южной Корее, среди них производитель высокотехнологичных электронных устройств «Elisra», медицинская технологическая компания «Elscint» и другие [2, р. 111].

В 2012 г. в связи с 50-летием установления дипломатических отношений южнокорейская парламентская делегация совершила визит в Израиль, в ходе которого состоялся ряд встреч на высшем уровне, в т.ч. с участием израильского президента Шимона Переса. Комментируя их итоги, газета «*The Jerusalem Post*» сообщала, что «государства хотят активизировать эти отношения во всех областях, особенно в отношении вопросов безопасности и мира, а также в сферах возобновляемых источников энергии, науки и двусторонней торговли» [15].

ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВЕ ИЗРАИЛЯ И ЮЖНОЙ КОРЕИ В НАЧАЛЕ XXI в.

В конце 1990-х гг. представители Министерства промышленности и торговли Израиля заявили, что огромное количество компаний Южной Кореи устремились в Израиль и планируют укрепить свои позиции на израильском рынке. Одним из примеров этого является договор на сумму \$17 млн между «*Daewoo*» и «*Ta'as*» о постройке на в Израиле завода по производству автомобильных подушек безопасности, весь выпуск которого «*Daewoo*» обязалась выкупать.

В 2001 г. Израиль и Южная Корея подписали соглашение о судоходстве, давшее израильским кораблям определенные привилегии на погрузку и разгрузку, снизило тарифы и упростило бюрократические операции. В целом заключение этого соглашения улучшало условия навигации израильских судов в дальневосточном регионе [7].

О динамике в израильско-южнокорейских торгово-экономических отношениях говорит и тот факт, что в 2006 г. уже 300 израильских компаний заключили различные экономические сделки с Южной Кореей. Их экономические отношения также расширили совместные предприятия. Это важно для такой страны, как Израиль, которая сталкивается с различными формами международных бойкотов и санкций со стороны действующего в разных частях мира движения «Бойкот, отчуждение, санкции» (*Boycott, Divestment and Sanctions - BDS*)¹ в разных частях мира. В 2010 г. Израиль и РК договорились о создании совместного предприятия стоимостью \$150 млн для развития и поддержки малого и среднего бизнеса. Учитывая их технологический прогресс, такое предприятие расширяет их сотрудничество в области передовых технологий. Стоит также упомянуть, что южнокорейская автомобильная компания «*Hyundai*» укрепила свои позиции в первом квартале 2011 г. как самый продаваемый автомобильный бренд в Израиле [8].

Согласно статистике Корейской статистической информационной службы и Центрального статистического бюро Израиля, с 1998 по 2013 гг. Торговля Южной Кореи с Израилем увеличилась с примерно \$700 млн до \$2,3 млрд, т.е. почти в 3 раза [9].

¹ *Boycott, Divestment and Sanctions* - общественное движение, которое ставит цель воздействовать на Израиль для прекращения действий, которые, по мнению его участников, нарушают международное право (прим. авт.).

В 2018 г. товарооборот между Израилем и Южной Кореей составил около \$2,5 млрд [10], в 2019 г. - \$2,72 млрд [11]. Основные экспортируемые товары из Кореи в Израиль: автомобили, синтетическая смола, видеоустройства, автозапчасти, строительное оборудование. Основные импортируемые товары в Корею из Израиля: оборудование для производства чипов, электронные девайсы, приборы контроля управления, мобильные телекоммуникационные устройства, чипы.

Как сообщает сотрудник Корейского агентства содействия торговле и инвестициям Ким До Хён, в 2019 г. Израиль занимал 51-е место (0,22%) среди торговых партнеров Кореи. Экспорт РК в Израиль занимал 45-е место (0,26%) среди экспортеров Южной Кореи и занимал 44-е место (0,18%) среди импорта Южной Кореи. В свою очередь, Южная Корея заняла 16-е место (1,81%) среди торговых партнеров Израиля. Экспорт Израиля в Южную Корею занимает 17-е место (1,22%) в общем объеме экспорта Израиля и 13-е место (2,26%) в импорте Израиля [12].

Важным шагом стало подписание между Израилем и РК в 2019 г. соглашения о свободной торговле, которое вступило в силу годом позже [13]. Переговоры о создании свободной торговли между государствами активно велись последнее десятилетие, но корейская сторона была обеспокоена реакцией в арабском мире. Всё упростилось благодаря подписанному соглашению о нормализации отношений между Израилем и ОАЭ. Как утверждает глава Управления внешней торговли Министерства иностранных дел Израиля: «Корея стремится к следующему этапу своего экономического развития с упором на технологические инновации, а Израиль имеет возможность предлагать решения в ряде важных ниш, которые будут дополнять будущую корейскую экономику» [14].

После вступления соглашения в силу большая часть израильского экспорта в Южную Корею (как, в свою очередь, и корейский экспорт в Израиль) была освобождена от таможенных пошлин. «Тарифы будут немедленно отменены примерно на 97,4% нашего экспорта в Израиль, включая автомобили (тарифная ставка 7%), автозапчасти (6-12%), текстиль (6%) и косметика (12%), которые являются нашим основным экспортным товаром», - сообщил министр торговли Южной Кореи Ю Мён Хи [12]. В 2018 г. 44% объема импорта из Южной Кореи приходилось на автомобили на общую сумму \$758 млн до налогообложения [10].

Таким образом, экономические отношения остаются самой прочной связью между Израилем и Южной Кореей. Торгово-экономическое сотрудничество между государствами только укрепляется, благодаря подписанию различных соглашений, проведению экономических форумов и др. Объемы экспорта и импорта между государствами растут, все больше и больше израильских и южнокорейских компаний развивают совместные проекты.

ВОЕННОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Научный сотрудник Центра стратегических исследований при Университете Бар-Илан Алон Левковиц пишет: «До 1990-х гг. отношения в сфере безопасности Южной Кореи с Ближним Востоком включали лишь ограниченное сотрудничество в военной сфере и разведке. Примером военного сотрудничества являются курсы для офицеров, которые ЦАХАЛ провела в Израиле для южнокорейских офицеров в 1970-х гг. Два десятилетия спустя один из этих офицеров стал советником президента Южной Кореи по национальной безопасности» [5, р. 10]. Стремясь наладить более тесные связи в секторе военной авиации, в декабре 1998 г. Южная Корея предложила нескольким израильским компаниям партнерство в авиационной промышленности, но более активно сотрудничество стало происходить начиная с 2000-х гг. Было заключено несколько важных сделок, касающихся покупки Южной Кореей ракетных систем и радаров израильского производства. Спрос на эту технику растет [8, р. 184].

Южнокорейский рынок является довольно перспективным для поставок военной техники. В этой сфере Израиль является главным конкурентом США, но высокая стоимость американской военной техники является аргументом в пользу выбора продукции израильских производителей [7]. Речь идет о беспилотных летательных аппаратах и системах ПВО.

Важными в рамках развития военного сотрудничества являлись визиты генерального директора Управления программ оборонных закупок Бён Му Гына в Израиль в мае 2010 г., за которым следовали делегации Комитета национальной обороны Южной Кореи и Комитета по иностранным делам, торговле и объединению в августе 2010 г. и в феврале 2011 г. соответственно. Председатель Комитета по иностранным делам и национальной обороне Цахи Анегби в августе 2009 г., бывший премьер-министр Эхуд Ольмерт в сентябре 2010 г. и директор по политике и военный советник Министерства национальной обороны Амос Гилад в январе 2011 г. Анализируя эти визиты, можно утверждать, что в этот период обе страны регулярно взаимодействовали с целью улучшения всех аспектов двусторонних отношений, в т.ч. военных [8, р. 174].

Таким образом, военное сотрудничество между Республикой Корея и Израилем значительно выросло за последние два десятилетия. Однако, учитывая сильное давление американских компаний, когда США

фактически контролируют продажу военной техники в Южную Корею, Израиль столкнется с трудностями по продвижению своих продаж оружия региону. Наличие «проблемных» соседей у обоих государств и серьезный вопрос национальной безопасности являются связующей силой военного сотрудничества государств.

СОТРУДНИЧЕСТВО В СФЕРЕ НАУКИ, ТЕХНОЛОГИИ И КУЛЬТУРЫ В ПОСЛЕДНИЕ ДЕСЯТЬ ЛЕТ

Как известно, Южная Корея обладает передовыми технологиями и занимает в мире одну из лидирующих позиций по уровню развития информационных технологий и инноваций. Израиль и Южная Корея входят в список стран, которые тратят самый высокий процент ВВП на НИОКР. Так, в 2014 г. обе страны потратили примерно 4,3% ВВП на НИОКР, тем самым обогнав США, Китай и страны Европейского Союза [16]. В сфере технологий между Израилем и Южной Кореей также происходит тесное сотрудничество.

Деловой мир Южной Кореи открыт для работы с израильскими компаниями и во многих случаях даже сосредоточен на Израиле, как изнутри, так и при поддержке правительства. Это не только израильский оборонный экспорт, к которому корейцы проявляют большой интерес, но также фармацевтика, биотехнологии, информационные технологии, связь, медицинское оборудование, безопасность и кибернетика [17]. Например, после визита премьер-министра Израиля Ицхака Рабина в 1994 г. «*Samsung Electronics*» заявила о решении открыть в Израиле свой офис для возможности совместных с израильскими технологическими предприятиями. На следующий год было подписано соглашение с израильской IT-компанией о совместном производстве. Еще через несколько лет «*Samsung Electronics*» приобрела компанию «*Transchip Israel*» из Рамат-Гана, что было для этой корейской компании первым за десятилетие зарубежным приобретением. В 2013 г. существовало уже два израильских предприятия «*Samsung*» (с более 50 инженерами), являясь единственными центрами исследований и разработок этого технологического гиганта за пределами Южной Кореи [18].

Почву для развития этого направления подготовило соглашение о двустороннем сотрудничестве в области промышленных исследований и разработок частного сектора между РК и Израилем, подписанное 25 ноября 1998 г. В соответствии с этим соглашением, в мае 2001 г. правительствами Южной Кореи и Израиля был учрежден Корейско-израильский фонд промышленных исследований и разработок, который продвигает и поощряет совместное промышленное сотрудничество в области НИОКР между компаниями двух стран [18].

Между странами также налажены связи в области образовательных инноваций. Так ведущая израильская компания в области образовательных технологий «*MagniLearn*», разрабатывающая технологии в сфере изучения английского языка с помощью персонализированных технологий, сотрудничает с ведущей корейской сетью школ «*The Education Company*». Эта компания нацелена на Южную Корею и Японию в качестве ключевых стратегических направлений своей экспансии в Азии. В настоящее время специальные субсидии предоставляются корейским школам, желающим адаптировать это научное решение для обучения. «*MagniLearn*» также принимает предложения от потенциальных партнеров и клиентов из частных школ, государственных школ, хагвонов² и университетов [20].

«Благодаря дополнительным сравнительным преимуществам израильских и корейских инноваций, существует большой коммерческий потенциал на стыке двух стран», - говорится в отчете Управления по инновациям Израиля 2017 г. Корейцы заинтересованы в инвестировании в передовые технологические разработки, а израильские компании, в свою очередь, также заинтересованы в технологическом развитии [21]. Таким образом, IT и информационные технологии - это еще одно связующее звено между Республикой Кореей и Государством Израилем, двумя высокоразвитыми государствами в этой сфере. Компании стран обмениваются опытом, создают множество совместных проектов и открывают зарубежные офисы на своей территории. Израиль все больше смотрит на восток в поисках нового бизнеса. По мере того, как экономика Азии продолжает развиваться и расти, израильские компании - особенно стартапы - находят новые возможности в таких странах, как Китай, Япония, Индия, Сингапур и Южная Корея.

Отличные перспективы присутствуют в развитии туризма между государствами, т.к. жители обеих стран охотно выражают желание узнать больше друг о друге. Так, чтобы у людей появилась такая возможность, компания «*Korean Airlines*» ввела регулярные рейсы в еврейское государство, и ежегодное количество посетителей из Южной Кореи в Израиль довольно значительно [8, p. 176]. К примеру, согласно данным Центрального статистического бюро Израиля, в 2018 г. в Израиль прибыло около 45,6 тыс. граждан Южной Кореи (подавляющее большинство - как туристы, из них воздушным транспортом - около 34,5 тыс.),

² Частные образовательные учреждения в Республике Корея (прим. авт.).

что примерно в 2,5 раза меньше соответствующего числа граждан Китая, но в 2,3 раза больше, чем бывших из Японии³.

Также стоит отметить, что религиозный туризм в Израиль очень популярен среди верующих по всему миру и является перспективной сферой развития сотрудничества государств. Возможно, это покажется парадоксальным, но христианство - это та религия, которая сблизила Государство Израиль и Республику Корея. Дело в том, что в Южной Корее около 30% всего населения считают себя евангельскими христианами. Многие из них знакомы с местами, упомянутыми в священном тексте Библии, и в результате примерно 50.000 южнокорейских христианских паломников посещают Израиль ежегодно. Южнокорейская община в Израиле состоит из почти 300 семей с населением около 800 человек. Для укрепления связей организация «Международное братство христиан и евреев», являясь крупнейшим жертвователем на социальные и образовательные проекты в Израиле, открыла свой южнокорейский офис в Сеуле в сентябре 2012 г. [8, p. 176].

Возможности для культурного обмена между государствами велики. Популярность корейской культуры растет по всему миру, в т.ч. и в Израиле. Например, в прошлом году посольство Республики Корея в Израиле анонсировало региональный предварительный конкурс для Всемирного фестиваля *K-pop*, который дает возможность посоревноваться за право представлять Израиль на данном фестивале в Корее [22].

Для расширения культурного обмена между Израилем и Республикой Корея могут быть проведены такие мероприятия, как художественные выставки, культурные форумы, фестивали искусства, различные межгосударственные конкурсы и др. Многовековые традиции двух народов и понимание того, что их история была тяжелой, связанной с военными столкновениями, а также высокая ценность, которую обе культуры придают образованию [23].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог, можно сделать вывод, что главные аспекты сотрудничества Израиля и Южной Кореи охватывают следующие сферы: военная, торгово-экономическая и сфера науки и технологии. Израиль старается наладить отношения со многими азиатскими немусульманскими государствами, чтобы заручиться поддержкой в решении вопросов на Ближнем Востоке, связанных с арабо-израильским конфликтом и конфронтацией с Ираном. Многие азиатские страны осторожно подходят к Израилю и часто скрывают свои отношения с ним, опасаясь критики со стороны своих клиентов в арабских и других странах. Это обстоятельство сдерживает развития партнерства Израиля и Южной Кореи, поэтому решение палестинской проблемы и завершение арабо-израильского конфликта, вне всякого сомнения, сняло бы существующие преграды для дальнейшего укрепления отношений между государствами. Поскольку Корея очень дорожит контрактами со странами Персидского залива по поставке нефти, улучшение отношений Израиля с этими странами, несомненно, положительно отразится на связях между государствами.

Как ни парадоксально, другое препятствие для развития партнерства между Израилем и Южной Кореей - это сильное влияние США на оба государства. Как было сказано ранее, Израиль является одним из главных конкурентов США по поставке военной техники в Южную Корею. При необходимости правительство США может ограничить военное сотрудничество между государствами.

Наконец, на связях РК и Израиля негативно сказывается их географическая удаленность. Несмотря на тесное сотрудничество в сфере экономики, безопасности, технологий и др., население обеих стран еще мало знает друг о друге. Возможным решением этой проблемы может быть создание образовательных программ по обмену студентами между странами, совместные спортивные мероприятия или совместные культурные фестивали.

В последние годы многие израильские компании сегодня ведут активную деятельность на Дальнем Востоке, а азиатские компании, работающие в Израиле, начали проявлять больший интерес к сотрудничеству. Таким образом, можно утверждать, что есть перспективы для развития отношений государств, но всё же есть и факторы, которые сдерживают его на нынешнем этапе. Для Южной Кореи сотрудничество с Израилем может быть полезно в вопросах безопасности и предоставлении высококачественной военной техники. Для Израиля Южная Корея полезна высоким уровнем инновационных технологий и желанием инвестировать в совместное развитие данной сферы.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Shlaim A. Israel between East and West, 1948-56. *International Journal of Middle East Studies*. 2004, Vol. 36, № 4, pp. 657-673. <http://www.jstor.org/stable/3880010> (accessed 29.01.2022)

³ https://www.cbs.gov.il/he/mediarelease/doclib/2019/003/28_19_003t3.pdf

2. Cohen Y. The Improvement in Israeli-South Korean Relations. *Jewish Political Studies Review*. 2006, Vol. 18, № 1/2, pp. 105-118. www.jstor.org/stable/25834669 (accessed 29.01.2022)
3. Sam Ma Y. Israel's Role in the UN during the Korean War. *Israel journal of foreign affairs*. 2010. Vol. 4, № 3, pp. 81-89.
4. Хренов В.В. Влияние внешнеполитических факторов на энергетическое сотрудничество Республики Корея и стран Персидского залива. *Уральское востоковедение: международный альманах*. 2018, № 8, с. 144-150.
Khrenov V.V. 2018. Impact of foreign policy factors on energy cooperation between the Republic of Korea and the Gulf countries. *Ural Oriental Studies: International Almanac*. № 8, pp. 144-150. (In Russ.)
5. Levkowitz A. South Korea's Middle East Policy. *Ramat Gan: The Begin-Sadat Center for Strategic Studies*. 2013, p 32.
6. Карасова Т.А. Ицхак Рабин. Титаны мирового порядка. Российский совет по международным делам. 2016. <https://russiancouncil.ru/mena-leaders-Israel2> (accessed 29.01.2022)
Karasova T.A. Yitzhak Rabin. Titans of the world order. Russian International Affairs Council. 2016) (In Russ.). <https://russiancouncil.ru/mena-leaders-Israel2> (accessed 29.01.2022)
7. Суворова М.С. Торгово-экономические отношения Израиля и Южной Кореи на современном этапе. Институт Ближнего Востока. 24 ноября 2010. <http://www.iimes.ru/?p=11734> (accessed 29.01.2022)
Suvorova M.S. Trade and economic relations between Israel and South Korea at the present stage. *Middle East Institute*. November 24, 2010. (In Russ.). <http://www.iimes.ru/?p=11734> (accessed 29.01.2022)
8. Ningthoujam A.S. Israel-South Korea Relations: The Military Dimension. *Contemporary Review of the Middle East*. 2017. Vol. 4, № 2, pp. 168-192.
9. Israel: The Future is Asia. *Middle East Institute*. September 22, 2014. <https://www.mei.edu/publications/israel-future-asia> (accessed 29.01.2022)
10. Israel and South Korea declare conclusion to joint negotiations on a free trade agreement. Israel Ministry of Foreign Affairs. August 21, 2019. <https://mfa.gov.il/mfa/innovativeisrael/economy/pages/israel-and-south-korea-declare-conclusion-to-joint-negotiations-on-a-free-trade-agreement-21-august-2019.aspx> (accessed 29.01.2022)
11. Lim S.H., Kim H.J. South Korea becomes first Asian country to sign FTA with Israel. *Pulse News*. 22.08.2019. <https://pulsenews.co.kr/view.php?sc=30800025&year=2019&no=651830> (accessed 29.01.2022)
12. Kim D. 2019 Korea-Israel Trade Trend. *Overseas Market News*. 27.05.2020. (In Kor.) <https://news.kotra.or.kr/user/globalBbs/kotranews/3/globalBbsDataView.do?setIdx=242&dataIdx=182291#> (accessed 29.01.2022)
13. Dubi B. Israel and Korea to sign free trade agreement next week. *Globes*. 9.12.2020. <https://en.globes.co.il/en/article-israel-and-south-korea-to-sign-free-trade-agreement-next-week-1001352448> (accessed 29.01.2022)
14. Israel towards a free trade area agreement with South Korea. *Port2Port*. 21.08.2019. (In Heb.) <https://www.port2port.co.il/article/קוריא-דרום-השונה-הפוטנציאל-לקראת-הסכם-אזור-סחר-חופשי-עם-דרום-קוריא> (accessed 29.01.2022)
15. Cashman G.F. South Korea sees Israel as partner in security and peace. *The Jerusalem Post*. 21.03.2011. <https://www.jpost.com/Diplomacy-and-Politics/South-Korea-sees-Israel-as-partner-in-security-and-peace> (accessed 29.01.2022)
16. Van Noorden R. Israel edges out South Korea for top spot in research investment. *Nature*. 07.02.2017. <https://www.nature.com/news/israel-edges-out-south-korea-for-top-spot-in-research-investment-1.21443> (accessed 29.01.2022)
17. South Korea and Israel - the similar, the different and the potential. Weiss Porat & Co. Law Offices. <http://www.weisslaw.co.il/hebrew/קוריא-דרום-השונה-הפוטנציאל-לקראת-הסכם-אזור-סחר-חופשי-עם-דרום-קוריא> (accessed 29.01.2022)
18. Shamah D. Israel and South Korea could be economic powerhouse. *The Times of Israel*. 14.11.2013. <https://www.timesofisrael.com/israel-and-south-korea-could-be-economic-powerhouse/> (accessed 29.01.2022)
19. Supporting partner matching and access to funding for Korean and Israeli companies engaged in collaborative R&D projects. Israel Innovation Authority. <https://innovationisrael.org.il/en/geography/south-korea> (accessed 29.01.2022)
20. Korea adopting Israeli Technology Breakthrough for Learning English. *PR Newswire*. 04.02.2021. <https://www.prnewswire.com/news-releases/korea-adopting-israeli-technology-breakthrough-for-learning-english-301222342.html> (accessed 29.01.2022)
21. Shoshanna S. South Korea and Israel complement each other in tech, report says. *The Times of Israel*. 02.10.2017. <https://www.timesofisrael.com/south-korea-and-israel-complement-each-other-in-tech-report-says/> (accessed 29.01.2022)
22. K-pop World Festival 2021 Israel Preliminary Competition. Embassy of the Republic of Korea in the State of Israel. April 12, 2021. https://overseas.mofa.go.kr/il-en/brd/m_11417/view.do?seq=759729&srchFr=& (accessed 29.01.2022)
23. Podoler G. Enter the 'Far East': Korean culture in early South Korea-Israel relations. *International Journal of Cultural Policy*. 2014. Vol. 20, № 5, pp. 519-535.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Тимашов Константин Николаевич, старший преподаватель, департамент востоковедения и африканистики, НИУ «Высшая школа экономики» СПб, Санкт-Петербург, Россия.

Konstantin N. Timashov, Senior Lecturer, Department of Asian and African Studies, HSE University St. Petersburg, St. Petersburg, Russia.

Хохлова Анастасия Борисовна, студентка, департамент востоковедения и африканистики, НИУ «Высшая школа экономики» СПб, Санкт-Петербург, Россия.

Anastasiia B. Khokhlova, Student, Department of Asian and African Studies, HSE University St. Petersburg St. Petersburg, St. Petersburg, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 29.01.2022

Доработана после рецензирования
(Revised) 22.02.2022

Принята к публикации
(Accepted) 18.03.2022

Японская молодежь в эпоху COVID-19

© Жилина Л.В.^a, 2022

^a Омский государственный университет им. Ф.М.Достоевского, Омск, Россия
ORCID ID: 0000-0002-6337-3870; larissa-zhilina@yandex.ru

Резюме. В Японии последствия пандемии для экономики и для здоровья граждан оказались неравнозначными для разных возрастных групп. Нынешняя волна COVID-19 затронула, в основном, молодое поколение японцев, что отражает как эффективность программы вакцинации пожилых, так и недостатки медленного процесса вакцинации, которым все еще не охвачено большинство молодежи. И хотя сейчас вакцины против COVID-19 стали общедоступными, важно понять, готовы ли молодые японцы пройти вакцинацию, т.к. в том числе от этого зависит успех программы иммунизации, что важно как для здоровья нации, так и для экономики Японии. Проведенные в 2021 в стране опросы о готовности японских граждан противостоять пандемии показали, что одним из факторов, определяющих нежелание соблюдать мер по профилактике COVID-19 является возраст.

На фоне постепенной отмены ограничительных мер, во избежание новых волн распространения инфекции решающее значение будет иметь повседневное поведение японских граждан, и прежде всего молодежи. Принимаются особые меры, направленные на укрепление доверия молодежи к действиям правительства по борьбе с пандемией. В Японии уже заявил о подготовке к новой - шестой волне COVID-19 в стране и анонсировал пакет мер, направленных на расширение кампании вакцинации и тестирования тех, кто инфицирован вирусом, которые станут «главным приоритетом» для правительства.

Автор выделяет ключевые проблемы, возникшие в процессе вакцинации, описывает меры японского руководства, направленные на улучшение ситуации во всех возрастных группах и возможные решения в ответ на новые вызовы.

Ключевые слова: Япония, молодежь, пандемия, коронавирус, вакцинация, новые вызовы, опросы

Для цитирования: Жилина Л.В. (Омск). Японская молодежь в эпоху COVID-19. *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 4. С. 44-50. DOI: 10.31857/S032150750019731-6

Japanese youth in the COVID-19 era

© Larisa V. Zhilina^a, 2022

^a Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia
ORCID ID: 0000-0002-6337-3870; larissa-zhilina@yandex.ru

Abstract. In Japan economic and health impacts of the COVID-19 pandemic have been asymmetric across age groups. Japan's current wave of coronavirus infections has mostly affected its younger generations, reflecting both the efficacy of its vaccination program among the elderly and the pitfalls of a slow rollout that still hasn't reached most of the youth population. And although now COVID-19 vaccines are available in Japan, it is very important to understand whether young Japanese are willing to be vaccinated against COVID-19, as this can have large consequences for the success of the vaccination program in the country all in all and this can cause potentially large as Japanese nation health and Japanese economic consequences.

Moreover, the surveys on Japanese citizens' behavioral changes and preparedness against COVID-19 conducted by Japanese researchers in 2021 revealed that being younger was among the factors associated with reluctance to follow COVID-19 prevention measures. Despite a gradual lifting of confinement measures across Japan recently, changes in everyday behavior of Japanese citizen will still be crucial in the coming months to avoid new waves of infections. In this connection, building trust to government's actions (taken COVID-19 pandemic fight measures) among the young people remains crucial.

Based on carried out in Japan 2021 surveys' findings, the author highlights the key challenges arisen in the process of vaccination, Japanese governance responses to build back better this situation for all generations of the country and possible ways for addressing new challenges.

Keywords: Japan, youth, pandemic, coronavirus, vaccination, new challenges, polls

For citation: Larisa V. Zhilina (Omsk). Japanese youth in the COVID-19 era. *Asia and Africa today*. 2022. № 4. Pp. 44-50. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750019731-6

ВВЕДЕНИЕ

В Японии, в отличие от других стран Европы и Азии, во время пандемии коронавируса обходятся без драконовских ограничений. Ничего нет похожего на режим изоляции, ограничились только лишь серией относительно мягких чрезвычайных ситуаций (ЧС)¹.

¹ New COVID-19 cases in Japan's capital plummet to 11-month low, but health officials not sure why. *CBC News*. <https://cbc.ca/news/world/japan-covid-success-1.6215231> (accessed 13.11.2021)

В 2020 г. японское правительство издало несколько основополагающих рекомендаций по предотвращению и контролю за распространением коронавирусной инфекции *COVID-19*².

Согласно этим рекомендациям каждый житель Японии имеет право свободно выйти из дома в маске или без нее и отправиться куда угодно по своему усмотрению. В то же время было рекомендовано ограничить массовые мероприятия. Отменены занятия в школах, закрыты музеи и кинотеатры, универмаги и многие другие магазины. Прекратили работу рестораны, бары, все ночные клубы. Заведения общепита закрываются в 20:00, а спиртное прекращают продавать за час до закрытия [1]. Люди, появляющиеся в общественных местах, могут быть остановлены полицией для уточнения, куда они направляются, но им не выписывают штрафов за то, что они покинули свои дома [2].

Почти через два года после начала пандемии, 11 октября 2021 г., уже нынешний премьер-министр Японии Фумио Кисида также проявляет осторожность в отношении законодательства, касающегося карантина. Выступая на пленарном заседании нижней палаты парламента, Кисида заявил, что строгие ограничения, включающие огромные штрафы за нарушение правил, такие, как те, которые применяются в США и в Европе, «несовместимы» с Японией³.

Объявление в стране в 2020 г. чрезвычайной ситуации (ЧС) имело большое значение для сдерживания быстрого роста заболевших. Однако ввиду начавшихся социально-экономических потерь, введенные ограничения стали постепенно отменяться, что сразу же вызвало новый рост числа заболевших, прежде всего среди молодежи [3].

МОЛОДЕЖЬ ВСТРЕЧАЕТ ПАНДЕМИЮ

В Японии в начале пандемии *COVID-19* было проведено исследование, посвященное поведенческим изменениям и готовности японских граждан к борьбе с пандемией. Оно выявило, что нежелание следовать соответствующим профилактическим мерам во время эпидемии выражают, прежде всего, молодые люди [4]. Оказалось, что именно молодое поколение не уделяет достаточно внимания превентивным мерам. И это при том, что молодежь имеет больше других возрастных групп возможностей распространять вирусы среди населения.

Именно молодые люди чаще всего упоминались в японских СМИ как «виновники» роста случаев заболеваний по всей стране⁴. В то же время в средствах массовой информации почти не было информации о заболевших сотрудниках многочисленных японских компаний, по традиции собирающихся в барах после работы. Не задавались и очевидные вопросы, возникающие при виде переполненных в час-пик пригородных поездов и метро [5].

Вместо этого СМИ активно тиражировали фотографии особенно популярных среди японской молодежи токийских районов Сибуя и Харадзюку. В то же время крайне редко поднимался вопрос об адресной поддержке молодежи, особенно уязвимой в нынешней экономической ситуации. Из-за нестабильной занятости молодые люди легко становятся жертвой изоляции/одиночества, остаются без социальных контактов в больших городах. Кризис, связанный с пандемией *COVID-19*, обнажил и усугубил те проблемы, с которыми сталкиваются молодые люди в японском обществе. Стало очевидно, что экономические и социальные последствия пандемии будут отражаться, в первую очередь, именно на них, как на наиболее уязвимом слое населения [6].

Тем не менее, молодежь, которая, как принято считать, менее подвержена серьезному воздействию коронавирусной инфекции⁵, прислушивается к просьбе правительства о «добровольном самоограничении». Наряду с другими предпринятыми мерами, это позволило избежать введения в стране жестких ограничений.

СТУДЕНТЫ - САМЫЕ АКТИВНЫЕ

В Японии студенты университетов относятся к весьма представительной группе молодого поколения. Так, например, уровень поступления в университеты/колледжи Японии в 2019 г. составил

² Prime Minister of Japan 2020. Basic Policies for Novel Coronavirus Disease Control by the Government of Japan (Summary). 28.03.2020. <https://www.mhlw.go.jp/content/10900000/000628609.pdf> (accessed 13.11.2021)

³ См.: 62% of lower house candidates favor vaccine passports. 15.11.2021. <https://the-japan-news.com/news/article/0007927049> (accessed 03.11.2021)

⁴ Хотя наиболее серьезные случаи заболевания (смерти) были среди непривитых как в возрасте 50+, так и молодых (прим. авт.).

⁵ Более поздние исследования показали, что «*COVID-19* не шадит молодых людей». См.: Maragakis L. 2020. Coronavirus and COVID-19: Younger Adults Are at Risk Too. <https://www.hopkinsmedicine.org/health/conditions-and-diseases/corona-virus/coronavirus-and-covid-19-younger-adults-are-at-risk-too> (accessed 03.11.2021)

58,1%⁶. Это означает, что студенты университетов представляют большинство молодых граждан в стране. По сравнению с более возрастным населением Японии студенты имеют больше свободного времени и более широкое поле для повседневной активности⁷: занимаются академической деятельностью, посещают спортивные клубы и подрабатывают в свободное от занятий время. Следовательно, именно у них больше возможностей для контактов с другими людьми [7].

Однако вспышка беспрецедентной (по масштабам и последствиям) пандемии *COVID-19* стала препятствием в их повседневной жизни и деятельности: в феврале 2021 г. 32% японцев в возрасте 17-19 лет заявили, что *COVID-19* очень повлиял на их жизненные планы, а 33% респондентов отметили, что им пришлось расширить масштабы поиска работы из-за пандемии⁷.

Говоря о студентах, необходимо также учитывать, что время, проведенное в университетских стенах, - самый важный период в формировании личного мнения молодых людей, и поэтому именно они с гораздо большей вероятностью будут действовать, исходя из своих личных суждений и убеждений. Учитывая вышесказанное, можно утверждать, что студенты университетов - молодые японцы - составляют отдельную большую группу населения, которой нужно и должно уделять больше внимания, ведя работу по объяснению алгоритма действий, предотвращающих распространение коронавирусной инфекции, и именно поэтому они часто становятся участниками масштабных исследований, проводимых в Японии.

В рамках одного такого исследования среди японских студентов прошел онлайн-опрос для оценки знаний, отношения к *COVID-19* и практического применения знаний по предотвращению заражения коронавирусной инфекцией.

Анализ полученных результатов показал, что студенты японских университетов продемонстрировали довольно высокий уровень базовых знаний и осведомленности о мерах защиты во время пандемии - избегание замкнутых пространств, скопления людей и тесного контакта, т.е. «трех составляющих» - *Sanmitsu (Three Cs - Closed spaces, Crowds, Close-contact situations)*⁸ борьбы с пандемией коронавируса. В ответах они также отмечали «необходимость часто мыть руки» и «обязательно носить маски».

Всё это указывает на то, что студенты четко понимают, как важно не допустить распространения коронавирусной инфекции, знают основные методы защиты от нее и говорят о том, что подобные меры могут помочь организовать эффективный контроль в ранний период распространения инфекции. При этом выяснилось, что столичные студенты (по сравнению со студентами других регионов) демонстрировали более ответственное поведение. Однако, как показал этот же опрос, со временем бдительность молодых японцев постепенно начала снижаться.

ОСОБЕННОСТИ ВАКЦИНАЦИИ

На первом этапе эпидемии в Японии были вакцинированы медицинские работники и люди в возрасте 65 лет и старше, но дефицит импортных вакцин замедлил кампанию по вакцинации. В конце мая 2021 г. удалось стабилизировать поставки вакцин, и темпы вакцинации вновь увеличились. Эта мера по активной иммунизации населения была направлена на то, чтобы обеспечить максимальную защиту населения к 23 июля 2021 г. - к началу Олимпийских Игр в Токио. После Игр программа вакцинирования расширилась - в муниципалитетах и на рабочих местах стали делать прививки людям в возрасте до 65 - и, наконец, охватила молодых людей.

Несмотря на то, что из-за распространения очень контагиозного дельта-штамма коронавируса система здравоохранения Японии все еще испытывает серьезное напряжение, хотя количество новых случаев заболевания в стране сокращается⁹. Осенняя волна (сентябрь 2021 г.)¹⁰ пандемии *COVID-19* в Японии затронула прежде всего молодежь, что отражает как эффективность программы вакцинации пожилых людей (иммунизированных в первую очередь), так и недостатки медленного процесса вакцинации, которым все еще не охвачено большинство молодых японцев. Именно они, будучи более мобильными и активными по

⁶ Ministry of Education, Culture, Sports, Science and Technology (MEXT) Japan. About publication of basic school survey (preliminary figures) in the first year of Reiwa. https://www.mext.go.jp/component/b_menu/other/_icsFiles/afieldfile/2019/08/08/1419592_1.pdf (accessed 13.11.2021) (in Japan.)

⁷ См. Japan: Impact of COVID-19 on the future of young people. *Statista.com*. <https://www.statista.com/statistics/1201259/japan-impact-coronavirus-future-young-people/> (accessed 03.11.2021)

⁸ «Sanmitsu» стало «словом года» в Японии. См. Avoiding the Three Cs: A Key to Preventing the Spread of COVID-19. https://www.japan.go.jp/kizuna/2020/avoiding_the_three_cs.html (accessed 03.11.2021)

⁹ Over 50% fully vaccinated in Japan, rate approaching Britain, France. *Kyodo News*. 12.09.2021. <https://english.kyodonews.net/news/2021/09/c66b9233efcd-japan-2-shot-vax-rate-tops-50-tracking-levels-in-major-euro-nations.html> (accessed 13.11.2021)

¹⁰ Сентябрьская волна в Японии, когда ежедневно по всей стране число заболевших превышало 25000 чел., - это худший показатель за все время пандемии (*прим. авт.*).

сравнению с возрастным населением, инфицировались чаще всего [8]. Сравнение возрастного состава заболевших осенью 2021 г.¹¹ показало, что во время осенней волны пандемии в Токио молодежь в возрасте 20-30 лет составила большую долю заболевших.

12 сентября 2021 г. Ясутоси Нисимура, министр по восстановлению экономики Японии, который также отвечает за меры по борьбе с эпидемией коронавируса, заявил, что более 50% населения Японии уже получили две прививки от COVID-19¹², и вскоре уровень вакцинации приблизится к таким странам, как Великобритания и Франция.

Первоначально в темпах вакцинации населения Япония отставала от других экономически развитых стран, но с тех пор смогла добиться относительно быстрого прогресса. В начале ноября 2021 г. в официальных сводках не сообщалось ни об одном случае смерти от COVID-19. Такое произошло впервые за 15 месяцев борьбы с пандемией [9]. Более того, количество случаев заболевания в Японии стало стремительно падать. В связи с этим официально были отменены некоторые «антипандемийные» меры: сняты ограничения на въезд для иностранных студентов и иностранных рабочих, разрешено краткосрочное пребывание в стране с бизнес-целями тех, кто полностью вакцинирован, а также существенно сокращено с 10 до 3 дней время карантина после возвращения в страну японских граждан и иностранных резидентов.

К осени 2021 г. процесс вакцинации значительно ускорился и почти 74% населения страны были уже полностью иммунизированы. Вместе с тем, сохраняющаяся в отношении вакцинации определенная нерешительность в обществе, особенно среди молодежи, может отодвинуть Японию от вожаемой цели добиться всеобщей вакцинации граждан. Так что же может помешать японскому правительству достигнуть желаемого результата?

АНТИВАКСЕРЫ: ТЕ, КТО СЧИТАЕТ ВАКЦИНАЦИЮ ВРЕДНОЙ

Когда в конце июня 2021 г. началась вакцинация на рабочих местах и в университетах. Все больше людей стали интересоваться в Интернете информацией о вакцинации, сталкиваясь с мифами о вакцинах и различными слухами, которые усиливали и так уже существующее беспокойство в обществе - особенно в среде молодых. Как выяснилось, около 44% подростков использовали *Twitter* для получения информации о вакцинации, а молодые люди в возрасте от 20 лет и старше черпали информацию о пандемии/вакцинах против COVID-19 из *Twitter*¹³ или *Line* (46,2% и 37,9%, соответственно), ссылаясь на них как на основной источник по этому вопросу¹⁴.

В тоже время активно распространяющиеся в социальных сетях слухи, ложные заявления и всевозможная дезинформация о вакцинах вызывают антипрививочные настроения среди японской молодежи, подрывают доверие молодых японцев к вакцинам от COVID-19, ставя под угрозу усилия правительства по завершению широкомасштабного вакцинирования граждан для достижения коллективного иммунитета.

Чтобы развеять мифы о потенциальных побочных эффектах вакцин от COVID-19, правительственные структуры поспешили принять соответствующие меры информационного реагирования. Министерство здравоохранения запустило сайт, предназначенный специально для молодых женщин, обеспокоенных возможным влиянием вакцин на фертильность [10].

Поскольку многие молодые люди ищут информацию о последних новостях в социальных сетях, например, в *Instagram*, председатель правительственного подкомитета по реагированию на эпидемию COVID-19 Сигэру Оми начал размещать в своем блоге в *Instagram* видео/текстовые сообщения, специально рассчитанные на молодежную аудиторию. В них предлагаются к просмотру онлайн трансляции информация о вакцинах и угрозах, связанных с распространением коронавируса, а также рассказывал об эффективных способах защиты от этого грозного заболевания. Однако в видеообращении, размещенном в сентябре в *Instagram*, министр посетовал на то, что правительство и его группа по борьбе с коронавирусом «так и не смогли вступить в продуктивный диалог с молодежью» [10].

По результатам опроса, проведенного в июле 2021 г. компанией *Kyushu Bunka Gakuen*¹⁵, 45,9% старшеклассников заявили, что вакцинируются только в том случае, «если это будет обязательно», а 13% респон-

¹¹ До начала проведения программы вакцинации (прим. авт.).

¹² Согласно данным, предоставленным Центрами по контролю и профилактике заболеваний, в Соединенных Штатах около 53% населения были полностью вакцинированы, в то время как более 80% граждан Сингапура получили две дозы.

¹³ В начале пандемии тогда еще действующий премьер-министр Ёсихидэ Суга использовал *Twitter*, чтобы донести до общественности и, в частности, до молодежи, политику правительства.

¹⁴ Awareness survey on measures against new coronavirus infectious diseases (vaccines). 26.08.2021. https://www.metro.tokyo.lg.jp/tosei/hodohappyo/press/2021/08/26/documents/27_01.pdf (accessed 13.11.2021) (in Jap.)

¹⁵ Компания-учредитель учебных заведений в префектуре Нагасаки (на юго-западе Японии), была основана в 1945 г. как женский профессиональный колледж. С тех пор он расширился и включает в себя Международный университет Нагасаки,

дентов и вовсе «предпочли бы не вакцинироваться»¹⁶. Среди причин отказа от вакцинации 59,1% тех, кто был против вакцинации, назвали «страх перед побочными эффектами от вакцины», за которым следует утверждения о «сомнительной эффективности самой вакцины» (13,4%) [11].

В другом онлайн-опросе, опубликованном столичным правительством Токио в августе 2021 г.¹⁷, молодые люди в возрасте 15-19 лет¹⁸ и 20-30 лет выразили нежелание проходить вакцинацию. 39,5% от общего числа респондентов заявили, что, судя по всему, «прививки могут вызвать длительные побочные эффекты» [10].

Согласно данным другого опроса¹⁹, проведенного НИИ экономики, торговли и промышленности, если 80,6% респондентов поколения 65+ «планируют сделать прививку», то 17,5% респондентов в возрасте от 18 до 29 лет «не собираются вакцинироваться». Таким образом, этот опрос показал, что более молодые возрастные группы, как правило, менее настроены на вакцинацию.

Описывая преимущества и безопасность вакцинации, эксперты-вирусологи и министерство здравоохранения Японии взяли на себя миссию убедить общественность как можно скорее защитить себя от коронавируса с помощью прививки и тем самым восполнить потерянное время²⁰. Однако данные опросов показывают, что послания правительства и его высших должностных лиц, направленные на то, чтобы побудить население пройти вакцинацию, не нашли должного отклика у молодого поколения.

Осенью 2021 г. в стране резко возросло количество случаев инфицирования дельта-штаммом среди молодежи, поэтому центры иммунизации в Токио и Осаке объявили о планах зарезервировать вакцины для молодых граждан в возрасте от 16 до 18 лет. Ранее планировалось, что центры будут закрыты уже в конце сентября, но, чтобы помочь справиться с растущим числом случаев заболеваний среди молодежи, эти сроки были пролонгированы до ноября, а анонсированный правительством более низкий минимальный возраст иммунизации поможет увеличить число вакцинированных молодых людей и предотвратить быстрое распространение дельта-штамма в стране [12].

Похоже, в последнее время по вопросу вакцинации среди молодых японцев возникают проблемы, связанные с материально-техническим обеспечением самого процесса вакцинирования, включая длинные очереди в центрах вакцинации, не позволяющие многим пройти ее. Более сильный упор правительства на решение подобных проблем и еще большая оптимизация процесса иммунизации, вероятно, окажутся решающими в вопросе относительно способности Японии сдерживать вирус и не дать новой волне пандемии накрыть страну. Правительство также рассматривает вопрос об обязательном подтверждении вакцинации - наличии паспорта вакцинации - для посещения публичных мероприятий.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

В Японии еще в конце июля 2021 г. начали принимать заявки на предоставление специальных паспортов вакцинации гражданам, привившимся от коронавируса. По мнению японского руководства, использование такого документа не должно привести к дискриминации или принуждению к иммунизации. Как заявило правительство, подобная практика нужна в первую очередь для того, чтобы упростить проведение профилактических мероприятий по борьбе с инфекцией среди тех, кто путешествует за границу. Согласно опросу²¹ одной из ведущих японских газет *Yomiuri Shimbun*: 62% кандидатов, участвовавших в выборах в палату представителей²², поддержали использование паспортов или сертификатов вакцинации, а 36% выступили против их введения. При этом более 90% кандидатов от каждой из двух правящих партий - Либерально-демократической партии и партии Комэйто - поддержали введение паспортов вакцинации²³. А именно, 94% кандидатов от ЛДП и 98% - кандидатов от Комэйто.

младший колледж Нагасаки, среднюю школу *Kyushu Bunka Gakuen*, несколько других школ и учреждений. См. NIU Global. <http://www.niuglobal.jp/news/?offset=1449049142853> (accessed 01.12.2021)

¹⁶ Опрос, проведенный в начале июня 2021 г., также показал, что 16,2% молодых людей будут вакцинироваться, в то время как 4,1%, ответили, что «никогда» не будут этого делать.

¹⁷ Было охвачено 1000 жителей Токио в возрасте от 20 до 70 лет.

¹⁸ 27,6% девушек в возрасте от 15 до 19 лет заявили, что «не хотят делать прививки»

¹⁹ Опрос, проводившийся в три этапа с октября 2020 г. по май 2021 г., охватил 11 800 человек.

²⁰ Дефицит импортных вакцин замедлил кампанию по вакцинации до конца мая 2021 г. (прим. авт.).

²¹ Опрос проводился с 1 октября 2021 г. Приняли участие 982 (93%) из 1051 баллотировавшихся на выборах кандидатов (прим. авт.).

²² 31 октября 2021 г. в Японии прошли внеочередные выборы в нижнюю палату парламента. Победу на них ожидаемо одержала правящая коалиция Либерально-демократической партии и партии «Комэйто». Выборы проходили в условиях достаточно низкой явки, составившей 55,93% - это третий с конца показатель за всю послевоенную историю страны. Более подробно см.: [13].

²³ Использование паспортов вакцинации рассматривается в связи с возобновлением в полной мере социальной и экономической деятельности в Японии. Предъявление таких паспортов в ресторанах, питейных заведениях и местах проведения различных мероприятий направлено на то, чтобы ослабить введенные во время пандемии ограничения (прим. авт.).

Однако мнения как кандидатов от основной оппозиционной Конституционно-демократической партии Японии, так и кандидатов от Коммунистической партии Японии (где более 90% выступили против использования подобных документов) разделились. Кандидаты, не желающие принимать решение по введению таких паспортов, по всей видимости, опасались, что их внедрение может поставить в ущемленное положение непривитых людей и привести к их дискриминации. В рамках подготовки к ожидаемой «шестой волне», отвечая на вопрос о принятии на законодательном уровне положений, ограничивающих выход на улицу и штрафы для нарушителей, 45% всех опрошенных поддержали эту идею, и 53% выступили «против»²⁴.

Таки образом, Япония снова показывает себя не только как страна с высоким уровнем санитарии и гигиены, но и, пожалуй, как страна с одним из самым дисциплинированным населением [14, с. 80].

Среди основных факторов нынешнего успеха Японии в борьбе с пандемией, повидимому, являются корректное поведение населения страны, широко распространенную еще задолго до пандемии практику ношения масок и запоздавшую, но удивительно быструю кампанию по вакцинации.

По мнению Кадзухиро Татэда, профессора вирусологии Университета Тохо, быстрая и интенсивная вакцинация в Японии среди лиц моложе 64 лет смогла создать «временное состояние, подобное коллективному иммунитету»²⁵. Немаловажно и то, что число вакцинированных резко возросло в период с июля по сентябрь 2021 г., т.е. во время быстрого распространения более заразного дельта-штамма. Однако профессор также предупредил, что прорывные инфекции в США, Великобритании и других странах, где прививки начали ставить на несколько месяцев раньше, чем в Японии, показывают, что сами по себе вакцины не идеальны, а их эффективность постепенно снижается [5].

Не прошло и месяца после анонсированных правительствами послаблений²⁶ для въезда в страну иностранных бизнесменов, студентов и специалистов, как 29 ноября 2021 г. из-за распространения в мире нового штамма коронавируса «омикрон» они были отменены до момента получения полной информации о новом штамме²⁷.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Каким путем пойдет Япония, решая возникающие в процессе борьбы с пандемией проблемы?

Пока только можно с большой вероятностью спрогнозировать, что при ответе на новые вызовы будет учтена японская специфика и продемонстрирована традиционная организованность. Во всяком случае, в самый разгар «временного затишья»²⁸ премьер-министр Японии уже заявил о подготовке к новой - шестой волне COVID-19 в стране и анонсировал пакет мер, направленных на расширение кампании вакцинации и тестирования тех, кто инфицирован вирусом, которые станут «главным приоритетом» для правительства [15].

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Головин В.И. Формула японского карантина: четкость, дисциплина, помощь. *Новая газета*. 30.04.2020. <https://novayagazeta.ru/articles/2020/04/30/85169-formula-yaponskogo-karantina-chetkost-distiplina-pomosch>
Golovnin V.I. 2020. Japanese Quarantine Formula: Clarity, Discipline, Help. *Novaya Gazeta*. 30.04.2020. Moscow. <https://novayagazeta.ru/articles/2020/04/30/85169-formula-yaponskogo-karantina-chetkost-distiplina-pomosch> (In Russ.).
2. Johnston E. 2020. What Changes under Japan's State of Emergency Declaration? *The Japan Times*. 8.04.2020. <https://japantimes.co.jp/news/2020/04/08/national/politics-diplomacy/japanchanges-under-state-of-emergency/#.XqvqWPbV LIU>
3. Takahashi R. Koike urges caution as growing number of Tokyo Covid-19 infections traced to young people. *The Japan Times*. 3.07.2020. <https://www.japantimes.co.jp/news/2020/07/03/national/tokyo-124-covid-19-cases-youth/> (accessed 13.11.2021)
4. Muto K., Yamamoto I., Nagasu M., Tanaka M., Wada K. 2020. Japanese citizens' behavioral changes and preparedness against COVID-19: An online survey during the early phase of the pandemic. *PLoS ONE*. 15 (6): e0234292.pmid:32525881 (accessed 13.11.2021)

²⁴ 62% of lower house candidates favor vaccine passports. *The Japan news by Yomiuri Shimbun*. 28.10.2021. <https://the-japan-news.com/news/article/0007927049> (accessed 03.11.2021)

²⁵ Рост числа привитых совпал с очередной волной распространения коронавируса, ростом заражений и, соответственно, с увеличением числа благополучно переболевших. Сочетание нарастающего числа полностью вакцинированных с выздоровевшими дало в общенациональных масштабах сильный коллективный иммунитет.

²⁶ 8 ноября 2021 г. были анонсированы изменения по правилам въезда в страну (прим. авт.).

²⁷ Breaking News: Japan eyes halting eased entry restrictions for foreigners. *Kyodo News*. 29.11.2021. <https://english.kyodonews.net/news/2021/11/7c35d60b616c-breaking-news-japan-eyes-halting-eased-entry-restrictions-for-foreigners.html> (accessed 29.11.2021)

²⁸ С этим заявлением Ф.Кисида выступил 10 ноября 2021 г. - в начале ноября 2021 г. в официальных сводках впервые за 15 месяцев не сообщалось ни об одном летальном (от COVID-19) случае в стране, и количество заболевших стало падать (прим. авт.).

5. Yamaguchi M. Vaccines, masks? Japan puzzling over sudden virus success. *AP News*. 18.10.2021. <https://apnews.com/article/coronavirus-pandemic-science-business-lifestyle-japan-e60d760da11f9cadda1d8acab2a6bf5> (accessed 13.11.2021)
6. Nojo M. Japan's young people are left behind. *IPS*. 27.07.2021. <https://www.ips-journal.eu/topics/democracy-and-society/japans-young-people-are-left-behind-5325/> (accessed 13.11.2021)
7. Hatabu A., Mao X, Zhou Y., Kawashita N., Wen Z., Ueda M., et al. 2020. Knowledge, attitudes, and practices toward COVID-19 among university students in Japan and associated factors: An online cross-sectional survey. *PLoS ONE*. 15(12): e0244350. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0244350> (accessed 13.11.2021)
8. Du L. Youth Clobbered, Elderly Spared in Japan's Worst-Ever Covid Wave. *Bloomberg*. 01.09. 2021. <https://www.bloomberg.com/news/articles/2021-09-01/youth-clobbered-elderly-spared-in-japan-s-worst-ever-covid-wave> (accessed 13.11.2021)
9. Yamaguchi M. Japan had no COVID-19 deaths 1st time in 15 months. *AP News*. 08.10.2021. <https://apnews.com/article/coronavirus-pandemic-health-japan-1c9fb492bb5a6ebc61c94b5dee21d30f> (accessed 13.11.2021)
10. Osumi M. Experts reach out to Japanese youths to debunk COVID-19 vaccine myths. *The Japan Times*. 20.09.2021. <https://www.japantimes.co.jp/news/2021/09/20/national/coronavirus-vaccine-myth-busting/> (accessed 13.11.2021)
11. Takahashi A. FOCUS: Internet hoaxes fan COVID vaccine hesitancy among Japanese youths. *Kyodo News*. 16.07.2021.
12. Noronha K. Japan to lower minimum vaccination age in state-run inoculation centers. *Foreign Brief. Geopolitical risk analysis*. 03.10.2021; <https://english.kyodonews.net/news/2021/07/cf0273e76423-focus-internet-hoaxes-fan-covid-vaccine-hesitancy-among-japanese-youths.html> (accessed 13.11.2021); <https://www.foreignbrief.com/daily-news/japan-to-lower-minimum-vaccination-age-in-state-run-inoculation-centers/> (accessed 03.11.2021)
13. Стрельцов Д.В. 2021. Итоги парламентских выборов в Японии. <https://mgimo.ru/about/news/experts/itogi-parlamentskikh-vyborov-v-yaponii/> (accessed 13.11.2021)
Streltsov D.V. 2021. The results of the parliamentary elections in Japan. (In Russ.). <https://mgimo.ru/about/news/experts/itogi-parlamentskikh-vyborov-v-yaponii/> (accessed 13.11.2021)
14. Жилина Л.В. COVID-19: японские традиции против нового вызова. *Ежегодник Японии* 2020. Т. 49. С. 62-85. DOI: 10.24411/2687-1432-2020-10003
Zhilina L.V. 2020. COVID-19: Japanese Traditions against a New Challenge. *Yearbook Japan*. 2020. Vol. 49, pp. 62-85. (In Russ.). DOI: 10.24411/2687-1432-2020-10003
15. Takahashi R. Japan prepares for sixth wave as Kishida rolls out pandemic policy package. *The Japan Times*. 11.11.2021. <https://www.japantimes.co.jp/news/2021/11/11/national/covid19-winter-proposals/> (accessed 02.12.2021)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Жилина Лариса Владимировна, кандидат исторических наук, доцент, факультет иностранных языков, ОмГУ им. Ф.М.Достоевского, Омск, Россия.

Larisa V. Zhilina, PhD (History), Associate Professor, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia

Поступила в редакцию
(Received) 17.01.22

Доработана после рецензирования
(Revised) 15.02.2022

Принята к публикации
(Accepted) 23.03.22

National innovation systems and technology transfer of SCO countries

© Yuliana V. Solovieva^a, Mingjun He^b, 2022

^a Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia

^b Kunming Polytechnic University, Kunming, China

^a ORCID ID: 0000-0002-1437-0008; jouliana_sol@mail.ru

^b ORCID ID: 0000-0001-9700-2077; sldj2005@163.com

Abstract. The article considers the forms and conditions of interaction between the participants in the innovation process, the specialties of creating and developing the organizational system of technology transfer in the member countries of the Shanghai Cooperation Organization (SCO). Based on the analysis of transfer systems operating in various countries (China, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Russia, Tajikistan, Uzbekistan), the authors highlight key and most promising areas for the development of integration of the scientific, educational, industrial spheres and the state in order to form special mechanisms for organizing innovative processes that ensure effective interaction between all its participants. The purpose of the article is to analyze the national innovation systems of SCO member countries, since each of these countries has gone its own way of innovative development, justified by regional characteristics (climatic, cultural, socio-economic, etc.). As basic research methods we used system approach, comparative and statistical analysis of indicative values of innovation and technological development of the SCO member countries. The authors conclude that it is necessary to create an organizational system based on the integration of state institutions, science, business and education in the Shanghai Cooperation Organization member countries in order to form competitive high-tech products, improve the export structure by increasing the share of innovative products in it and reducing the raw materials orientation, and increase the status of countries in the world technology market.

Keywords: transfer of technologies, innovations, hi-tech production, market of technologies, Shanghai Cooperation Organization (SCO)

For citation: Yuliana V. Solovieva, Mingjun He (China). National innovation systems and technology transfer of SCO countries. *Asia and Africa today*. 2022. № 4. Pp. 51-58. DOI: 10.31857/S032150750019732-7

Национальные инновационные системы и трансфер технологий стран ШОС

© Соловьёва Ю.В.^a, Хэ Минцзюнь^b, 2022

^a Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

^b Куньминский политехнический университет, Куньмин, Китай

^a ORCID ID: 0000-0002-1437-0008; jouliana_sol@mail.ru

^b ORCID ID: 0000-0001-9700-2077; sldj2005@163.com

Резюме. В статье рассматриваются формы и условия взаимодействия участников инновационного процесса, особенности развития систем передачи технологий в странах-членах Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). На основе анализа национальных систем трансферта, действующих в различных странах, авторы выделяют ключевые и наиболее перспективные направления развития и интеграции научной, образовательной, промышленной сфер и государства. Авторы делают вывод о необходимости создания организационной системы, основанной на интеграции участников инновационного процесса в странах ШОС с целью создания конкурентоспособной высокотехнологичной продукции и повышения статуса стран на мировом рынке технологий.

Ключевые слова: трансфер технологий, инновации, высокотехнологичная продукция, рынок технологий, Шанхайская организация сотрудничества

Для цитирования: Yuliana V. Solovieva, He M. (China). National innovation systems and technology transfer of SCO countries. *Asia and Africa today*. 2022. № 4. Pp. 51-58. DOI: 10.31857/S032150750019732-7

INTRODUCTION

The economic development of almost any country depends on a number of factors that contribute not only to increasing real output, but also to improving the quality of growth, as well as the level of efficiency. In the process of economic development, the list of these factors changes, the assessment of their importance. However, for most of the leading countries of the world, the development of the innovation sector, high technology, the knowledge economy comes first.

Technology transfer is one of the key factors in the development of both national economies and the global economy as a whole. At the same time, the degree of participation of each country in the process of obtaining and implementing the results of intellectual activity largely determines both the prospects for the scientific and technological development of the country and its competitiveness.

A special place in the world high-tech market is occupied by economic organizations and unions. Thus, the member countries of the Shanghai Cooperation Organization (SCO) not only cooperate in various areas (the fight against terrorism, drug trafficking, economic cooperation, partnership in the fuel and energy sphere, scientific, technological and cultural interaction), but also have a significant number of resources important for the world economy:

- China - the 1st economy of the world (in terms of GDP parity) and the 1st exporter in the world ("world factory"), the owner of the world's largest foreign exchange reserves, has the world's largest population, a nuclear power;
- Kazakhstan - the 2nd economy of the post-Soviet space (after Russia), the largest in Central Asia, has huge fossil fuel reserves, and large reserves of other fossil and metals;
- Kyrgyzstan - located at the intersection of the two most important transport axes, leading from North to South and from West to East, has significant potential for the development of transport infrastructure;
- Russia - the 5th-6th economy of the world (in terms of GDP parity), rich in mineral resources, has the largest territory in the world, one of the two largest nuclear powers in the world;
- Tajikistan is rich in minerals. So, on its territory there is the world's largest silver deposit (Bolshoi Konomansur), there are significant deposits of gemstones, uranium (up to 16% of the world's reserves), gold, coal, aluminium and polymetallic ores;
- Uzbekistan - the 11th in the world in natural gas production, the 3rd in the world in exports, the 6th in cotton production, the 7th in the world in uranium reserves (4% of the world's uranium reserves), Uzbekistan ranks 4th in the world in total gold reserves, and 9th in gold production.

The purpose of the article is to analyze the national innovation systems of the Shanghai Cooperation Organization member countries, since each of these countries has gone its own way of innovative development, justified by regional characteristics (climatic, cultural, socio-economic, etc.).

As basic research methods we used system approach, comparative and statistical analysis of indicative values of innovation and technological development of the SCO member countries. So, system approach found reflection in application of all elements of innovative process (the states, spheres of science, the industry, etc.) that allows to reveal prerequisites of technological development of the SCO economy. Investigating problems of technological transfer in the countries of the SCO, the authors analyse both statistical data, and the legislative base which is the cornerstone of formation of national innovative systems of member countries of SCO. Methods of the comparative and statistical analysis of data are for this purpose applied.

RESULTS AND DISCUSSION

The Global Innovation Index (see *tab. 1*) has been calculated annually by the analytical division of the Economist Intelligence Unit since 2007 to assess scientific and innovative potential. So, in 2020, the study covered 131 countries, which account for 99.4% of world GDP. The rating is led by Switzerland with an index of 66.08; Russia, which was in 62nd place in 2013, reached 47th place in 2020.

Table 1. **The Global Innovation Index (SCO member countries), 2020**

Country / Economy	Score (0-100)	Rank	Income	Rank	Region	Rank
China	53.28	14	UM	1	SEAO	4
Russia	35.63	47	UM	6	EUR	32
Kazakhstan	28.56	77	UM	24	CSA	3
Uzbekistan	24.54	93	LM	12	CSA	4
Kyrgyzstan	24.51	94	LM	13	CSA	5
Tajikistan	22.23	109	LM	4	CSA	9
<i>Note: UM - upper-middle income, LM - lower-middle income (World Bank Income Group Classification). SEAO - South East Asia, East Asia and Oceania; EUR - Europe; CSA - Central and Southern Asia (regions are based on the UN Classification).</i>						

Source: [1].

Economic and technological development of the SCO member countries means forming a regional model of development, which includes intraregional distribution of labour in accordance with geographic location, natural resources, level of economic and innovation-technological development. As note Edler and Fagerberg, «There is a narrow perspective, considering invention only, and there is a broader, more holistic perspective, which emphasizes the importance of looking at the entire innovation cycle from the creation of novel ideas to their implementation and diffusion» [2].

China. The integration of the state, science, education and business structures in China was preceded by the reforms of 1970-1980 and the national development programs adopted on their basis. In March 1986, the state program for the development of science and high technologies "Program 863" was approved, which identified priority industries (microelectronics, computer science, space, fiber-optic technologies, genetic engineering and biotechnology, energy-saving technologies and medicine). The program provided for basic and applied research; the development of new technologies based on the development of traditional industries. The implementation of this program has been quite effective. So, literally in the 10 first years of its operation, over a thousand of the most important scientific and technical achievements were registered, of which 560 developments received worldwide recognition, 73 were awarded state prizes, 266 were patented abroad.

Two years later, China began implementing the «Torch» research and production program, focused on the commercialization and industrialization of high technologies. In 1988, by a resolution of the State Council of China, the first technopark was established - the Beijing High-Technology Industry Development Experimental Zone Zhongguancun (in 1999 Zhongguancun has become the "Zhongguancun Science & Technology Zone" or Z-park).

Z-park is not accidentally located in northwest Beijing. It is here that more than a hundred scientific and technical institutes and laboratories are located, as well as the strongest universities in China - Peking University and Tsinghua University. It was they who became the pillars of the technology park: universities provided both scientific developments, and companies promoting them, and qualified personnel for high-tech business.

The integration component in China has a territorial organization, which is based on the division into the High technology and development zones (HTDZ), formed in the mid-1980s, which are scientific and technological parks.

In 2020, China had 168 HTDZ at various levels, including 53 for strategic purposes. Among Chinese HTDZ, one can distinguish zones located in the central regions (Beijing, Shenyang), as well as in the coastal regions (Shanghai, Hainan). In one of the central regions is the second largest and most important technopark in China - Nanhu, which received state status in 1991. Shenyang, on the territory of which the technopark is located, has 12 universities, 30 research institutes, 210 research laboratories, 220 enterprises of new and high technologies (30 of them with the participation of foreign capital). During the existence of the zone, about 600 new types of high-tech products have been developed and introduced into production [3].

China's state policy is aimed at fully supporting enterprises of new and high technologies, technology park structures, and the effective development of the country's economy, which focuses on its own scientific and technical potential. According to the National Program adopted in 2006, government agencies are obliged to allocate a certain share of costs for products of only innovative Chinese companies (regardless of the profitability of such purchases). In accordance with the new rules, government agencies can purchase foreign products only if there is no alternative to it in China.

Considering the Chinese One Belt, One Road (OBOR) initiative, R.Aoyama notes that «OBOR is not only a regional policy but a grand global strategy for achieving the "Chinese Dream"» [4]. However, as predicted by the Russian economist L.V.Shkvarya et al., «China's development will slow down, including due to population aging and a labor shortage» [5].

Kazakhstan. The formation of the National Innovation System (NIS) of Kazakhstan was started by the adoption in 2003 of the Industrial and Innovative Development Strategy of the Republic of Kazakhstan for 2003-2015. In accordance with the Strategy, the main directions of the country's development are:

1. assistance in the formation of high-tech industries, including in the creation of an effective technology transfer system both foreign and intersectoral;
2. creating and supporting the activities of modern elements of scientific and innovative infrastructure in cities where there is a network of scientific, technical and industrial organizations and enterprises with high scientific and technological potential;
3. using the existing scientific and technical potential in the development of advanced, from the point of view of the post-industrial economy, industries;
4. creation the necessary conditions for conducting research in the field of modern scientific and technical areas, such as: new materials and chemical technologies; information technology;
5. Improving the legislative framework aimed at stimulating the innovation of scientific, technical and production organizations and enterprises, attracting investments in the field of science and innovation, early entry of innovation into industry and the service sector.

At the initial stage of implementation of the Strategy, a network of state development institutions was formed for the creation of the NIS, which included Development Bank of Kazakhstan, Kazakhstan Investment Fund, Innovation Fund, Export Insurance Corporation.

By 2009, a unified system of National Development Institutions was formed, the list of which included the National Innovation Fund, the Science Fund, the Center for Engineering and Technology Transfer, KazAgroInnovation, the Kazakhstan Center for Modernization and Development of Housing and Communal Services. A significant influence on the development of the National System was made by the creation in 2000 of the Development Bank of Kazakhstan, in accordance with the Charter of which this organization is also assigned to national development institutions.

In March 2010, the State Program for Forced Industrial and Innovative Development of Kazakhstan for 2010-2014 was approved, within the framework of which a number of industry innovation centers, a network of research centers, national laboratories, engineering, design and design bureaus of four technology parks were created. The goal was to market the introduction of local innovations, to create and maintain a database for industrial structures.

The Strategic Plan for the Development of the Republic of Kazakhstan until 2020 defined State support for the formation of a national innovation system on the following principles: 1) the creation of world-class universities and the development of university science to form an advanced R&D system; 2) funding of R&D priorities for the state based on the grant system. The determination of R&D priorities in accordance with the priorities of industrialization of the country will be carried out by the Higher Scientific and Technical Commission under the Government of the Republic of Kazakhstan; 3) introduction of a transparent process for evaluating grant applications with the involvement of experts, including foreign specialists; 4) application of efficient foreign technologies adapted to national needs.

Kyrgyzstan. The main elements of the NIS of Kyrgyzstan are formulated in the Act of the Kyrgyz Republic "On Innovation activity" of November 26, 1999 No. 128. In accordance with the Act, the Government of the Republic's National innovation policy provides for the establishment of a State innovation and investment network with a central office responsible for the preparation and implementation of decisions on national innovation policies; approval of national public innovation programs and proposals for national participation in international innovation programs prepared by the Office; prioritizing public procurement and government orders for products of national innovation actors; development and management of a network of activities aimed at implementing innovation policies, agreed solutions and programs; preparation of bills of the Kyrgyz Republic regulating innovative relations.

The Government of the Kyrgyz Republic is forming State innovation and investment complexes, which are State institutions for the implementation of the full innovation and investment cycle and are created on the basis of existing multidisciplinary higher educational institutions, scientific and project organizations with the maximum use of their resources, while the central division of the complex headed by its general director «is organized mainly on the basis of a leading technical university in the region or another large multidisciplinary state organization with a sufficient number of highly qualified personnel, specialists and scientists who own the main techniques of innovation and scientific activity, as well as a sufficient number of premises and infrastructure for innovative investment activities in the region» [6].

In accordance with the Act (art. 18), in the regions most susceptible to depression and a decline in production, Innovative Centers for Advanced Technology (Technocentres) and New Technologies (Technology Parks) are created, subordinate to industry research institutes and together with them are part of the network. The infrastructure of the centers can be different and include: a scientific laboratory or institute, production, certification and marketing departments, etc.

A significant component of the NIS of Kyrgyzstan is the State Innovation Fund, created to finance and logistical support for the development and use of science and technology, the main content and activities of which are enshrined in the Regulation on the State Innovation Fund. Research institutions subordinate to the National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic, various research institutes and scientific divisions of universities, a network of research centers and laboratories at industrial enterprises engaged in applied research in their industry, technical and implementation zones, a number of technology parks (key - technopark of the National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic) should also be noted as elements of the innovative infrastructure of Kyrgyzstan.

In 2015, with the support of the Fund for Infrastructure and Educational Programs of RUSNANO and the Government of the Kyrgyz Republic, the Center for Innovation Implementation (Bishkek) in Central Asia began its work, the main task of which is to introduce innovative products in Central Asian countries, as well as transfer technologies from Russia to Kyrgyzstan

Uzbekistan. The social and economic transformation of recent years has led to the need to develop and implement effective scientific, technical and innovation policies of the State, the purpose of which was to create

organizational, economic and legal conditions and mechanisms for the development of the scientific and innovative sphere. Thus, the main purpose of the Presidential Decision of 15 July 2008 "On additional measures to stimulate the introduction of innovative projects and technologies into production" was to create effective mechanisms to stimulate the development and introduction into production of scientific and applied research and innovative developments, ensuring a closer connection between science and production. In the same year, the Cabinet of Ministers adopted a resolution on measures to strengthen the material and technical base of scientific, research institutions and organizations, according to which \$10 million was allocated from the budget of the Republic for these purposes.

Research and development in Uzbekistan are carried out by State structures, with 20% of organizations belonging to the Academy of Sciences system, 16% to the Ministry of Higher and Secondary Education, 15% to the Ministry of Health, 13% to the Ministry of Agriculture and Water Management, 3% of organizations are concentrated in the Ministry of Education system and 33% of scientific organizations belong to other ministries and departments [7].

It is necessary to emphasize the presence at the moment of an insufficiently developed mechanism for transferring technologies to industry, the weak interconnection of the sectors of science, education and business structures, the underdeveloped system of commercialization of new knowledge and technologies.

Financing of R&D in Uzbekistan is carried out mainly by the State Committee on Science and Technology, including concessional investments in innovative projects for a period of 1-2 years on the condition of return of budget funds. At the same time, financing of scientific and technical developments is carried out at the level of research and development, and implementation practice does not have the necessary financial infrastructure.

Tajikistan. The formation of a national innovation system in the Republic was facilitated by the adoption of a number of regulations. In accordance with the Strategy of the Republic of Tajikistan in the field of science and technology for 2007-2015, science is recognized as one of the national priorities. The Act of the Republic of Tajikistan «About Science and Scientific and Technical Policy» 1998 provides such organizational and economic mechanisms of scientific activity as the organization and conducting scientific and scientific and technical examination at selection of programs and projects for public financing, plurality of sources of financing of scientific and technical activity, transition to a program and target method of financing.

There is also a continuing increase in internal R&D costs (see *tab. 2*).

Table 2. Internal costs of research and development of the Republic of Tajikistan, USD mln

Year	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Costs	9.8	11.8	14.1	21.0	21.6	24.3	26.2	26.3	27.8	33.0	30.4

Source: [8, p. 332].

The formation of Tajikistan's innovation system and the intensification of innovation activities were also facilitated by the adoption of such normative legal acts as the Government of the Republic of Tajikistan Decree «On the Council for the Coordination of Research in the Field of Natural, Technical, Medical, Humanities and Social Sciences» (1996), «On Reforming the System of Financing Science» (1997), «On the Concept of State Science and Technology Policy of the Republic of Tajikistan» (1999); Acts «On Copyright and Related Rights» (1998), «On Industrial Samples» (2004), «On Inventions» (2004), etc. However, despite the measures taken to organize the institutional component of the innovation system, regulations have not yet been adopted that enshrine the fundamental concepts, criteria, principles related to innovation, as well as the organizational characteristics of its implementation, forms and methods of state support, there is no single program of innovative development of the country.

Russia. The current technology transfer system in Russia has a number of features characteristic of the transition period. Thus, an effectively developing economy is characterized by the predominance in the structure of imports of new knowledge-intensive technologies, and in the structure of exports - on the contrary, the marketing of mature technologies.

According to Federal State Statistic Service of Russia, only scientific research appeared in the export structure during trade in technologies prevailing from all objects of transactions, while for the remaining objects the share of imports significantly exceeded the share of exports (see *tab. 3*).

Currently, in the system of technology transfer with foreign partners, there is a noticeable significant excess of imports over exports as a whole, which accompanies the preferential import of technologies that do not have a sufficient degree of novelty from the standpoint of the global technology market. Thus, 86.6% of advanced technologies developed are new for Russia, of which only 13.4% are fundamentally new in the global technological market (see *tab. 4*).

The foundations of the now emerging technology transfer system were laid in the USSR in the 1950s. In most academic institutions, as a result of the interaction of scientific organizations with production, with sectoral ministries and departments, scientific and technical associations, scientific and educational and scientific and technical centers and laboratories were created. In the 1970s, inter-university complexes appeared in the USSR, uniting scientific teams of various universities in order to fulfill complex research and scientific and technical tasks.

Table 3. Trade in Technology with foreign countries by the subject of agreement, 2019

Subject of agreement	Exports			Imports		
	Agreements	Cost of subject of agreement, USD mln	Receipts for year, USD mln	Agreements	Cost of subject of agreement, USD mln	Payments for year, USD mln
Total	4196	66565	3520	5518	12323	4837
Including by subject of agreement:						
Patent on invention	8	2.4	1.4	34	89.0	4.6
Patent on selection achievement	1	0.0	0.0	19	1.3	0.8
Patent license on invention	163	141	34.0	277	742	220
Utility model	6	1.3	1.3	12	8.7	7.2
Know-how	75	22.7	4.7	235	955	486
Trademark	95	13.4	4.1	416	1017	580
Industrial design	5	1.6	0.1	22	4.1	4.1
Engineering services	1144	64302	2588	2382	7326	2824
Research and development	1142	1230	397	512	157	120
Others	1558	851	490	1628	2023	591

Source: [9, p. 503].

Table 4. Advanced production technologies developed by groups, 2019 (units)

Advanced production technologies	Total number of technologies	Category		
		New for Russia	Brand new	Number of technologies using patented inventions
Total	1620	1403	217	530
Including:				
Design and engineering	456	403	53	168
Production, processing and assembly	510	447	63	173
Automated uploading / downloading actions; materials and parts transporting	29	25	4	10
Automated surveillance (monitoring) devices	159	98	61	88
Communication and control	316	295	21	55
Production informational system	81	73	8	18
Integrated control and monitoring systems	69	62	7	18

Source: [10, pp. 447-448].

In the 1990s in Russia, on the one hand, a number of new integrated scientific and educational structures were formed (university complexes, scientific, educational and other centers), on the other - against the background of a sharp reduction in the network of design organizations, experimental plants, scientific and technical services of enterprises (that is, structures that ensure the transfer of scientific results to the innovative sphere), until the beginning of the 2000s, there was an increase in the number of research institutes by creating new or disaggregated existing organizations. This was often done through the formation of new legal persons, rather than

strengthening the research base of universities and enterprises, which, in fact, form the backbone of innovative systems in developed market economies.

Table 5. Number of research and development organizations

Number of organizations	1992	1995	2000	2005	2010	2015	2016	2017	2018
Total	4555	4059	4099	3566	3492	4175	4032	3944	3950
Including:									
Scientific research institutes	2077	2284	2686	2115	1840	1708	1673	1755	1574
Construction organizations	865	548	318	489	362	322	304	273	254
Design and exploration organizations	495	207	85	61	36	29	26	23	20
Experimental enterprises	29	23	33	30	47	61	62	63	49
Educational organizations of higher education	446	395	390	406	517	1040	979	970	917
Research and development units in organizations	340	325	284	231	238	371	363	380	419
Other organizations	303	277	303	234	452	644	625	658	717

Source: [10, p. 442].

As a result of the transformation of the country's economy, there is a need to create special mechanisms for organizing innovative processes that ensure effective interaction between all its participants (the state, scientific and educational institutions, industrial enterprises, etc.). A necessary condition for the effective use of the experience of other countries is the formation and development in the Russian economy of an appropriate innovative infrastructure, which includes:

1. The development of a legislative framework aimed at promoting innovative entrepreneurship and guaranteeing the protection of intellectual property rights;

2. Specialized research and educational centers, scientific and technological parks, technology transfer and commercialization centers, business incubators, innovative firms that contribute to the transformation of promising scientific ideas and knowledge into product, information and technological innovations;

3. Increasing funding for research and development through the business sector, through the establishment of legal and financial guarantees of concessional loans, various extrabudgetary and joint funds, and various public incentives;

4. Expansion of telecommunication infrastructure in order to promote information support for Russian science, access of local information networks to global ones, increase the network of electronic libraries and the Internet system, and opportunities for Russian scientists to access international data banks;

5. The development of a network of venture capital firms and foundations, small-scale innovative firms and other elements of the country's innovation infrastructure.

For the formation of an effective NIS of Russia, the regional component also plays a large role. In developing a regional innovation policy aimed at the development of the scientific and technological component and the field of production, each region forms its own approach to technology transfer, taking into account its resource reserves, climatic, sectoral and other regional characteristics.

CONCLUSION

Despite sufficient progress in the theoretical basis of the research on innovative processes, there are still many little-studied and controversial issues. For example, the dynamics of innovation and technological development of countries and regions, the use of effective tools and mechanisms for the transfer of knowledge and technologies, the regulation of innovative processes using various institutional structures, etc.

Create of required organizational structure, aimed at supporting the acquisition process, implementation, and dissemination of research and development results involving all participants of the innovative process to improve the efficiency of technology transfer. The creation of a system based on the integration of the scientific, educational and production spheres in the Shanghai Cooperation Organization member countries will contribute to the formation of competitive high-tech products, improve the export structure by increasing the share of innovative products in it and reducing the raw materials orientation, and increase the status of countries in the world technology market.

REFERENCES / ЛИТЕРАТУРА

1. The Global Innovation Index. www.globalinnovationindex.org (accessed 17.12.2019)
2. Edler J., Fagerberg J. Innovation Policy: What, Why, and How. *Oxford Review of Economic Policy*. 2017, vol. 33, № 1, 1 January, pp. 2-23.
3. Solovieva Yu.V., Chernyaev M.V., Korenevskaya A.V. Transfer of Technology in Asian-Pacific Economic Cooperation States. Regional Development Models. *Journal of Applied Economic Sciences*. 2017, vol. XII, № 5(51), pp. 1473-1484.
4. Aoyama R. "One Belt, One Road": China's New Global Strategy. *Journal of contemporary East Asia Studies*. 2016, № 5(2), pp. 3-22.
5. Shkvarya L., Grigorenko O., Strygin A., Rusakovich V., Shilina S. Impact of the Global Economic Crisis on Asian Technology Markets (India, China). *Central Asia and the Caucasus*. 2016, vol. 19, № 2, pp. 119-130.
6. Закон Кыргызской Республики «Об инновационной деятельности» от 26 ноября 1999 года № 128. <http://cbd.minjust.gov.kg/act/preview/ru-ru/291/10?mode=tekst> (accessed 14.05.2021)
Law of the Kyrgyz Republic «On Innovation» No. 128 of 26 November 1999. (In Russ.). <http://cbd.minjust.gov.kg/act/preview/ru-ru/291/10?mode=tekst> (accessed 14.05.2021)
7. Кадырова А.М., Севлякянц С.Г., Отто О.Э., Ахмедиева А.Т. Информационно-инновационное развитие экономики Узбекистана. Ташкент: Иктисодиёт, 2011.
Kadyrova A.M., Sevlyants S.G., Otto O.E., Akhmediyeva A.T. Information innovative development of economy of Uzbekistan. Tashkent, 2011 (In Russ.)
8. Россия и страны мира - 2020. <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/VMMhKbGo/world2020.pdf> (accessed 16.05.2021)
Russia and the countries of the world - 2020. (In Russ.). <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/VMMhKbGo/world2020.pdf> (accessed 16.05.2021)
9. Российский статистический ежегодник - 2020. https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/KrPEshqr/year_2020.pdf (accessed 16.05.2021)
Russian statistical yearbook - 2020. (In Russ.). https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/KrPEshqr/year_2020.pdf (accessed 16.05.2021)
10. Россия в цифрах - 2020. https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/GOyirKPV/Rus_2020.pdf (accessed 16.05.2021)
Russia in numbers - 2020. (In Russ.). https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/GOyirKPV/Rus_2020.pdf (accessed 16.05.2021)
11. 创新进行时：以科技的力量推动中俄深度合作. (In Chin.). <http://sn.cri.cn/n/20200102/71ccb7d5-9d53-d4b9-7693-678698e66dcc.html> (accessed 10.09.2021)
Innovation in the process: promoting the development of Sino-Russian cooperation with the help of science and technology. <http://sn.cri.cn/n/20200102/71ccb7d5-9d53-d4b9-7693-678698e66dcc.html> (accessed 10.09.2021)

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS / ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Соловьёва Юлиана Владимировна (Россия), кандидат экономических наук, доцент, кафедра национальной экономики, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия.

Yuliana V. Solovieva (Russia), PhD (Economics), Associate Professor, Department of National Economics, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia.

He Mingjun (China), PhD (Economics), Senior Lecturer, Faculty of Law, Kunming Polytechnic University, Kunming, China.

He Mingjun (China), PhD (Economics), Senior Lecturer, Faculty of Law, Kunming Polytechnic University, Kunming, China.

Поступила в редакцию
(Received) 12.01.2022

Доработана после рецензирования
(Revised) 16.02.2022

Принята к публикации
(Accepted) 03.03.2022

К столетию со дня рождения Джулиуса Ньерере

Джулиус Ньерере: в Танзании его называли «Учитель»

© Бакланов А.Г.^а, 2022

^а НИУ ВШЭ, Москва Россия

ORCID ID: 0000-0002-5913-616X; agbaklanov@hse.ru

От редакции. Автор, работавший в 1980-1990-е гг. в советском/российском посольстве в Танзании и лично знавший Дж.Ньерере, делится своими впечатлениями от встреч с этим африканским лидером, о событиях тех лет и приводит причины неспособности танзанийского руководства претворить в жизнь многие идеи, высказывавшиеся Мвалиму («Учителем»), - так жители страны называли своего президента. В публикации использованы материалы и документы Архива внешней политики Историко-документального Департамента МИД России.

Ключевые слова: Джулиус Ньерере, новый международный экономический порядок, деколонизация Африки, «Группа 77», Комиссия «Юг-Юг», «Делийская шестерка»

Для цитирования: Бакланов А.Г. Джулиус Ньерере: в Танзании его называли «Учитель». *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 4. С. 59-65. DOI: 10.31857/S032150750019733-8

Julius Nyerere: In Tanzania he was called “Teacher”

© Andrey G. Baklanov^а, 2022

^а HSE University, Moscow, Russia

ORCID ID: 0000-0002-5913-616X; agbaklanov@hse

Editorial. The author, who worked in the 1980s and 1990s in Tanzania in the Soviet Embassy and knew well personally J.Nyerere, shares his impressions of meetings with this outstanding African leader. He explains the reasons that did not allow at that time to implement many of the ideas expressed by "Mwalimu" ("teacher") Julius Kambarage Nyerere. The publication uses materials and documents from the Archive of Foreign Policy of the Historical and Documentary Department of the Russian Foreign Ministry.

Keywords: Julius Nyerere, new international economic order, decolonization of Africa, IMF, IBRD, Group of 77, South-South Commission, Delhi Six Group

For citation: Andrey G. Baklanov. Julius Nyerere: In Tanzania he was called “Teacher”. *Asia and Africa today*. 2022. № 4. С. 59-65. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750019733-8

13 апреля 2022 г. исполнилось 100 лет со дня рождения одного из самых авторитетных и ярких африканских политических и общественных деятелей XX в. - Джулиуса Камбараре Ньерере.

«СЕКРЕТЫ» НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ НЬЕРЕРЕ

В начале 1989 г. я сопровождал посла СССР в Танзании С.И.Илларионова на встрече с Дж.Ньерере (который к тому времени уже 4 года как покинул пост президента) в его резиденции в Дар-эс-Саламе, неподалеку от резиденции нашего посла. После завершения переговоров Ньерере пригласил нас «по-соседски» на дружеский ужин. Обстановка располагала к откровенной беседе, и посол попросил «неформально» объяснить, как ему удавалось сдерживать центробежные тенденции в его довольно сложной в этноконфессиональном отношении стране.

Для нас это был далеко не праздный вопрос. В СССР уже развивалась спираль карабахского кризиса; в союзных республиках быстро набирали обороты националистические тенденции.

Ньерере указал на «три главных секрета» успеха в решении проблем сохранения единства страны. Первый - постоянная ротация кадров всех уровней. «Саму идею такого рода ротации, - сказал Ньерере, - я позаимствовал у Иосифа Сталина. Сталин, как известно, придерживался правила - каждые три-четыре года передвигать руководителей различного уровня, чтобы избежать формирования коррупционных, в т.ч. этнических, группировок на местах. Но я пошел в этом вопросе намного дальше Сталина. Я стремлюсь к тому,

чтобы наиболее способные студенты высших учебных заведений и даже ученики старших классов также были вовлечены в процесс ротации, естественно, в случае согласия их родителей».

Второй «секрет» - непропорционально большие возможности, которые в Танзании имели выходцы с Занзибара. Остров Занзибар - небольшой по размерам и количеству населения регион Объединенной Республики Танзании, однако занзибарцы в то время, когда проходила беседа, занимали несколько важных постов в центральном правительстве и назначались руководителями провинций на материковой части страны.

В качестве яркого примера «выдвиженца» из числа занзибарцев Ньерере назвал Салима Ахмеда Салима. «В 22 года он стал послом ОРТ в Египте. Позже занимал посты министра иностранных дел, министра обороны, а теперь он будет представителем Танзании в Организации африканского единства, даже Генеральным секретарем этой структуры». Конечно, подчеркнул он, если бы Занзибар не был в составе Танзании, Салим, как и другие островные политики, никогда не смог бы занять какой-либо из столь крупных административных постов.

Третий «секрет» - отсутствие у самого Ньерере этноконфессиональных «предпочтений». «Я представляю одну из маленьких народностей - занакви. Никто и никогда не мог меня упрекнуть в том, что я кого-то продвигал не из-за его личных и деловых качеств, а как своего соплеменника или земляка».

Надо сказать, что сами танзанийцы в беседах подтверждали справедливость этих высказываний Ньерере. Они считали своего лидера исключительно порядочным, честным и мудрым человеком: потому и называли его Мвалиму («Учитель»).

...Многие идеи Джулиуса Ньерере весьма затребованы сегодня. Прежде всего, это относится к его концепции формирования нового, справедливого, сбалансированного международного финансово-экономического порядка, который должен прийти на смену созданной по западным лекалам модели развития мировой экономики.

Ньерере одним из первых африканских общественных деятелей осознал, что обретение политической независимости отнюдь не служит гарантией того, что бывшие колонизаторы откажутся от воспроизводства выгодного лишь Западу порядка ведения дел в сфере финансов, экономики, торговли, инвестиций и др.

Ньерере способствовал подготовке и принятию в ходе первой сессии Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД), проходившей в 1964 г., решения о создании особой группы развивающихся стран для продвижения идеи создания нового международного порядка, в рамках которого афро-азиатские и латиноамериканские страны могли бы стать полноправными партнерами развитых держав. Это объединение получило название «Группа 77» по числу ее первоначальных членов. Формально поддерживая деятельность группы, государства Запада, тем не менее, пытались противодействовать переходу идей «нового международного экономического порядка» в практическую плоскость.

Как мне рассказывала многолетний советник и руководитель секретариата при правительстве Ньерере Мэри Викин, в середине 1970-х гг. Мвалиму начал терять надежду на то, что «Группа 77» сможет добиться каких-либо успехов в деле решения вопросов торгово-экономического сотрудничества со странами Запада.

Попытки Ньерере активизировать работу «Группы 77» особых результатов не дали. Тогда он выступил с идеей «Юг-Юг», т.е. формирования различных общественных, политических и финансово-экономических организаций африканских, азиатских и латиноамериканских стран. Предложение многим понравилось, и у Ньерере появилось немало «соавторов».

Как рассказывал мне генеральный секретарь Комиссии «Юг-Юг», известный экономист, бывший министр планирования Египта Исмаил Сабри Абдалла, с которым меня связывали долгие годы дружбы, Ньерере был главным разработчиком концепции развития сотрудничества в формате «Юг-Юг».

Как полагал И.С.Абдалла, в течение ряда лет входивший в состав руководства Египетской коммунистической партии (распущенной в 1961 г.), Ньерере понимал важность объединения усилий в борьбе за новый международный экономический порядок стран «третьего мира» и СССР, однако опасался, что подобный альянс оттолкнет от объединения «Юг-Юг» консервативные режимы арабских и африканских государств, имевших напряженные отношения с Москвой, в то время как именно эти режимы, например, монархии Персидского залива, должны были составлять костяк финансово-экономического объединения стран «третьего мира». В то же время Ньерере не препятствовал контактам с СССР, устанавливавшимся рядом африканских государств.

В Советском Союзе внимательно изучались инициативы развивающихся стран по созданию «нового международного экономического порядка», и в середине 1970-х гг. был сделан вывод о необходимости поддержки этой идеи. 4 октября 1976 г. министр иностранных дел А.А.Громыко выступил на пленарной сессии Генеральной Ассамблеи ООН с развернутой программой реформирования системы международных финансово-экономических связей путем формирования «нового порядка».

В ходе визита в 1977 г. в Танзанию Председателя Президиума Верховного Совета СССР Н.В.Подгорного обсуждались и вопросы переформатирования системы международных финансово-экономических связей путем формирования «нового порядка», в т.ч. и во время доверительных встреч «на полях» официальных переговоров. Было достигнуто понимание в отношении проведения совместной, синхронизированной линии в этом направлении. Однако эти договоренности не были реализованы, отчасти потому, что Н.В.Подгорный вскоре после возвращения из турне по странам Африки был отстранен от должности.

«ДЕЛИЙСКАЯ ШЕСТЕРКА» И СССР

Ньерере сыграл важную роль в вопросах укрепления международной стабильности. Так, он инициировал создание в начале 1984 г. неформальной группы авторитетных лидеров ряда нейтральных и неприсоединившихся стран, в которую входили, в частности, Раджив Ганди, Улоф Пальме и др.

В мае 1984 г. Танзания, Аргентина, Мексика, Греция, Швеция и Индия выступили с декларацией, содержащей призыв к замораживанию гонки вооружений. В январе 1985 г. эти 6 стран приняли новую - Делийскую декларацию, призывавшую к предотвращению гонки вооружений в космосе и к прекращению ее на земле. В августе того же года, в связи с 40-летней годовщиной атомной бомбардировки американцами японских городов Хиросима и Нагасаки, «шестерка» выступила с призывом к всеобщему прекращению испытаний, производства и развертывания ядерного оружия и систем его доставки¹.

Эта инициатива практически совпала по времени с выдвижением Советским Союзом т.н. Программы 15 января 1986 г. о поэтапной ликвидации к 2000 г. ядерного оружия во всем мире.

Москва уделяла большое внимание обеспечению поддержки своих инициатив государствами «третьего мира». Естественно, прежде всего это относилось к «Группе шести», центральную роль в которой играл президент Танзании Дж.Ньерере, имевший большой авторитет среди лидеров стран «третьего мира».

Как правило, в Танзанию направлялись представители советского руководства, имевшие личные послания президента СССР М.С.Горбачева на имя президента ОРТ Али Хасана Мвиньи (был избран в 1985 г.), однако по предложению посла СССР в Танзании С.И.Илларионова приезжавшие из Москвы спецпредставители привозили и копии этих документов для вручения Ньерере как члену «шестерки». Мне в качестве старшего дипломата посольства поручались вопросы организации встреч представителей СССР с Ньерере - в дополнение к посещению ими действующего президента страны.

Ранее в дипломатической практике не было прецедента - «дублирования» посланий первому лицу государства и одновременно - другому политическому деятелю. Москва не сразу дала «добро».

Согласие Москвы было достигнуто в июне 1987 г. - за два часа до прилета в Дар-эс-Салам советского спецпредставителя, заместителя министра иностранных дел СССР Анатолия Адамишина. Я связался по телефону с МИД Танзании и помощником Ньерере, передал просьбу принять нашего заместителя министра. Ньерере согласился, но предупредил, что должен отправиться в зарубежную поездку, и попросил А.Адамишина приехать к нему в Бутиаму² сразу после прилета.

Бутиама находилась на расстоянии более тысячи километров от Дар-эс-Салама. Сотрудники посольства опасались, что после 10-часового перелета Адамишин не согласится пересечь во внедорожник и еще 10 часов провести в пути. Но интерес к встрече с Ньерере был настолько велик, что Анатолий Леонидович сразу же согласился, и мы прямо из аэропорта выехали в Бутиаму.

Встреча с экс-президентом Танзании получилась насыщенной и интересной. Она позволила выявить как совпадающие моменты в позиции СССР, Танзании и «Группы шести», так и аспекты, по которым имелись существенные расхождения.

Наш спецпредставитель подчеркивал, что цели и задачи, поставленные в Делийских декларациях, разработанных и принятых при самом активном участии Ньерере, созвучны нашей линии, направленной на предотвращение ядерной войны, обуздание гонки вооружений и недопущение перенесения ее в космос. Ньерере, согласный с этими положениями, тем не менее, в деликатной, но достаточно определенной форме высказался в том смысле, что не только Вашингтон, но и Москва несет ответственность за военно-политический раскол мира и гонку вооружений, самым опасным и дестабилизирующим видом которой была гонка ядерных вооружений.

Согласившись с А.Адамишиным в том, что «главную ответственность за продолжение гонки вооружений несут западные державы во главе с США», Ньерере указал, что причина нестабильности в мире кроется в «продолжении соперничества великих держав за сферы влияния».

¹ Архив внешней политики СССР. МИД СССР. Третий африканский отдел. Фонд 653 Танзания. Опись 28, Дело 3, Папка 26, с. 11.

² Бутиама - город на северо-западе Танзании, где родился Джулиус Ньерере.

Ньерере детально изложил подход Танзании к проблеме нераспространения ядерного оружия, который отличался от позиции Москвы. Он заявил, что ОРТ не присоединится к Договору о нераспространении ядерного оружия, потому что нужно ставить вопрос шире - о полном отказе всех без исключения государств, в т.ч. США и СССР, от обладания ядерным и другими видами оружия массового поражения.

Наша позиция была иной: сначала надежное обеспечение режимов нераспространения, а затем переговоры о всеобщем ядерном разоружении.

Также определенная нестыковка была и в позициях сторон по ситуации в Индийском океане. Ньерере говорил, что основным дестабилизирующим фактором для региона является «соперничество великих держав», и подчеркивал необходимость одновременного и безотлагательного вывода из него всех иностранных военно-морских сил и прежде всего ВМС двух супердержав - США и Советского Союза.

В целом, обмен мнениями показывал, что в позициях Москвы, Танзании и «Делийской шестерки» имеется больше общих, совпадающих моментов, нежели разногласий.

ОДИН ИЗ ПОСЛЕДНИХ ЛАУРЕАТОВ ЛЕНИНСКОЙ ПРЕМИИ МИРА

Джулиус Ньерере с огромным уважением и интересом относился к Советскому Союзу, внимательно следил за развитием событий в нашей стране. Мэри Викен рассказывала, что танзанийский лидер прорабатывал идею более плотного взаимодействия с Москвой посредством формирования альтернативных Западу финансово-экономических структур. В конечном итоге, по его мнению, речь со временем могла бы пойти о создании платформ, которые работали бы параллельно МВФ и МБРР. Об этом он хотел лично переговорить с советским руководством.

В марте 1985 г. Ньерере обратился с просьбой принять его во второй половине июня 1985 г. с коротким официальным визитом. Однако Москва, увлеченная в то время переговорами со странами Запада, ответила фактическим отказом. Танзанийской стороне было сообщено, что в указанные сроки осуществить этот визит «не представляется возможным».

Ситуацию несколько выправило принятое в 1987 г. решение Москвы о присуждении бывшему президенту ОРТ Джулиусу Ньерере Ленинской премии «За укрепление мира между народами», при этом подчеркивались его заслуги в продвижении идеи безъядерного мира и давалась высокая оценка его плодотворной деятельности в Движении неприсоединения и в составе «Группы шести».

Фото 1. Участники торжественного заседания в честь вручения Джулиусу Ньерере Ленинской премии мира.

В первом ряду в центре - Джулиус Ньерере, слева от него - А.А.Горшков, глава советской делегации, заместитель Председателя Совета Министров РСФСР. Штаб-квартира Революционной партии Танзании, Додома. 7 сентября 1987 г.

Для участия в церемонии вручения премии в Танзанию была направлена партийно-государственная делегация во главе с депутатом Верховного Совета СССР, членом ЦК КПСС, заместителем Председателя Совета Министров РСФСР А.А.Горшковым. Танзанийцы подготовили торжественное совместное заседание партийного и государственного руководства ОРТ в новой, тогда еще только строившейся столице - городе Додома, в штаб-квартире Революционной партии (ЧЧМ) Танзании. Оно состоялось 7 сентября 1987 г. В своем выступлении Джулиус Ньерере очень тепло говорил о народах СССР, о вкладе Советского Союза в победу над фашизмом, особо акцентировал значение, которое имели помощь и поддержка СССР в деле крушения колониализма, в становлении независимости молодых освободившихся государств Африки и Азии.

Дж.Ньерере воспринял присуждение ему Ленинской премии как жест поддержки в очень сложный и непростой момент истории Танзании и его личной политической карьеры. В тот период Ньерере только «осваивался» в новом качестве - уже не президента, а неформального лидера нации.

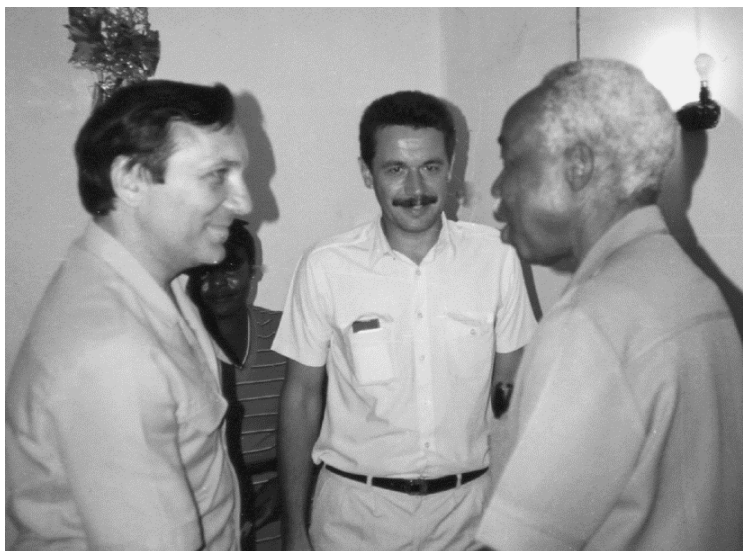

Фото 2. Джулиус Ньерере, председатель Революционной партии, и автор, первый секретарь Посольства СССР в Танзании (слева). Морогоро, февраль 1989 г. *Фото из архива автора.*

МОЖНО ЛИ «СПОКОЙНО» ОТОЙТИ ОТ РУКОВОДЯЩЕЙ РАБОТЫ: НЕОДНОЗНАЧНЫЙ ОПЫТ НЬЕРЕРЕ

Ньерере был неординарным политиком. Он, в частности, оказался одним из немногих лидеров, сознательно и добровольно осуществивших транзит власти представителю более молодого поколения.

Мне не раз доводилось слышать его пояснения на этот счет в ходе доверительных встреч Ньерере с советскими представителями. Он говорил, что «своевременная» передача власти - наиболее разумная линия завершения политической карьеры лидера.

Плавная и продуманная система передачи полномочий высшего должностного лица, отмечал он, позволяет сохранить ценные, оправдавшие себя черты политики государства, которые разрабатывались и осуществлялись при непосредственном участии и контроле того или иного лидера.

Кроме того, говорил Ньерере, транзит власти помогает избежать «взрывного», потенциально разрушительного периода преодоления ошибок и недостатков прежней властной пирамиды; снижает риск разбалансировки систем управления и организации различных сторон политической и экономической жизни населения.

Очень важно, полагал Ньерере, что при спокойном транзите власти уменьшаются и риски внешнего вмешательства во внутренние дела государства.

Одной из форм «постепенной» передачи власти, как полагал Ньерере, может стать параллельное существование двух властных структур - официальной государственной «вертикали» и консультативного механизма, опирающегося на авторитет предыдущего лидера и отработанные им схемы взаимодействия с населением. Таким механизмом в условиях Танзании оказалась Революционная партия. Однако надежды на создание четко функционирующего порядка взаимодействия не оправдались.

Вопросы согласования позиций государственного руководства страны (президент Мвиньи) и партийного руководства (Ньерере) решались, можно сказать, в «ручном режиме» - напрямую между двумя лидерами. К участию в этом процессе было допущено очень ограниченное число лиц - в основном сотрудники секретариата президента и председателя ЧЧМ.

Имелась также негласная договоренность относительно главного вопроса, стоявшего тогда на повестке дня, - возможности подписания соглашения с МВФ. Партийное руководство выступало с жестких, идеологизированных позиций; президент Мвиньи и правительство вели дело к принятию требований МВФ и Запада, чтобы предотвратить обострение в стране экономического кризиса.

В первые годы президентства Мвиньи процесс взаимодействия между двумя лидерами, в целом, функционировал, но в дальнейшем сценарий транзита власти перестал срабатывать из-за нарастания политической напряженности и активизации новых общественных сил и организаций.

«СОЦИАЛИЗМ УДЖАМАА» - КРАСИВАЯ ИДЕЯ, НЕ ПОДКРЕПЛЕННАЯ ПРАКТИКОЙ

Джулиус Ньерере вошел в историю как автор одного из вариантов «национального социализма» - теории «уджамаа».

В 1967 г. в Танзании был принят программный документ - Арушская декларация, ставшая ориентиром для развития страны на десятилетия вперед. В ней провозглашалась цель национального развития Танзании - строительство социалистического государства. В документе определялась специфика Танзании: основой экономики является сельское хозяйство; благодаря наличию в стране плодородных земель и необходимого потенциала водных ресурсов, крестьяне должны стать главной движущей силой развития.

Арушская декларация призвана была стать основой строительства в Танзании общества социальной справедливости в соответствии с местными традициями и моральными ценностями. Этот путь получил название «уджамаа». Корень слова, как и многих других, используемых в суахили, имеет арабское происхождение и означает «объединение», «соединение людей».

Социализм «уджамаа» в понимании Ньерере означал объединение крестьян в довольно крупные поселения с целью создания более благоприятных условий для обеспечения сельских хозяйств удобрениями, техникой, внедрения эффективных методов сельскохозяйственного производства. Однако эта кампания не дала желаемых результатов. Несмотря на то, что, согласно официальным данным, в деревнях «уджамаа» проживало более 85% всего населения, их удельный вес в производстве товарной сельскохозяйственной продукции был крайне низок.

Эксперимент, можно сказать, провалился, и это поколебало представление населения Танзании о том, что Ньерере - «отец нации» - никогда не ошибается.

НЕОДНОЗНАЧНЫЕ ИТОГИ ПРАВЛЕНИЯ

Помимо создания деревень «уджамаа» под руководством Ньерере были осуществлены и другие реформы: национализированы банки, страховые общества, внешнеторговые компании, наиболее крупные промышленные предприятия; предпринимались попытки осуществить планирование экономического развития.

Однако из-за тяжелого экономического положения и недостатка финансовых средств планы хозяйственного развития страны, как правило, не выполнялись. Во второй половине 1980-х гг. бюджет страны на 70% финансировался за счет внешних источников.

По свидетельству близких к Ньерере людей - многолетнего члена Политбюро правящей Революционной партии Нгомбале-Мвиру, министра иностранных дел Бенджамина Мкапы³ и других, по мере усиления кризисных явлений в экономике страны он всё в большей степени осознавал, что предложенная им схема национального развития оказалась во многом несостоятельна. Выявились противоречия между декларируемыми целями и реальными результатами.

Так, нереалистичной оказались надежды на достижение устойчивого развития. Бюджет страны финансировался, главным образом, за счет получения кредитов и помощи стран Запада. Крайне неэффективной оказалась опора на собственные силы, страна все в большей степени оказывалась в зависимости от внешнего финансирования.

В 1984-1985 гг. выяснилось, что в условиях, когда ни Китай, ни СССР не идут на предоставление ОРТ масштабной финансовой помощи, танзанийцы изменили свои негативные оценки возможного заключения соглашения с МВФ. Общий объем иностранной помощи в 1983-1984 гг. превысил \$200 млн, на долю стран Запада приходилось 65% получавшихся средств, на международные и региональные организации, в т.ч. МВФ, МБРР, МАР и ЕЭС, - 23%. При этом удельный вес помощи КНР составлял 4,6%, развивающихся стран - 3,2%. Более чем скромно выглядела доля СССР - 0,6%⁴.

³ Бенджамин Мкапа (1938-2020) - третий президент ОРТ (1995-2005 гг.).

⁴ Историко-документальное управление МИД СССР, Фонд 663. Танзания. Опись 23, дело 4 папка 26, с. 5.

В справке, подготовленной Посольством СССР в Дар-эс-Саламе совместно с советским представительством ЮНИСЕФ в ОРТ, отмечалось: «В своих недавних публичных выступлениях президент Ньерере не только в очередной раз подверг критике “рецепты”, предложенные МВФ для “оздоровления” экономики, но и впервые охарактеризовал Фонд как “агента колониализма”, помогающего развитым государствам контролировать экономику бедных стран, как приемника колониальных империй прошлого». При этом в справке делался примечательный вывод, основанный на объективном анализе ситуации в Танзании: «Подобная неуступчивость Танзании может лишить ее в скором времени значительной части внешних источников финансирования как по линии международных финансовых организаций, так и на двусторонней основе».

Как особо отмечалось в Справке, танзанийское руководство пришло к выводу, что США намерены развалить все международные организации системы ООН, в которых развивающиеся страны играли важную роль. В этой связи приводилось высказывание Дж.Ньерере в интервью кенийской «Таймс» в декабре 1984 г.: «Мы не удивлены, что они (США) угрожают ЮНЕСКО. Сейчас ЮНЕСКО, затем ЮНИДО и, наконец, самой ООН - тем организациям, где третий мир имеет голос»⁵.

Эти слова сегодня звучат пророчески. Дж.Ньерере был во многом прав и в критике линии Запада, и в подмеченном им стремлении США консолидировать «коллективный Запад» и более жестко влиять на другие страны, в частности, африканские в плане выполнения западных «рекомендаций».

Трагедия Дж.Ньерере заключалась в том, что объявленный им в начале 1980-х гг. курс на противостояние Западу - и в политике, и в экономике, и в финансах - не мог быть осуществлен из-за неблагоприятных тенденций в мировых и региональных делах.

В этой связи заметим, что в ходе одного из совместных рабочих совещаний международных организаций системы ООН и западных доноров в ноябре 1984 г. представители МБРР, ПРООН и ряда других структур высказывались за то, чтобы вопросы координации внешней помощи обсуждались «в отсутствие представителей танзанийской стороны»⁶.

Отход Ньерере от активной деятельности в ряде стран, активно противостоявших Западу, был воспринят весьма болезненно. Так, при посещении в июле 1995 г. МИД России представитель посольства Кубы в Москве М.Мартинес отмечал, что в свое время на Кубе были весьма обеспокоены тем, по какому пути пойдет Танзания после ухода Ньерере с поста главы государства (1985 г.) и какую позицию будет занимать ОРТ в Движении неприсоединения. Собеседник сказал, что кубинские товарищи рассчитывали на то, что при благоприятном стечении обстоятельств Ньерере мог бы занять пост председателя Движения неприсоединения, и поэтому пытались убедить его не уходить с поста президента⁷.

* * *

Джулиус Ньерере прожил яркую жизнь человека и политика, гражданина своей страны и патриота Африки. Не всё ему удалось из намеченного. Проблемы, которые стремился решить Дж.Ньерере, остаются в повестке дня. Сегодня опыт того времени имеет много интереснейших параллелей. Изучение этого опыта - одна из предпосылок обретения оптимальных, «работающих» решений этих проблем.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Бакланов Андрей Глебович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, профессор - руководитель секции исследований стран Ближнего Востока и Северной Африки НИУ ВШЭ, Москва, Россия.

Andrey G. Baklanov PhD (History), Senior Researcher; member, Professor, Head, Middle East & North Africa Section, HSE University, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 15.02.2022

Доработана после рецензирования
(Revised) 05.03.2022

Принята к публикации
(Accepted) 30.03.2022

⁵ Там же, с. 50.

⁶ Там же, с. 57.

⁷ Там же, опись 28, дело 2, папка 26, с. 12.

КУЛЬТУРА, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО

DOI: 10.31857/S032150750019734-9

Оригинальная статья / Original article

Литература как диагноз и как прогноз (творчество магрибинцев XX-XXI столетий)

© Прожогина С.В.^a, 2022

^a Институт востоковедения РАН. Москва, Россия
ORCID ID: 0000-0001-8276-0289; svetlana.projogina@mail.ru

Резюме. В недрах колониальной эпохи в качестве национального ответа на французскую колониальную литературу творчество писателей Магриба стало выражением подлинной жизни их стран и свидетельством трансформаций, уже тогда определивших социальные и политические противоречия постколониального времени. Эволюция литературных жанров постоянно побуждала писателей не только к диагностике протестных форм национального самосознания магрибинцев, но и к прогнозированию тех общественных катаклизмов и явлений, к которым, в конечном итоге, и привели радикализация ислама и поступь политического исламизма, а именно - полного забвения народами Магриба идеалов своей борьбы за независимость, растерянности Запада, опасавшегося утратить основы собственной цивилизации.

Литература магрибинцев XX-XXI вв. постоянно свидетельствовала о разнообразных художественных формах, о процессах, свершавшихся в окружающей действительности. Порой эти способы выражения состояния общественного сознания переходили в ностальгические раздумья о прошлом как об Оазисе почерпнутого знания о мире, рождали миражи диалога, не состоявшегося между магрибинцами и французами по причине освободительных войн. Однако иллюзорная миражность переходила в литературу магрибинцев и к созданию таких антиутопий, которые нередко, особенно с 90-х гг. XX в., переходили в реальность угрозы радикального исламизма, ставшую в настоящее время тревожным сигналом на примере свершившегося в Афганистане.

Творчество писателей-магрибинцев, вне зависимости от их проживания на Западе или на Востоке, остается примером в мировом литературном процессе поисков идеалов справедливости и свидетельством переходной эпохи от колониализма к постколониальности и реальным прогнозам даже для будущего.

Ключевые слова: Магриб, литература на французском языке, постколониальные реальности, реализм как диагноз, антиутопия как прогноз

Для цитирования: Прожогина С.В. Литература как диагноз и как прогноз (творчество магрибинцев XX-XXI столетий). *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 4. С. 66-72. DOI: 10.31857/S032150750019734-9

Literature as a diagnosis and as a prognosis (creativity of the people of Maghreb in the XX-XXI centuries)

© Svetlana V. Prozhogina^a, 2022

^a Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID ID: 0000-0001-8276-0289; svetlana.projogina@mail.ru

Abstract. From the very beginning, still in the depths of the colonial era, and being a national response to French colonial literature, the poetry and fiction of Maghreb writers became a form of expression of the real life of their countries and a testimony of the social and political transformations that finally led to the social and political contradictions of the post-independence age. The evolution of literary genres has constantly induced writers not only to diagnose the protest forms of the national self-consciousness of the peoples of the Maghreb, but also to predict the social cataclysms and events to which the radicalization of Islam and the tread of political Islamism actually lead,

The Maghreb literature of the XX-XXI centuries constantly testified to various processes of the surrounding reality. Sometimes these forms of expression of the state of public consciousness turned into the nostalgic conceptualization of the past, a past perceived as a kind of an Oasis of acquired Knowledge about the World. These oases also refracted mirages of a dialogue between the Maghreb peoples and the French, which actually did never take place because of the wars of liberation. However, in the Maghreb literature, these illusions sometimes were transformed into dystopias, which especially since the decade of the 1990s turned into premonitions of real threats of radical Islamism.

In the global literary process, the work of the Maghreb writers - regardless of the countries of their residence in the West or in the East - reflects the searching for ideals of justice, remains an evidence of the era of transition from colonialism to post-colonialism, and a source of plausible forecasts for the future.

Keywords: Maghreb, French literature, postcolonial reality, realism as a diagnosis, dystopia as a political forecast

For citation: Svetlana V. Prozhogina. Literature as a diagnosis and as a prognosis (creativity of the people of Maghreb in the XX-XXI centuries). *Asia and Africa today*. 2022. № 4. Pp. 66-72. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750019734-9

ВВЕДЕНИЕ

Как известно, правильный диагноз зависит от вовремя выявленных симптомов. Во многом справедливое замечание некоторых писателей о том, что их дело - «показывать симптомы болезней общества, а делать выводы будут другие» (Т.Толстая), нуждается в уточнении.

Способы и характер отражения жизни - а литература, по выражению Стендаля, это «зеркало, стоящее на дороге жизни», - бывают таковы, что сами по себе свидетельствуют о причинах состояния того или иного типа или этапа общественного развития. И великая русская, и великая французская, другие мировые литературы были не только «энциклопедией жизни», но и «зеркалом революций» (если вспомнить определения весьма эрудированных ценителей художественного творчества, служившего для полноты знания не только культуры, но и социальных, и даже политических процессов).

«Картина мира» и фиксирующая, и метафоризирующая или даже аллегоризирующая, или символизирующее пространство окружающей действительности в литературных текстах давала и дает возможности обнаружения и причин, и истоков, и характера развития общественных процессов, поскольку, и это никто, надеюсь, не станет отрицать, литература - это своеобразный пульс общественного сознания: и степени его спокойствия, и степени его протеста, и даже степени возможности его пределов существования в окружающем мире.

Таковой литература была издревле и в формах мифотворчества, и эпических, и сказочных, и басенных, и в лирике, и в поэзии, и в драматургии, и в реалистическом, и в фантазийном «формате». Эпохи Возрождения и Просвещения, Нового и Новейшего времени, и текущей современности - не исключения.

И если сегодня в одном из престижнейших колледжей Оксфорда у претендентов на магистерскую степень одним из «каверзных» вопросов является тот, где спрашивается: «Что содержит больше информации - история или литература?» - то это не случайно. А абитуриенты чаще всего теряются или затрудняются ответить. По причинам различным - либо плохо знают историю, либо литературу.

Идеально, конечно, и то, и другое, и еще многое из той обширной сферы знания, которое вообще называется искусством. Слова и кисти, перо и клавиши компьютеров - только техники воплощения всего того, на что способно человеческое сознание запечатлевать в образах, порожденных, так или иначе, «хроникой» либо текущих, либо случившихся событий Жизни.

ЧТО НАДО ЗНАТЬ О ЛИТЕРАТУРЕ СТРАН МАГРИБА

Информационное поле литературы только одной западной оконечности Северной Африки, т.е. Магриба, достаточно известно и обработано исследователями процессов развития художественного сознания алжирцев, марокканцев и тунисцев и в колониальную, и в постколониальную эпоху. Вплоть до наших дней. Если в лице некоторых своих представителей литература получила мировое признание и на Востоке, и на Западе (марокканец Т.Бенджеллун переведен, к примеру, на несколько десятков языков), то это подтверждение интереса к той «информации», которая содержится именно в художественных произведениях, где отражен особый взгляд на процессы изменений и трансформаций, происходящих в жизни народов Алжира, Марокко и Туниса.

Опыт пристального изучения такого рода источников знания о жизни Магриба в совокупности с наблюдениями определенных этапов его развития дает некоторые основания считать, что литература магрибинцев (в их собственных странах, во Франции - в среде эмигрантов и иммигрантов, коих уже там несколько миллионов) - это и вполне обоснованный диагноз, а в последнее время - и вполне обоснованный (и даже фактически аргументированный, увы) прогноз общественных и этно-конфессиональных, культурных и политических проблем развития обществ, переживших колониализм, боровшихся за Независимость и распорядившихся своей свободой так, что эхо Прошлого, поступь Настоящего, приметы Будущего, и извечно продолжающийся в этом регионе Средиземноморья вариант «диалога», порой переходящего в «конфликт» цивилизаций Востока и Запада, - нашли свое яркое воплощение в многочисленных книгах писателей Магриба, имеющих, на мой взгляд, право называться тем самым «зеркалом жизни»¹.

И здесь надо бы воздать хвалу журналу «Азия и Африка сегодня», который на протяжении долгих лет - с середины 1960-х гг. вплоть до наших дней, оповещая своих читателей об острых проблемах политики, экономики, социологии, не забывал напоминать и о том, в каком состоянии находится культура стран ог-

¹ Обширная библиография и анализ литературы магрибинцев содержатся в наших работах: «Современная литература Марокко и Туниса». М., 1968; «Франкоязычные писатели стран Магриба». М., 1980; «Восток на Западе». М., 2003; «Магрибинский роман». М., 2007; «Вошедшие в храм Свободы». М., 2009; «Новые идентичности». М., 2012; «Время не жить и время не умирать». М., 2021.

ромного региона, где есть и свое искусство, и свои ремесла, и свой потенциал художественного освоения этого пространства мира.

...Когда-то великий арабский историк Ибн-Халдун писал, что только путем «тщательного изучения и большого старания можно познать истину». Это - безусловно. Хотя донести ее до человечества - в этом тоже историк был прав, - «бывает трудно».

Но если историкам приходится преодолевать эти трудности и по сей день в жарких спорах, то и истине, явленной в художественном обличье, бывает не легче, - в запретах на нее, а порой и невозможности преодолеть трудности изданий своих текстов писателями. Если История, по известной цитате, «повторяется дважды - один раз как трагедия, а другой раз - как фарс» (Гегель), то литературный процесс - и на Западе, и на Востоке - непрерывная цепь свершения, можно сказать, подвигов во имя возможности «взять слово» (выражение марокканца Т.Бенджеллуна) - преодоления всякого рода запретов, терзаний, сомнений, оков старых традиций в поисках новых форм выражения, непризнания современников или наоборот - превращения в «массовое» искусство и т.д. и т.д. (примеров не счесть в истории всей мировой прозе, поэзии, драматургии). Миропорядок зависимости творца и от «тиранов», и от «толпы» (Пушкин), как это не кажется странным, вездесущ.

«ЧТО ДОЛЖЕН НОЧИ ДЕНЬ»?

Это слова алжирца Ясмینی Хадры, поставленные им в названии своего знаменитого романа [1]. Под «ночью» здесь подразумевается, естественно, прошлое, колониальная история страны (когда-то политический деятель и публицист Ферхат Аббас именно так и назвал свою книгу - «Колониальная ночь», 1964), имея в виду «завесу мрака» зависимости, опустившегося над Алжиром, к примеру, на долгие 130 лет). А слово «День» у современного алжирца звучит как «рассвет новой жизни», наступившей после завоевания страной свободы от Франции.

Эту «рассветную зарю» ждали многие - не только народы Магриба в своих национально-освободительных движениях и войнах, но и поэты и писатели-магрибинцы. В 50-х гг. XX в. это ожидание Нового дня достигло своего апогея. Марокко и Тунис освободились от протектората в 1956 г., а Алжир стал независимым в 1962 г.

Однако и само ожидание Нового дня в своей истории, и само осмысление своего Будущего как возможности жить не в тисках рабства, а в горизонтах Свободы и даже Равенства, и даже Братства, само выражение этого предвестия и надежды на возможность пришествия Нового Дня, как это ни парадоксально, но зародились именно в «Ночи». То есть в ней - в эпоху колониализма - «созрел тот тип и нового общественного, и нового художественного сознания, которыми был отмечен приход североафриканских писателей-магрибинцев в мировую литературу XX в.»²

Когда я говорю о «новом типе» художественного сознания, то, конечно, имею в виду, прежде всего, франкоязычную литературу магрибинцев, которая созрела и эволюционировала еще в недрах колониального общества, была своеобразным и необычным «продуктом» колониальной эпохи, противоречившим самому духу «колониальной» литературы, резко отличавшимся и от собственной, долго сохранявшей средневековый тип в арабской культурной традиции и словесности.

Необычность этого явления, а точнее - его особая самобытность, резко отличавшаяся от уже вполне зрелых традиций собственно колониальной литературы, главное - французской, заключалась в том, что все попытки политики «аккультурации автохтонов», даже самые, порой, искренние заботы «французских учителей» и наставников, таких, как Л.Бертран, Р.Арно, Э.Роблес и мн. др., привели к тому, что «местные» писатели, освоившие французский язык в школах европейских поселенцев в Магрибе и в их высших учебных заведениях, обратились, прежде всего, к защите «самосущности» магрибинцев, их давно обозначившейся необходимости сказать и рассказать «о себе», своими собственными устами и своим пером о подлинной жизни своих народов.

Отвернувшись от традиции колониальной экзальтации или сентиментального «покровительства» и обратившись поначалу к реалистическому бытописанию, а позднее и социально-критическому исследованию проблем своего общества, к выражению его и забот и надежд, связанных с будущим его развитием. Они использовали те традиции мировой культуры (и французской в том числе, которые учили Правде).

«Малая» и «большая» проза, поэзия (вобравшая в себя опыт французской поэзии эпохи Сопротивления) и драматургия франкоязычных магрибинских писателей постепенно оформилась уже к 60-м гг. XX в. в особую систему новой национальной словесности, опиравшейся на достижения мировой литературы и на

² Когда я пишу о «мировой литературе», имею в виду не отдельные образцы, заслуживающие особого внимания и почитания, «мировой славы» как таковой, но именно всемирный литературный процесс как развитие и эволюцию самой литературы.

ценности собственной, арабо-берберской цивилизации, где свято оберегались «заветы предков» отстаивать свою свободу и независимость.

Сейчас невозможно при изучении новой и новейшей истории, где очевидно пролег рубеж и эпох, и культур, обойтись без тех произведений, в которых был запечатлен смысл и дух перехода от колониальной зависимости (в любых ее формах) к независимому развитию новых национальных государств. Алжирцы Д.Дебеш, А.Джебар, А.Греки, М.Ферауна, М.Маммери, М.Хаддада, М.Диба, марокканцы Д.Шрайби, А.Сефриуйи, М.А.Лахбаби, тунисец А.Мемми навсегда оставили в своих произведениях неизгладимый след знания своей эпохи, ее характера, ее нерасторжимой связи с прошлым и с будущим своих народов.

Да, они, как и многочисленные другие их соотечественники-писатели, по сей день были и остаются «по-культурными», многоязычными (по этническому происхождению, по образованию), пишут по-французски и по-арабски, многие говорят и по-берберски, но однозначно выражают основные тенденции, противоречия, сложности и трудности своей эпохи, даже религиозные и межэтнические разногласия (Ж.Амруш, М.Таос, А.Мемми, Р.Буджедра, Р.Мимуни и мн. др.). Их свидетельства - бесценны.

Эпоха пробуждения национального самосознания, когда французский язык послужил прозаикам, поэтам и драматургам в Магрибе «оружием, выхваченным из рук врага» (Катяб Ясин), оставила образцы этапов взлета этого самосознания и попытки удержания его накала во время долгой войны за независимость в Алжире. А эпоха «утраченных иллюзий» и надежд, эпоха померкших лучей Солнца Свободы там, где уже начиналась постколониальное развитие, и новая реальность диктовала и подсказывала художнику новые формы самовыражения, оставила нестираемые от горечи разного рода «прозрений» следы груза новых трудностей и новых противоречий другого времени магрибинской истории.

Новые книги «классиков» - Д.Шрайби, М.Диба, М.Маммери и А. Мемми - стали «прощанием с прошлым», где зарождались и гибли надежды их героев, а произведения новой писательской волны эпохи 70-80-х и начала 90-х XX в., особенно в Марокко и в Алжире, становились почти документальной прозой, несущей в себе заряд нового осмысления эпохи и потенциал огромных художественных возможностей ее запечатления. Здесь и имена Р.Буджедры, Т.Бенджеллуна, А.Серхана, М.Тили, М.Хайреддина и магрибинцев, без произведений которых невозможно объективно оценить и итоги, и обретения новой эпохи и утраты многих идеалов борьбы за независимость.

В их книгах - не только особая «хроника» повседневности, но и концепция возможностей оценки или даже переоценки прошлого и настоящего в своих странах. А в книгах, созданных уже на исходе XX в. - в первом десятилетии XXI, да и совсем недавно - и прогнозирование возможностей будущего и Востока, и Запада (М.Диба, Я.Хадра, А.Джебар, Б.Сансаль и др.).

Сопровителения Прошлому, как и тому Настоящему, где остались как и оковы духовного и социального угнетения, как появились и выросли приметы и признаки нового гнета - бездуховности, цивилизации «туризма», неокOLONиализма Запада, «коррумпирующего» Власть, разрушающего основы культурной самобытности и «разъедающего» общество, вовлекающего его в сети нового рабства обещаниями «технологического рая» и обольщающего своим пониманием свободы как вседозволенности, приводит и «старых мастеров», и новое поколение магрибинских писателей к новому осмыслению и воплощению картины мира, их окружающего.

«ЧТО ДОЛЖЕН МИРАЖ ОАЗИСУ»

В названии и этого раздела - слова алжирца Ясины Хадры в заголовке его очередного романа (2015) [2], выбранные мной неслучайно.

На исходе 80-х - начале 90-х гг. XX в. уже практически все магрибинские писатели (достойные этого предназначения) зафиксировали, в разных способах и формах выразили, запечатлели в поэзии, прозе, драматургии, новеллистике приметы самобытности своих стран, необходимость обретения Независимости как самосущности, понимаемых как Освобождение от догм «старого мира» и симптомов «болезней» того нового, который настал, в общем-то, поставив диагнозы и колониальной, и постколониальной эпохе.

Не все из них спокойно, мудро и иронично отражали жизнь, ее реальность в недавнем прошлом и текущем настоящем времени (М.Диба, Д.Шрайби, А.Мемми, А.Сефриуйи, Т.Бенджеллун и др.). Были и отчаянные бунтари, «мятежники духа» - повстанцы, как сказал бы А.Камю, неистово отвергавшие всё Прошлое и свершившееся после Независимости, клеймили виновных и, порой, напрямую обвинявшие их в своих страстных повествованиях (марокканец М.Хайреддин или, к примеру, алжирец Р.Мимуни).

Были и другие, которые в процессе эволюции своего художественного творчества постепенно обращались к «миражам» того мира, где было возможно - в школах европейцев и в их библиотеках - обретение Знания. К тем «Оазисам» утраченного счастья, когда приходило понимание Жизни мира, условий челове-

ческого существования своих народов и других, когда возникала надежда на обретение и на возможность сохранения неких идеалов, доставшихся от «заветов предков» и усвоенных в «новой школе».

Хранителей этого знания было немало и среди учителей, и в недрах книг великих французских гуманистов, мечтавших о Свободе и Гармонии в миропорядке и среди своих «стариков», в их памяти. Естественно, что в этом Оазисе Знания постигались история своих народов и те основы «нового мышления», которые позволяли и сомнения, и резкий критицизм социальной и политической несправедливости, и даже мудрость сравнений и сопоставлений реальности Востока и Запада, и даже иллюзии слияния «горячих песков» родной Пустыни и «мрамора снегов» холодной чужбины (М.Тлили, Я.Хадра, М.Диб).

Да и «повстанчество» М.Хайреддина и отчаяние Р.Мимуни, полные смятения и горечи поиски причин бесконечной цепи исторических конфликтов книги Р.Буджедры во всех «временах и пространствах» - у себя на родине в Алжире - и во Франции, - как и грустная ирония (после почти беспощадности раннего социального критицизма) марокканца Д.Шрайби, поведавшего в своих последних книгах (конца 90-х - начала 2000-х гг.) как бы в манере «смеха сквозь слезы» (Беранже) о процессах превращения «светских реформ» в декорации разъединенного всеторжествующей коррупции и беспределом новой чиновничьей бюрократии своего родного Марокко (где ранние его книги были запрещены, а поздние - пользовались, наоборот, популярностью), - разве все эти способы «подачи сигналов» о «порядке» или «беспорядке вещей» (Р.Буджедра) в родных обществах - не усвоены в Оазисе Знания?

И разве исполненные тоской и даже яростью книги о «предательстве заветов предков», повелевших «хранить родную землю», об утрате «талисманов» Жизни и Свободы, о разрушительных процессах «модернизации» как искоренения самобытности (тунисцы А.Меддеб, Т.Бекри, М.Тлили, алжирцы М.Диб, М.Тенгур и др.) - не плод сравнения Оазисов Знания с наступлением «песков Новой Пустыни», которые сокроют и сотрут с лица земли и сами Оазисы, и все «человеческое» [3].

Но порой и наследники великих гуманистов - магрибинские литераторы - профессиональные социологи и их талантливые соотечественники, по профессии - «естествоиспытатели», как, к примеру, физик Б.Сансаль, химик Д.Шрайби или врач по образованию М.Моккедем, не только поставят диагноз новейшим переменам в истории своих народов как «забвение идеалов поисков Свободы» (см. романы М.Моккедем³), но и печальным явлениям в современной истории Франции, где, как и во многих странах Востока, нарастают тенденции развития радикального исламизма, приводящего к террору, но и дается смелое, диагностическое их определение.

Алжирец Б.Сансаль его сформулировал как «неофашизм» (роман «Деревня немца», 2008) [4].

ЗА ПРЕДЕЛАМИ РЕАЛИЗМА И РОМАНТИЗМА

Можно было бы сказать, что историческая обусловленность литературы франкоязычных магрибинцев повлекла за собой и формирование в ней тех художественных методов, направлений, жанров, стилей, которые, в основном, присущи западному искусству слова, да и другим художественным явлениям.

Но при этом надо отметить, что каждый из писателей-магрибинцев (впрочем, как и всякий другой «рисующий жизнь» творец), так или иначе, делает это и согласно не только с условиями своего воспитания в той или иной среде обитания, и согласно с возможностями своего образования, но и с невозможностью оторваться от основной проблемы своего творчества, в которой, прежде всего, ощущается «зов родных корней» (выражение марокканского писателя Т.Бенджеллуна), связанность с родной землей, с ее историей, с ее настоящим, с ее традициями, с заботами о ее будущем. Без этого невозможно просто расположить того или иного художника в русле принадлежности к той или иной культуре. Если где-то и случается нечто вполне абстрактно-космополитическое и просто как бы «общечеловеческое», понимаемое, порой, в пределах уже космогонических «фэнтези», не обусловленное ни временем, ни пространством, повлиявших на того или иного писателя или художника.

Вернувшись в литературное пространство магрибинцев, мы не могли не отметить и скрупулезное, почти этнографическое бытописание этапа борьбы за независимость, и социальный реализм, уже очевидный в творчестве писателей и 50-х, и 60-х, и 70-х гг. XX века. Это особый наказ романтизма эпохи пробуждения национального самосознания и романтическая героизация тех лет, когда уже слегка «подзабылись» герои, боровшиеся за Свободу; острый социально-политический критицизм постколониального времени; пафос вполне реального развенчания происходящего в условиях политики «тотальной арабизации культуры» в полиэтнических странах Магриба, когда закрывалась в Алжире в Университете кафедра берберологии. Писатели - берберы по происхождению повсюду в Магрибе - в защиту своей культуры создавали весьма внушительные зарисовки жизни своего народа и литературные параллелизмы с истреблением индейцев в

³ О ее творчестве см. в нашей работе «Магрибинки рассказывают...».

Америке, да и иллюзорно-романтические надежды на «омовение старой земли некоей морской, «соленой стихией», разъедающей «цепи всякого рабства» [5].

А когда шло наступление эпохи «передела Власти» в уже независимых странах, создавались и народные эпосы, и романы о национально-освободительном движении в Магрибе и войне новой, гражданской, в Алжире уже в 1990-х гг., или даже метафорические ее фрески, «по живому»⁴, почти документально засвидетельствованному во многих художественных произведениях. Всё это - итоги глубокой связи писателей-магрибинцев с родной землей. Как и яркая их социально-политическая публицистика, проблемно порой воплощенная и в художественные произведения о жизни своих соотечественников на Западе. Или как сегодня уже просто необходимая многим «читателям» публицистика - и историко-политическая, историко-религиозная, представленная в творчестве таких крупных прозаиков, как тунисцы А.Мемми и А.Меддеб, неустанно свидетельствовавших и о психологической «трансформации» личности бывших колонизованных [6].

Но если некоторые современные писатели еще как-то пытаются совместить свои идеалы с почти исчезнувшими «Оазисами» идеалов на родной земле, то другие всё еще ностальгируют по реальным, родным оазисам, где-то в глубинке родной земли, на краю пустыни, спасавшими юношеские воображение и надежды увидеть **всю** свою землю «цветущим садом», где сбылись все идеалы, где возможно хотя бы временное избавление от Пустыни разочарований и утрат иллюзий, вернувшись в них.

Есть немало и тех писателей, которые безжалостно дегероизируют и демифологизируют Прошлое своих стран, представляя его в образах постоянного «обездоливания», «отнятия» жизни у народа, насилия Запада, временем, исполненным угнетения, засилья патриархальных традиций и обреченностью на рабство женщин-мусульманок [7].

Конечно, и здесь, как и во всяком художественном произведении, не обходится без вымысла и гиперболизации, без глубинной тоски - «ностальгии по настоящему», - но не случайно, что именно современная, сегодняшняя история, реальность окружающего почти заставляет художников подойти к пределам, за которыми возможны уже не диагнозы, но прогнозы будущего развития и Востока, и Запада.

И книги Буалема Сансая последних лет [8] - это уже очевидные «антиутопии», которые, однако и увы, основаны не на вымысле, но на фактах реальности. А это, безусловно, необходимо для прогнозирования будущего общественного и политического развития в мире.

О фактах на Западе, где, порой, случались странные события, касающиеся североафриканских эмигрантов, фиксируемые повсюду СМИ и отраженные в творчестве магрибинских писателей, уже начиная с середины 50-х и, особенно, в 70-х гг. XX в. (Д.Шрайби, Т.Бенджеллун, Р.Буджедра) [9], знали, к примеру, об «особенностях французского гостеприимства» или, позднее, «изъянах» попытки интеграции мигрантов.

Очевидно, что симптомы и даже диагнозы «внутренних болезней» Французской Республики были недостаточно учтены как уроки, грозящие другой бедой - возможностью превращения особой формы расизма в террор радикализующегося исламизма. В книге Б.Сансая, вышедшей в 2018 г. («Поезд из Эрлингена») [10], есть своеобразное эхо тех событий, которые были отражены еще в книге 1975 г. Р.Буджедра «Идеальная топография для характерной агрессии» (пер. на русск. яз. в 1980 г.). Только сегодня - всё наоборот: тогда фашиствующие молодчики напали в метро на несчастного сбившегося с пути араба-эмигранта и убили его велосипедной цепью за «назойливые» расспросы о том, куда и «как ему добраться». Это был факт документальной хроники. Но и сегодня засвидетельствовано «нападение» в метро. Только это уже - другое. Попытка сбросить под поезд в метро несколькими североафриканцами пожилую европейку, попросившую их уступить ей место в вагоне этого поезда.

Факт, отраженный и в СМИ, и в упомянутой выше книге Б.Сансая из уже ставшей, увы, привычной хроники текущей реальности Франции, где особенно усилились вспышки разного рода исламского терроризма (вплоть до взрыва в 2021 г. бомбы в соборе Ниццы). Но этот факт превращен писателем в **прогноз** психологического состояния постоянного напряжения, в котором живут европейцы (повествование писателя продолжено и о Германии), состояния постоянного ожидания «исламской угрозы», «нашествия исламистов».

Но о прогностическом характере творчества алжирского писателя последних лет можно было бы говорить не столь уверенно, если бы те недавние события в Афганистане в августе 2021, которые позволяют сделать такие выводы. Ведь в романе Б. Сансая, названном «2084» [11], была запечатлена в форме «антиутопии» уже свершившаяся власть радикализованной до крайностей средневекового мракобесия той религии, которая «Во имя Бога Всемогущего» лишает людей нормальной жизни, закрывает школы, заставляет забыть все «дороги прогресса», существовавшие в прошлом, и даже замкнуть народ в круге нищеты и голода. Конечно, есть и другие горизонты осмысления художниками проблем современного состояния мироустройства и на Востоке, и на Западе, где уже, так или иначе, сосуществуют разные народы и религии, и где в душах многих людей живет надежда на то, что поликультурность - это богатство. Это ярко запечат-

⁴ См. подр. наши работы: Смятение, М., 20113; «Алжирская сюита». М., 2014.

лели в своем творчестве алжирцы по происхождению, или живущие в Алжире писатели, такие, как Джюра, А.Бегар, М.Шариф, М.Бей и др. Это доказывают тунисцы Т.Бекри, М.Меддеб.

И марокканец Т.Бенджеллун. Этот всемирно известный писатель, продолжая хранить в душе образ Отчизны, где есть Дом как оплот вечно живых традиций предков, завещавших «охранять родную землю», беспощадно критикуя монархию как источник «отсутствия Света» на этой земле и даже торжества Мрака, подобного каторге [12], покажет и возможности обретения «человеческого согласия» и «примирения», принятия - безусловного, как факт, - таких понятий как самобытность, этно-конфессиональная специфика и другие «различия», сосуществующие в лоне одной земли.

Их, этих различий, стало множество только на одной земле - Франции (да и в Италии, в Германии и т.д., а Россия - издавна многонациональна). Люди просто должны жить. Во имя сохранения общечеловеческой цивилизации [13].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Долгие годы исследования истории и эволюции новой художественной системы в магрибинской словесности, развивающейся вот уже скоро почти столетие и на французском языке, наводит на мысль о том, что она может, как и повсюду в странах постколониальной Африки, позволить себе и некие формы «массовизации» культуры, изменив, к примеру, форму прозы - от романа к новеллистике, более «доступной», более «актуализированной», в малом объеме позволяющей поведать и о личном, и об общественно значимом. Как, к примеру, выбор между «прогрессивной эмансипацией» или стремлением к охранению Семьи и Дома, живущих в нем традиций и обычаев. (Вспомним одну мудрость: «Традиция - это не поклонение пеплу, а факел, передаваемый из поколения в поколение».)

Но никогда, как свидетельствуют многочисленные источники, литературное франкоязычие магрибинцев, не опускалось ниже градуса той художественности, за пределами которой - только увлекательно-развлекательные «нарративы», где исчезает проблема не только «воспитания» человеческого духа, но и превращение его чувств лишь в потребность «хлеба и зрелищ». Путь нелегкий, но благородный.

REFERENCES

1. Yasmina Khadra. Ce que le jour doit à la nuit. P., 2005.
2. Yasmina Khadra. Ce que le mirage doit à l'Oasis. P., 2018.
3. Meddeb A. Talismano. P., 1987; Tlili M. L'après-midi dans le désert. P., 2008; Bekri T. L'invocation du désert. P., 2019; Dib M. Le désert sans détour. P., 1992; Tengour M. Les chercheurs d'os. P., 1999, и др.
4. Sansal B. Le village d'Allemand. P., 2008.
5. См.: Ben Jelloun T. Hommes sous lincol du silence. P., 1976, и др.
6. Ben Jelloun T. L'hospitalité française. P., 1976; Memmi A. Portrait du décolonisé. P., 2008; Meddeb A. L'exil occidental. P., 2005 и др.
7. См.: Boudjedra. La dépossession. P., 2016; Sensal B. Ru Darwin. P., 2011; Djébar A. Nulle part dans la maison du mon père. P., 2015.
8. Sensal B. 2084, ou la fin du monde. P., 2015. Le train d'Erlinger. P., 2021.
9. Chraïbi D. Les boucs. P., 1956; Boudjedra R. La topographie idéale pour l'agression caractérisée. P., 1975, и др.
10. Sensal B. Le train d'Erlinger. P., 2018.
11. Sensal B. 2084, ou la fin du monde. P., 2015.
12. Ben Jelloun T. Au pays. P., 2009; «Cette aveuglante absence de la lumière. P., 2001.
13. Ben Jelloun T. Les raisins de la galère. P., 1997; «Les yeux baissés. P., 1991; Yasmina Chami. La cérémonie. Rabat, Paris, 1999

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Прохогина Светлана Викторовна, доктор филологических наук, профессор, гл.н.с. Отдела сравнительной культурологии, ИВ РАН, Москва, Россия; член Союза писателей России; член редколлегии журнала «Азия и Африка сегодня», Москва, Россия.

Svetlana V. Prozhogina, Dr.Sc. (Philology), Professor, Principal Researcher, Department of Comparative Cultural Studies, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences; Member, Editorial Board, "Asia and Africa today" journal, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 27.12.2021

Доработана после рецензирования
(Revised) 05.02.2022

Принята к публикации
(Accepted) 10.03.2022

Воспоминания как источник и историческое исследование

© Горелик Б.М.^a, 2022

^a Институт Африки РАН
Москва, Россия

ORCID: 0000-0001-8839-3889; boris.gorelik@inafr.ru

Рецензия на книгу: **Шубин В.Г. От Каира до Кейптауна. Африка глазами русского человека.** М., ИАФР РАН, 2022. 284 с., илл. 10 с. ISBN 978-5-91298-269-9

Ключевые слова: национально-освободительная борьба, Юг Африки, Африканский национальный конгресс, движение солидарности, Советский комитет солидарности стран Азии и Африки, объективность в мемуарной литературе

Для цитирования: Горелик Б.М. Воспоминания как источник и историческое исследование. *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 4. С. 77-76. DOI: 10.31857/S032150750019742-8

A personal account as a historical source and a work of history

© Boris M. Gorelik^a, 2022

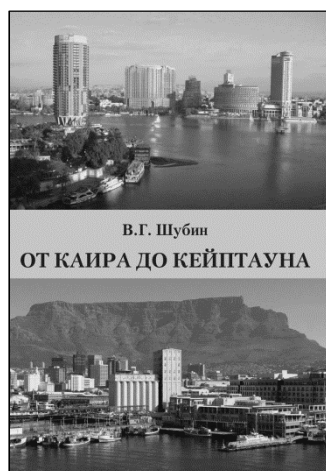
^a Institute for African Studies, Russian Academy
of Sciences, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0001-8839-3889; boris.gorelik@inafr.ru

Review of the book: **Shubin V.G. From Cairo to Cape Town as a Russian saw it.** Moscow, 2022. 284 p, ill 10 p. ISBN 978-5-91298-269-9

Keywords: freedom struggle, Southern Africa, African National Congress, solidarity movement, Soviet Afro-Asian Solidarity Committee, objectivity in memoirs

For citation: Gorelik B.M. A personal account as a historical source and a work of history. *Asia and Africa today*. 2022, № 4. Pp. 73-76. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750019742-8

В современной отечественной историографии Юга Африки новую монографию В.Г.Шубина - «От Каира до Кейптауна. Африка глазами русского человека» (М., ИАФР РАН, 2022. 284 с., илл. 10 с.) - можно сравнить с воспоминаниями историка-африканиста А.Б.Давидсона, экономиста и дипломата В.Г.Солодовникова и сотрудника Советского комитета солидарности стран Азии и Африки (СКССАА) В.Н.Тетёкина¹.

Автор подчеркивает, что его книга - «не мемуары», а рассказ о том, «как Африка менялась в течение нескольких десятилетий, какую роль в этом играла наша страна» (с. 5). Но специфика текста позволяет отнести её к мемуарному жанру как разновидности документальной литературы.

Мемуарами считается «повествование участника или свидетеля общественно-политической, социальной [...] жизни о событиях, свидетелем или действующим лицом которых он был, а также о людях, с которыми он общался»². Такому определению соответствует монография участника движения солидарности, посвященная осмыслению исторического контекста пер-

¹ См., например: Давидсон А.Б. Письма с мыса Доброй Надежды. М.: НИУ ВШЭ, 2017; Солодовников В. Г. Дом Африки в Москве: Староконюшенский, 16: взгляд на историю Института Африки из директорского кабинета: 1959-1976 годы: документы, воспоминания, отечественная и зарубежная литература, материалы из личного архива. М.: ИАФР РАН 2011; Солодовников В.Г. СССР и Южная Африка 1987-1991: «Я выступал против политики Горбачева-Шеварднадзе в Южной Африке». М.: ИАФР РАН, 2002; Тетёкин В.Н. Африканист. М., 2011.

² Николюкин А.Н. Литературная энциклопедия терминов и понятий. М.: Интелвак, 2001, с. 524.

вых десятилетий его работы. В то же время эта книга не об авторе в определенную эпоху, а об эпохе глазами автора.

В.Г.Шубин освещает взаимодействие руководства национально-освободительных движений (НОД) с советскими чиновниками разного уровня, вплоть до генеральных секретарей ЦК КПСС в 1960-1980-е гг. Но треть монографии посвящена не Тропической Африке, а другим регионам.

Автор рецензируемого труда в вузе изучал язык пушту, специализировался по Афганистану, а затем 4 года работал в Египте переводчиком на советских военных самолетах и в штабе египетских ВВС. Его воспоминания о том времени будут интересны исследователям советского присутствия на Ближнем Востоке.

С 1969 г. В.Г.Шубин - сотрудник СКССАА. В обязанности секретаря по Африке входило поддержание повседневных связей с организациями, боровшимися против колониально-расистских режимов в Анголе, Мозамбике, Гвинее-Бисау, Зимбабве и Намибии (с. 84). В этом качестве он совершал многочисленные поездки в африканские страны, организовывал прием делегаций в Москве, содействовал выполнению их запросов о подготовке бойцов в нашей стране, приеме членов НОД для лечения и отдыха, обучении в советских вузах и других учреждениях, предоставлении оборудования и материальной помощи.

В 1982 г. автор перешел в Международный отдел ЦК КПСС (МО ЦК), координировавший действия советских госструктур и общественных организаций, взаимодействовавших с НОД, и через 7 лет был назначен зам. руководителя Группы Африки. Он курировал сотрудничество с Народной организацией Юго-Западной Африки (СВАПО), Африканским национальным конгрессом (АНК), Южноафриканской коммунистической партией (ЮАКП), обеспечение политической учебы их активистов, содействие в организации подполной работы и помощи в вооруженной борьбе.

Южноафриканские и западноевропейские рецензенты монографий В.Г.Шубина по истории НОД в Африке отмечали исключительную информативность этих работ, внимание к самостоятельным действиям этих движений, а также чаяниям и стремлениям африканцев. При этом рецензенты критиковали исследователя за «некритический подход», неспособность отрешиться от его «политико-идеологических установок» для адекватной оценки действий Советского Союза на юге Африки³.

Особенно ярко авторская позиция проявляется в его новой книге, поскольку «непременным свойством» произведений мемуарного жанра является субъективизм в отборе, анализе и интерпретации фактов⁴. В.Г.Шубин участвовал во многих исторических процессах, которые он описывает, или активно содействовал им. Тем не менее, он считает, что «при любом опыте исследователя объективная оценка все же возможна» (с. 5-6).

К мемуарному жанру неприменим методологический принцип гуманитарного познания, который М.М.Бахтин⁵ назвал «внеаходимостью» исследователя «во времени, в пространстве, в культуре - по отношению к тому, что он творчески хочет понять»⁶. Но она остается недостижимым идеалом и для историка, потому что историческое познание социально ангажировано. Изучая общество и одновременно принадлежа к нему, историк - всегда заинтересованная сторона, и его отношение к предмету исследования заметно в его работе⁷. Более того, стремление к нейтральности противопоказано историку, потому что заинтересованность в предмете исследования нужна для всестороннего анализа исторического процесса⁸.

Субъективизм не всегда позволяет мемуаристам критически оценивать самовосприятие и поведение участников исторического процесса. Однако это не уменьшает ценности мемуаров как исторического источника, поскольку они помогают воссоздать многоплановую картину исторического опыта для понимания прошлого. Непосредственность авторских суждений проясняет систему ценностей и представления социальной группы, к которой принадлежал автор⁹ [13, с. 13].

³ Gerhart G.M. 2000. ANC: The View from Moscow, by Vladimir Shubin. *Foreign Affairs*. Vol. 79, № 2, p. 178; Meyer M. 2013. Review: ANC: A View from Moscow by Vladimir Shubin. *Science & Society*. Vol. 77, № 1, pp. 139-141; Molapo R. Review of Shubin, Vladimir, ANC: A View from Moscow. <http://www.h-net.org/reviews/showrev.php?id=4475> (accessed 25.03.2022); Van Kessel W.M.J. 1999. Koude Oorlog, of toch strijd tegen racisme? *Zuidelijk Afrika*. Vol. 3, № 3, p. 49; Visser D. 2009. Review: The Hot "Cold War": The USSR in Southern Africa. *Scientia Militaria: South African Journal of Military Studies*. Vol. 37, № 2, pp. 136-139. DOI: 10.5787/37-2-74.

⁴ Николокин А.Н. Литературная энциклопедия терминов и понятий. М.: Интелвак, 2001. Стб. 525.

⁵ Михайл Михайлович Бахтин (1895-1975) - русский философ, культуролог, литературовед (прим. ред.).

⁶ Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. С. 353.

⁷ См.; Могильницкий Б.Г. Некоторые итоги и перспективы методологических исследований в отечественной историографии. *Новая и новейшая история*. 1993. № 3. С. 16.

⁸ Megill A. *Historical Knowledge, Historical Error: A Contemporary Guide to Practice*. Chicago; London: University of Chicago Press, 2007, p. 111.

⁹ Репина Л.П. Историческая культура как предмет исследования. *История и память: историческая культура Европы до начала нового времени*. М.: Круг, 2006, с. 13.

В новой книге В.Г. Шубина обращают на себя внимание свойственные ему и, вероятно, его коллегам по СКССАА и МО ЦК безусловная поддержка и уважение к стремлению народов Азии и Африки освободиться от колониального гнета и апартеида. Сотрудники этих организаций не только способствовали оказанию помощи НОД, но и во многом формировали отношение советского правительства к этим движениям.

Не могут и не должны быть беспристрастными мемуары деятеля движения солидарности, который принимал близко к сердцу успехи и поражения национально-освободительных движений. В.Г.Шубин занимался поддержкой НОД, в т.ч. по личным причинам - его отец во время Великой Отечественной войны возглавлял областной штаб партизанских отрядов (с. 73). Когда в 1970 г. в Москве стало известно о расколе в руководстве Союза африканского народа Зимбабве (ЗАПУ), который собирался развернуть вооруженную борьбу против режима Я.Смита, В.Г.Шубин сказал: «Жить не хочется». Его разочарование разделяли все коллеги, непосредственно занимавшиеся связями с этим движением (с. 111).

Глубоко переживал он и ликвидацию в августе 1991 г. Международного отдела ЦК, который курировал связи с АНК. Правительство считало нецелесообразной поддержку этой партии и сосредоточилось на налаживании отношений с южноафриканским правительством. Зато на первой конференции АНК после легализации этой партии В.Г.Шубина горячо приветствовали ее руководители, а рядовые члены устроили ему долгую овацию. Автор книги считает символичным, что победа АНК на первых нерасовых выборах 9 мая 1994 г. совпала с отечественным Днем Победы (с. 250, 265).

По мнению Б.Г.Могильницкого¹⁰, основной тенденцией историографии стали изучение «мира человеческой субъективности» и его влияния на действия людей, а также интерес к диалектике объективного и субъективного в историческом процессе и историческом познании¹¹. Эта тенденция проявляется в книге В.Г.Шубина, которая представляет собой не только мемуары, но и комплексное историческое исследование. Степень научности интерпретации прошлого зависит от того, насколько такая интерпретация базируется на исторических фактах. В новой книге В.Г.Шубина, так же как и в его предыдущих работах, утверждения подкреплены документально.

Автор десятилетиями изучал содействие Советского Союза НОД стран Африки и Ближнего Востока. Впечатляет разнообразие использованных им источников. Это его дневники и другие записи, документы из его личного собрания, а также из государственных и университетских архивов России и Южной Африки, воспоминания ветеранов НОД, российских и южноафриканских общественных и государственных деятелей, отечественные и зарубежные исследования. Автор делится своими наблюдениями по итогам встреч с лидерами НОД и руководителями африканских государств. Их высказывания, впервые процитированные в монографии, были задокументированы только в его записных книжках и, возможно, в архивных фондах, которые еще закрыты для исследователей.

Можно согласиться с утверждением В.Г.Шубина о неприемлемости рассмотрения поддержки НОД преимущественно в контексте соперничества сверхдержав и «холодной войны». С конца 1980-х советское руководство пыталось разрешить конфликты на Юге Африки за счет достижения взаимопонимания с Западом, разрешения противоречий эпохи «холодной войны». Но урегулирование путем переговоров в ЮАР стало возможным, главным образом, благодаря усилиям самих южноафриканцев (с. 252-253). Такой подход соответствует актуальной тенденции в историографии: пристальному вниманию к самостоятельности НОД, их умению выстраивать отношения с различными силами, использовать международную ситуацию для достижения политических целей.

Автор свидетельствует, что советские руководители не ставили предоставление помощи в зависимость от выбора «некапиталистического пути развития». Напротив, они предостерегали лидеров НОД от «забегания вперед», от «строительства социализма», а то и его провозглашения в тех странах, где для этого не было реальных условий» (с. 194-195). Ни на одной встрече руководителей советского государства и АНК с 1982 г. не шла речь о построении социализма после прихода этой партии к власти в ЮАР (с. 243).

Тем не менее, представляется, что, поскольку АНК действовал в союзе с южноафриканскими коммунистами и руководствовался «Хартией свободы», предполагавшей масштабную национализацию, советские собеседники лидеров этой партии были вправе ожидать, чтобы она будет придерживаться социалистической ориентации.

В.Г.Шубин откровенно рассказывает о проблемах НОД и не всегда комплиментарно отзываясь об их деятельности, а также о способах поддержки этих сил Советским Союзом и другими государствами, прослеживает изменения в отношении к этим движениям правительства СССР и других социалистических стран. Например, многолетнее пребывание членов АНК в эмиграции на полном обеспечении порождало у некоторых из них иждивенчество, что стало предпосылкой стремления «к достижению личного благополучия позднее, после прихода АНК к власти, вне зависимости от условий жизни большинства» (с. 210).

¹⁰ Могильницкий Борис Георгиевич (1929-2014) - советский/российский ученый, д.и.н., профессор (прим. авт.).

¹¹ Могильницкий Б.Г. История исторической мысли XX века. Вып. III. Томск: Из-во Томского университета, 2008. С. 39.

Ослабление сотрудничества с АНК и другими испытанными союзниками в регионе, а также «деградация позиции по отношению к режиму Претории», по мнению автора, нанесли большой ущерб интересам СССР (с. 236). В.Г.Шубин, считает контрпродуктивным отказ Советского Союза и, впоследствии, России от влияния на АНК и ЮАКП во время переговоров с правительством ЮАР. Смена политического курса в Москве способствовала уменьшению международной напряженности, которое облегчило политическое урегулирование в Южной Африке, но советское руководство строило отношения с уходящим правительством Национальной партии в ущерб связям с будущим правительством АНК (с. 237-239).

По мнению многих рецензентов, после прочтения работ В.Г.Шубина остается впечатление, что основной причиной советской поддержки НОД было желание вступить за слабого и угнетенного, поддержать борьбу за правое дело¹². Новая книга производит такое же впечатление, хотя В.Г.Шубин не утверждает, что этические факторы были самыми важными. Возможно, так происходит потому, что эти факторы были наиболее существенными для самого автора.

По словам автора, его работа была связана с романтикой «коминтерновского» типа» (с. 21). Его коллега по СКССАА называет помощь Советского Союза НОД и правительствам новых независимых государств «походом в Африку»¹³. Подобным образом характеризует проникновение СССР на этот континент и В.Г.Шубин: это было продвижение участников и сторонников борьбы за национальное освобождение с севера на юг Африки, от Каира до Кейптауна (с. 265).

На высших уровнях советской иерархии помощь африканским странам и НОД рассматривалась как средство решения стратегических и геополитических задач, способ изменить соотношение сил в мире в пользу социалистического лагеря. А те, кто ежедневно взаимодействовал с африканцами по линии МО ЦК КПСС, СКССАА и других советских организаций, считали своей главной задачей поддержку африканских государств и прогрессивных деятелей, многие из которых стали их товарищами или друзьями. Они гордились причастностью к борьбе за освобождение африканских народов от колониализма и неоколониализма¹⁴.

В отечественной историографии остается малоизученным отношение населения Советского Союза к финансированию и другим видам солидарности с НОД, особенно во второй половине 1980-х гг., при обострении политико-экономического кризиса в стране. СКССАА считался общественной (неправительственной) организацией, но действовал «под довольно твердым контролем Международного отдела ЦК» (с. 85). До какой степени обычные советские граждане разделяли энтузиазм профессиональных деятелей движения солидарности? Исследователям еще предстоит ответить на этот вопрос.

Монография В.Г.Шубина займет важное место в отечественной историографии национально-освободительного движения в Африке и на Ближнем Востоке.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Горелик Борис Моисеевич, кандидат исторических наук, ст.н.с. Центра исследований Юга Африки, Институт Африки РАН, Москва, Россия.

Boris M. Gorelik, PhD (History), Senior Researcher, Centre for Southern African Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 25.02.2022

Доработана после рецензирования
(Revised) 12.03.2022

Принята к публикации
(Accepted) 31.03.2022

¹² Gerhart G.M. 2000. ...; Meyer M. 2013. ...; Van Kessel W.M.J. ...

¹³ См.: Тетёкин В.Н. Африканист. М., 2011. С. 8.

¹⁴ Там же. С. 4-6.

Личная жизнь основателя Пакистана

© Белокреницкий В.Я.^a, 2022

^a Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
ORCID ID: 0000-0001-8471-928X; enitsky@yandex.ru

Рецензия на книгу: **Анна Суворова. Разум и чувства: личная жизнь Мохаммеда Али Джинны** (М., ИВ РАН, 2021. 232 с.)

Ключевые слова: Пакистан, М.А.Джинна, жена Джинны Ратти, сестра Фатима Джинна, А.А.Суворова

Для цитирования: Белокреницкий В.Я. Личная жизнь основателя Пакистана. *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 4. С. 77-79.
DOI: 10.31857/S032150750019743-9

Private life of Pakistan's founder

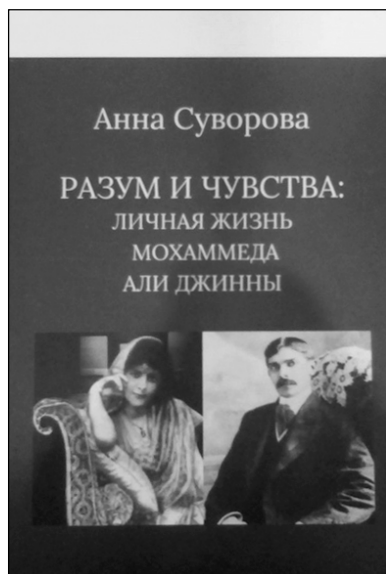
© Belokrenitsky V.Ya.^a, 2022

^a Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID ID: 0000-0001-8471-928X; enitsky@yandex.ru

Review of the book: **Anna Suvorova. Mind and Senses: Private Life of Mohammed Ali Jinnah** (Moscow, 2021. 232 p.) (In Russ.)

Keywords: Pakistan, M.A.Jinnah, Ratti - Jinnah's wife, sister Fatima Jinnah, A.A.Suvorova

For citation: Belokrenitsky V.Ya. Private life of Pakistan's founder. *Asia and Africa today*. 2022, № 4. Pp. 77-79. (In Russ.).
DOI: 10.31857/S032150750019743-9

Во время моих телефонных бесед с *Анной Ароновной Суворовой*, автором книги «**Разум и чувства: личная жизнь Мохаммеда Али Джинны**» (М., ИВ РАН, 2021. 232 с.), в период, когда она самозабвенно работала над рукописью, мы часто говорили, что её книга просто «обречена на успех» в англоязычном мире¹ и, прежде всего, в Пакистане.

Действительно, идея монографии косвенно, не напрямую, подсказана пакистанским другом автора, крупным издателем Аминой Саид. Об этом автор пишет в 1-й главе, посвященной образу Джинны в литературе о нем. Об основателе Пакистана, как его официально называют в первой Конституции страны, написано много биографических книг, но ни одна не уделяет основного внимания личной жизни М.А.Джинны (1876-1948) во всей ее полноте и всеохватности с момента его рождения до самой смерти. В этом оригинальность и новизна выполненного А.А.Суворовой исследования.

Уверен, что книга о личной жизни М.А.Джинны, выпущенная в издательством ИВ РАН, будет пользоваться успехом и в России, и шире - среди русскоязычных читателей. Для того есть, по меньшей мере, три основания.

Во-первых, она блестяще написана. Автор превосходно владеет литературным языком, исключительно точно, метко и в то же время сдержанно использует его возможности. Ее проза богата деталями, точными и сочными зарисовками: пишет ли она об украшениях жены Джинны и других дам, или о красотах особняков, которые он занимал, об улочках и архитектуре Карачи, где Джинна родился, Бомбея, который он любил больше других городов, Лондона, в котором провел долгие годы.

¹ А.А.Суворова готовит перевод своей книги на английский язык (прим. авт.).

Вторая причина интереса нашего читателя, причем как профессионала, так и просто интересующегося Востоком, это россыпь сведений по истории Индостана, его культуре и обычаям, быту и судьбам людей, и опять же - крайне важным деталям, характеризующим не только жизнь и политику эпохи Джинны, но и Пакистан, особенно первого периода его существования. Последнему сюжету, связанному с пакистанским национализмом и патриотизмом, сохраняющейся до сих пор символикой (флагу, гимну и т.п.) посвящена отдельная, 9-я глава, книги. Следует отметить эрудицию автора в вопросах не только истории Южной Азии, но и в мировых историко-культурных явлениях, что в какой-то мере неудивительно, поскольку первая специальность автора - филологическая, литературоведческая.

Еще одним фактором, который обеспечит интерес читателя, состоит в том, что хотя А.А.Суворова старалась не касаться политической деятельности «отца-основателя» Пакистана и не уделяла ей специального внимания, книга, тем не менее, дает немало для понимания истоков и самого процесса борьбы за создание отдельного мусульманского государства на обломках Британской империи в Индии. И дело не только в упоминаниях о некоторых политических решениях, которые на том или этапе своей жизни принимал Джинна, но и в том, что мы находим в книге сведения о его контактах с другими видными политическими деятелями эпохи 1910-х - 1940-х гг., таких, как лидеры Индийского национального конгресса Г.К.Гокхале, М.К.Ганди и др. В этом плане наибольший интерес вызывает 8-я глава, повествующая о друзьях и недругах М.А.Джинны.

И все же главным персонажем монографии, помимо самого Джинны, является его вторая жена Ратти (первая умерла в 16 лет вскоре после традиционной мусульманской свадьбы). Браку с ней посвящены три главы - с 4-й по 6-ю. Второй брак длился недолго, поскольку Ратти умерла в 29 лет (в 1929 г.), оставив Джинне дочь Дину, чьей жизни (а она прожила 100 лет) посвящается 7-я глава.

Главы о Ратти (Ратанбаи Петит) составляют лирический центр повествования, поскольку в них Джинна предстает в роли влюбленного жениха, счастливого на первых порах мужа и разочарованного в супружеской жизни человека. О деталях этой трехчастной драмы замечательно повествуется в книге, полной подробностей, но не пикантных, а жизненных, связанных со средой, в которой вращались супруги на протяжении чуть более 10 лет совместной жизни.

Надо отметить, что Ратти было всего 18 лет, когда она вышла замуж за Джинну, который был старше ее на 24 года. Их брак «взорвал» высшее общество Бомбея и всей Индии, поскольку она, дочь богатейшего представителя общины парсов (индийских персов, зороастрийцев по вере), ради замужества приняла ислам и порвала с семьей отца. Очень красивая, экзальтированная и своевольная Ратти рано проявила интерес к политике и даже участвовала в некоторых акциях неповиновения властям. Автор книги рисует благожелательный портрет единственной любви Джинны, не скрывая, впрочем, ее недостатков, которые привели, в конечном счете, к охлаждению между супругами и разладу в семье. Болезнь и похороны Ратти описаны в книге посредством выдержек из рассказов ее друзей и знакомых, писем и воспоминаний. Смерть жены означала для Джинны окончательное прощание с «чувствами» и всецелому переходу к «разуму».

Кстати, главы о «светском» периоде жизни Джинны наталкивают на мысль об узости национальной элиты колониальной Индии первой трети XX в. и ее плотных социальных контактах с высшими представителями колониального аппарата, вице-королями, губернаторами и т.д. Чтение рецензируемой книги дает возможность ощутить чувство равенства и равноправия, которое давало местной знати обладание доходами, богатствами, средствами для роскошной жизни. Рассмотренная с этого угла, борьба за независимость от англичан на том этапе представляется во многом фрондой, или лучше, судебной тяжбой, где местная аристократия пыталась выиграть дело против носителей колониальной власти, не порывая с порядками, которые та ввела.

В этом, по сути, нет чего-то нового, новизну привносит картина жизни верхов, где наряду с англичанами фигурируют богачи из среды предпринимателей-парсов, адвокатов-мусульман, к которым принадлежал сам Джинна, интеллектуалов, поэтов и теософов из среды индуистов. При этом основное место в книге занимают среди них женщины, что, как мне представляется, делает книгу еще более востребованной у нашей аудитории.

Очевидно из выше отмеченного, что 3 первые главы книги отданы происхождению, детским и юношеским годам героя повествования, его отцу, матери и сестре Фатиме Джинне, которая стала ему ближайшим другом на этапе борьбы за Пакистан и играла видную роль в политической жизни страны (на президентских выборах 1965 г. была главным соперником президента Айюб Хана), выполняя функцию, которая часто выпадает на Востоке вдовам национальных лидеров².

² Очерк о Фатиме Джинне см. в последней книге автора: Anna Suvorova. Widows and Daughters. Gender, Kinship, and Power in South Asia. Karachi. Oxford University Press, 2019, pp. 241-260.

В построении книги А.А.Суворовой нет изъянов и непоследовательностей. В случае немногочисленных сюжетных повторов автор сама отсылает читателя к предшествующим главам. Доставляет особое удовольствие чтение примечаний к тем или иным фактам и событиям, которых касается автор.

В завершающей главе книги - «Триумф и прощание» - автор рассказывает о триумфальном возвращении Джинны в середине августа 1947 г. в родной Карачи, чтобы вступить в должность первого генерал-губернатора Пакистана, повествует о многочисленных проблемах, с которыми он столкнулся, создавая новое государство с чистого листа. На последних страницах книги автор рисует образ тяжело больного, но внутренне исключительно сильного, негибаемого человека, чья смерть в сентябре 1948 г. положила начало новому этапу его жизни, теперь уже в памяти людей.

Закончить рассказ о книге хотелось бы словами А.А.Суворовой, которые возвращают нас к её названию, заимствованному, очевидно, у Джейн Остин³.

Описывая мавзолей Каид-и-Азама (Великого вождя) М.А.Джинны в Карачи и скромную, затерянную на бомбейском кладбище могилу Ратти, автор отмечает: «Несравнимые посмертные судьбы были уготованы Джинне и той единственной женщине, которую он любил. Любил, но не сумел ни сделать ее счастливой, ни сам испытать счастья, ибо взял на себя неподъемную ношу, не оставлявшую места для любви. Однако он поднял эту ношу, вынес ее к людям в большой мир и, умирая, передал будущим поколениям пакистанцев».

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Белокреницкий Вячеслав Яковлевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий центром Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока, Институт востоковедия РАН, Москва, Россия; член редколлегии журнала «Азия и Африка сегодня», Москва, Россия.

Vyacheslav Ya. Belokrenitsky, Dr.Sc. (History), Professor, Head, Center for Middle East Studies, Institute of Oriental Studies, Moscow, Russia; Member, Editorial Board, "Asia and Africa today" journal, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 20.01.2022

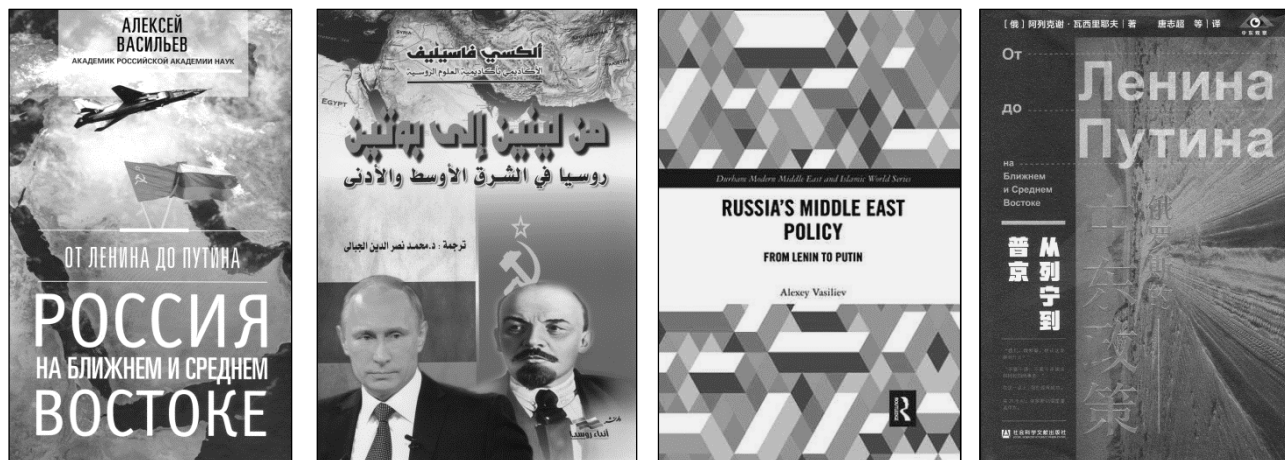
Доработана после рецензирования
(Revised) 15.02.2022

Принята к публикации
(Accepted) 22.03.2022

³ Джейн Остин (1775-1817) - английская писательница, автор знаменитых романов, в т.ч. «Sense and Sensibility» (1811), который известен на русском языке как «Разум и чувство». Распространен и другой перевод - «Чувство и чувствительность» (прим. авт.).

Монография академика Алексея Васильева в Египте, Великобритании и Китае

От редакции. Четыре года назад - в № 2-2018 - мы информировали читателей о выходе из печати в нашей стране книги Алексея Васильева «От Ленина до Путина. Россия на Ближнем и Среднем Востоке» (М., Центрполиграф, 2018. 670 с. ISBN 978-5-227-07511-6).

Книга охватывает 100 лет наших отношений с регионом - от мессианского романтизма до сурового прагматизма: Суэцкий кризис 1956 г., арабо-израильские войны 1967 и 1973 гг., война в Персидском заливе 1991 г., советское вмешательство в Афганистане, политика Москвы в отношении Израиля.

Монография известного ученого-востоковеда - результат его полувекового изучения Ближнего и Среднего Востока. Впервые в международной историографии рассматривается процесс принятия решений в Кремле по вопросам ближневосточной политики, приводятся неизвестные ранее факты. Автор дает честную и непредвзятую оценку целей, методов и средств политики Москвы, ее реальных достижений и просчетов в этом регионе, анализирует прагматичные шаги руководства новой России в рамках борьбы с терроризмом, в связи с интервенцией США и их союзников в Афганистане и Ираке, «арабской весной» и сирийским кризисом.

Автор, в частности, пишет: «Вся история России, ее особой структуры, психологии русских и других народов ее населяющих, система ценностей, которую они разделяют, говорит о том, что, заимствуя от Запада, приближаясь к Западу, она остается сама собой. Подъем Востока и желание оставлять не только окно, но и дверь открытой для сотрудничества со странами Востока, позволяет России быть собой и одновременно впитывать достижения других народов» (с. 626).

Эта книга академика А.М.Васильева была издана в Египте на *арабском языке* (Cairo, Anba Rusia. 2018. 746 с., совместно с Египетско-российским Фондом культуры и наук). Презентация с участием автора состоялась в Каире 30 января 2018 г.

14 августа 2020 г. она вышла из печати в Лондоне на *английском языке* - Alexey Vasiliev. *Russia's Middle East Policy. From Lenin to Putin. London, Routledge, 554 p.* ISBN 9780367592080.

В 2021 г. в Пекине монография была издана Академией общественных наук КНР на *китайском языке* (Beijing, Social Science Academic Press. 2021. 584 с.).

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
АКАДЕМИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

НА БАЗЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
с 1994 года

Преподаватели – ведущие российские ученые

- более 30% – доктора наук
- более 45% – кандидаты наук

Стажировки в:

- ведущих научно-исследовательских организациях
- органах государственной власти
- крупнейших общественных организациях
- бизнес-структурах

Интеграция науки
и образования

Бюджетные
места

Насыщенная
студенческая жизнь

Отсрочка от армии

БАКАЛАВРИАТ

МАГИСТРАТУРА

АСПИРАНТУРА

НАПРАВЛЕНИЯ ПОДГОТОВКИ:

• История •

• Философия •

• Политология •

• Социология •

• Международные отношения •

• Зарубежное регионоведение •

• Востоковедение и африканистика •

• Психология •

• Культурология •

• Археология •

• Менеджмент •

• Юриспруденция •

• Экономика •

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Горячая линия: +7 (499) 238-04-12

facebook.com/gaugn

instagram.com/gaugn_/_

vk.com/gaugn

gaugn.ru

E-mail: info@gaugn.ru

Лицензия 90Л01 № 0009385 регистр. № 2323 от 9 августа 2016 г.
Свидетельство о государственной аккредитации № 3207 от 24 июля 2019 г.

БАКАЛАВРИАТ

Востоковедение и африканистика

МАГИСТРАТУРА

Экспертно-аналитическое востоковедение

АСПИРАНТУРА

Обучение в Институте востоковедения РАН

Обучение на восточном факультете предполагает сочетание классического востоковедного образования с углубленным изучением теории международных отношений, политологии, а также философии, религии и общественной мысли Востока.

Основа востоковедного образования — профессиональное овладение одним из восточных и английским языками. **Основные языки — арабский, китайский, корейский и японский.**

Обучение проходит в малочисленных языковых группах, что гарантирует индивидуальный подход к каждому студенту и создает комфортную атмосферу для эффективного усвоения материала.

Изучение обширного комплекса исторических, философских, религиоведческих, политологических и культурологических дисциплин готовит выпускника к исследовательской, переводческой и практической деятельности во всех сферах взаимодействия со странами и народами Азии и Африки.

5 ПРИЧИН ПОСТУПИТЬ В ГАУГН

ВЫДАЮЩИЕСЯ ПРЕПОДАВАТЕЛИ

Ученые из научно-исследовательских институтов РАН, включая академиков, членов-корреспондентов, докторов и кандидатов наук.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Мы не набираем на курс более 35 человек. Преподаватель общается с каждым индивидуально, помогает в выборе вектора профессионального развития.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Некоторые лекции читают приглашенные специалисты из других стран. Большое внимание уделяется языковой подготовке.

УДОБСТВО

Факультеты находятся в Москве в непосредственной близости от метро. Обучение в магистратуре и аспирантуре в основном проходит в вечернее время. Подать документы можно онлайн.

СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Студенты ГАУГН могут участвовать в многочисленных студенческих клубах («Что? Где? Когда?», Клуб политического анализа, Китайский разговорный клуб и др.).